

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

РАННИЕ ЭТАПЫ УРБАНИЗАЦИИ

XXXI Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Москва, 17–19 апреля 2019 г.

Материалы конференции

Москва
2019

Russian Academy of Sciences
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

**EASTERN EUROPE
IN THE ANTIQUITY
AND THE MIDDLE AGES**

EARLY STAGES OF URBANIZATION

XXXI Readings
Dedicated to the Memory of
Vladimir Pashuto

Moscow, 17–19 April 2019

Moscow
2019

ББК 63.3

В 782

Конференция проводится при поддержке РФФИ,
проект № 19-09-20005

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А. Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Т.М. Калинина (ответственный секретарь)
к.и.н. И.М. Никольский (ответственный секретарь)
к.и.н. Ю.А. Артамонов
д.и.н. Т.В. Гимон
д.и.н. Т.Н. Джаксон
М.И. Дробышев
д.и.н. И.Г. Коновалова
к.и.н. Е.В. Литовских
к.филол.н. В.И. Матузова
д.и.н. А.В. Назаренко
д.и.н. А.В. Подосинов
к.и.н. Б.Е. Рашковский
д.и.н. Л.В. Столярова
к.и.н. А.С. Щавелев

ISBN 978-5-94067-498-6

В 782

© Институт всеобщей истории РАН, 2019 г.

© Авторы, 2019 г.

© Редакционная коллегия, 2019 г.

ГОРОД ГОТИИ НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В X в.*

Готию, вероятно, создали захватившие в начале VIII в. Горный Крым хазары, объединившие климаты (архонтии) Херсона в новое административное образование со столицей в Доросе. Очевидно, правителем Готии каган назначил архонта климы Дорас и поручил ему сбор дани для каганата (Айбабин 1999. С. 210, 211).

Н.И. Репников локализовал г. Дорос на плато Эски-Кермен. По утверждению Н.И. Репникова, в 962 г. на плато находилась резиденция готского топарха, а после разрушения хазарами укреплений Эски-Кермена ее перенесли на гору Мангуп (Репников 1932а. С. 116–117, 130, 136, 137, 144, 149–150; 1932б. С. 181–211). С этими суждениями Н.И. Репникова согласились А.А. Васильев (Vasiliev 1936. Р. 72, 73) и Г.В. Вернадский (2000. С. 206–207). Топархом Готии Васильев и Репников, так же как и многие другие, именовали византийского чиновника, которого считали автором анонимной записки, названной академиком А.А. Куником «Запиской готского топарха» (Куник 1874. С. 61). Ее в 1819 г. опубликовал французский византист К.Б. Газе в качестве объяснительного примечания к изданной по поручению и на средства русского канцлера графа Н.П. Румянцева «Истории» Льва Диакона (Медведев 2003. С. 160). По мнению А.А. Васильева, в тексте «Записки» идет речь о нападении хазар в 962 г. на десять городов Готии и опустошении ее главного центра Дороса. Для защиты Готии от нападений хазар топарх в том же году прибыл в Киев и заключил с князем Святославом соглашение об установлении до 972 г. протектората Руси над Готией. По словам А.А. Васильева, в этот период русские продолжали нападать на византийский Херсон (Vasiliev 1936. Р. 117, 126–131).

И.И. Шевченко (Ševčenko 1971. Р. 117–188) и И.П. Медведев (2003. С. 160–172) убедительно доказали, что «Записка готского топарха» изготовлена его первым издателем К.Б. Газе и тем самым превратили сочиненный А.А. Васильевым сюжет о протек-

торате Святослава над Готией и набегах хазар на ее города в 962 г. в исторический анекдот.

Однако Н.А. Алексеенко в своих статьях, игнорируя аргументацию И.И. Шевченко и И.П. Медведева, некритично пересказал рассказ А.А. Васильева о топархе независимой Готии (Алексеенко 1998. С. 232, 233; 2006. С. 564–570).

Выводы Н.И. Репникова и А.А. Васильева опровергают и материалы многолетних раскопок авторов на плато Эски-Кермен, в результате которых установлено, что Дорос находился на плато Мангуп (Айбабин, Хайрединова 2017. С. 158, 301), а хазары напали на Эски-Кермен не в 962 г., а между 784 и 787 гг. При подавлении антихазарского восстания в Готии по приказу хазарского военачальника на плато засыпали оборонительные стены (Айбабин 2010. С. 218–219). Во второй половине IX в. после включения крепостей Горного Крыма во вновь образованную византийскую фему в городе на Эски-Кермене находилась резиденция архонта одной из ее клим. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы, как вырубленные башни, казематы и главные ворота (Айбабин 2010. С. 222–223; 2014. С. 240–241). В 962 г. город не запустел, а его жители не переселялись на плато Мангуп. В X в. в городе в жилых кварталах сооружают часовни (Айбабин, Хайрединова 2011. С. 422). Археологические раскопки позволили выявить непрерывную разностороннюю экономическую деятельность горожан вплоть до нападения Ногай (Айбабин 2010. С. 222–223; 2014. С. 240–241, 243–245; 2018. С. 279, 283; Хайрединова 2016. С. 208–221).

Судя по немногочисленным считающимся достоверными письменным источникам и печатям в X – третьей четверти XI в. климаты Готии входили в фему Херсона. О подчинении Византии городов Корсунской страны сказано в договорах императоров 944 г. с князем Игорем и 971 г. с князем Святославом (ПВЛ. С. 37, 52; Пашуто 1968. С. 65). Печати турмарха Готии конца X – начала XI в. свидетельствуют о создании в составе фемы Херсона турмы Готии, которой управлял византийский офицер турмарх (Alekséenko 1996. Р. 271–275). Примечательно, что печать найдена в столице Готии Доросе на Мангупе.

Примечание

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» №18-09-00314.

Литература

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 2010. Вып. 16. С. 214–239.
- Айбабин А.И.* Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 240–277.
- Айбабин А.И.* Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 277–304.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. 17. С. 422–457.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.) // Крым в истории, культуре и экономике России. Симферополь, 2017.
- Алексеев Н.А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. IX. С. 230–235.
- Алексеев Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. 12 (2). С. 564–570.
- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. М., 2000.
- Куник А.А.* О записке готского топарха // Зап. Имп. Акад. наук. СПб., 1874. Т. 24. С. 61–160.
- Медведев И.П.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160–172.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. 12. С. 107–152. (а)
- Репников Н.И.* Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. 12. С. 181–212. (б)
- Хайрединова Э.А.* Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 208–221.
- Alekséenko N.A.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // Revue des études Byzantines. P., 1996. Vol. 54. P. 271–275.
- Ševčenko I.* The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 115–188.
- Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН И ЕГО БЛИЖНЯЯ ОКРУГА (ПО ДАННЫМ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ МОЛИВДОВУЛОВ)

Ранневизантийские надписи повествуют о том, что в самом конце V в., в 488 г., представителем местной администрации был комит Диоген (Латышев 1896. С. 10–15), а викарий командовал византийским гарнизоном Херсона (Цукерман 1995. С. 559, 560). В конце VI в. появляется должность дуки Херсона (Латышев 1896. С. 105–109), но уже во второй половине VII в. дукат был упразднен, с VIII в. управление регионом переходит к архонтам Херсона (Алексеенко 2017. С. 27–58). Данных о составе местного бюрократического аппарата в нарративных текстах и эпиграфике нет, однако дополнительные сведения на этот счет позволяют получить памятники сфрагистики.

Судя по печатям, в Херсоне находились все бюрократические службы или ведомства, которые были присущи большинству провинциальных центров Византийской империи. Несмотря на эпиграфические свидетельства о дукате Херсона, печатей местных дук нам до сих пор не известно. В то же время присутствуют моливдовулы целого ряда местных чиновников, которые в известной мере позволяют представить местный уклад жизни с его своеобразием и спецификой.

К сожалению, из печатей, принадлежащих, на наш взгляд, представителям местного херсонского аппарата управления той эпохи, можно назвать лишь единственный моливдовул, который в данном контексте мы предложили отнести к патеру полиса Херсона (Алексеенко 2017. С. 410, 411, № III.7.1₁₋₂).

На представителей имперской администрации могут указывать ряд печатей чиновников, связанных с исполнением важных государственных функций. К примеру, это моливдовулы сборщика налогов – *аркария*, или *переводчика*, Стефана (Соколова 1991. С. 206, № 13–15).

Присутствие среди находок в Херсоне булл магистра Бизацены Иоанна (Алексеенко 2009. С. 351–352, № 1, рис. 1), страшила-та Зоида (Алексеенко 2010. С. 368–369, № 3), друнгария Михаи-

ла (Алексеев 2008. С. 9, 11, № 2, рис. 1, 9), комита Опсия Артавазда (Алексеев 1999. С. 65–82), коммеркиариев Феодора и Исидора (Алексеев 2016. С. 8, 9, № 2; Соколова 1991. С. 208, № 26), нотариуса Феодора, императорского магистриана Анфима (Соколова 1991. С. 209, 213, № 38, 56) и ряда других, несомненно, свидетельствует о достаточно высоком статусе Херсона уже на самых ранних этапах его средневековой истории как важного стратегического, административного и экономического центра.

По печатям стали известны типичные для многих византийских центров гражданские чиновники – секретари-асикриты. Среди булл херсонского архива печатей выявлены два моливдовула (VII–VIII вв.), весьма вероятно принадлежавшие одному и тому же персонажу по имени Феофан. На одной печати он представлен в чине асикрита, на другой – императорского асикрита. Чином асикрита первоначально (в VI в.) обладали только секретари императорской канцелярии, в дальнейшем же асикриты появились в большинстве имперских служб и ведомств, а сама должность приобрела более универсальные функции, не связанные с исполнением именно секретарских обязанностей. В то же время известно, что императорские асикриты назначались и для выполнения ответственных дипломатических поручений, а также выполняли важные личные поручения императоров (Bury 1911. Р. 97, 98). Нередко асикритам, причем как ведомственным, так и императорским, поручалось проведение различных ревизионных проверок, в том числе и налоговых. В нашем случае находки печатей асикритов в Херсоне, очевидно, являются дополнительным свидетельством существования постоянного контроля за состоянием дел на полуострове в период сложных внутри- и внешнеполитических отношений в конце VII – начале VIII в.

К этой группе, очевидно, следует отнести и печать референдаря Константина (VI – рубеж VI–VII вв.). В византийских источниках референдарий упоминается, прежде всего, как государственный служащий центральной администрации, хотя он известен и в провинциальных центрах. Как секретарь императора он играл заметную роль в деле управления государством, особенно при Юстиниане I (527–565). В его обязанности входили сбор и подача прошений императору, а также передача высо-

чайших повелений василевса и ответов монарха просителям. К началу VII в. референдарии полностью исчезли из имперской канцелярии, уступив место асикритам (Stein 1949. P. 738). В дальнейшем этот чин не использовался в имперской практике. И только в X в. он появляется в перечне архонтов патриарха (Oikonomidès 1972. P. 251₂₄).

Наряду с асикритами и референдарием на печатях херсонского архива представлены и другие важные чиновники. Яркими примерами тому служат моливдовулы хартуляриев Феопемта (VI–VII вв.) и Феодора (VII в.). Хартулярии являлись высокопоставленными государственными служащими, следившими в провинциях за имперскими землями. Их роль состояла в том, чтобы сохранять общее состояние провинциального кадастра, главным образом в крупных городах, и контролировать финансы фем (Bury 1911. P. 87). Позже они появились практически во всех гражданских, военных и церковных ведомствах и, в основном, их назначение сводилось к ведению различной документации. Собственников херсонских моливдовулов, скорее всего, следует рассматривать как представителей столичного фискально-податного ведомства. Безусловно, их корреспонденция была адресована властям Херсона, среди которых, надо полагать, находился и соответствующий кадастровый чиновник.

К ведомству имперского фиска принадлежит и моливдовул главного коммеркиария Феодора (VIII в.), который демонстрирует очевидное осуществление контроля над внешней торговлей задолго до появления собственной таможни в Херсоне. Судя по всему, в городе существовал и местный функционер, отвечавший за эту сферу деятельности.

Еще один чин представляют моливдовулы комитов Феодора (конец VI в.) и Константина (VII в.). Комиты могут быть представителями местных властей (см. выше об эпиграфическом источнике). Однако в Херсоне преобладают печати представителей имперских финансов, поэтому соблазнительно видеть в Феодоре и Константине комитов ведомства главного логофета (κόμης τῶν ὑδάτων), контролировавших техническое обслуживание труб, обеспечивавших водоснабжение (Bury 1911. P. 87).

И наконец, еще одна печать знакомит нас с ранее не встречавшимся в Крыму рангом иллюстрия, представленным на моливдовуле с именем Сергия (VI – начало VII в.). Как известно, это был один из высших сенаторских титулов в ранней Византии. Реформация сенаторского сословия привела к тому, что в VI в. термин «иллюстрий» превратился фактически в обозначение сенаторского звания (Jones 1992. Р. 529). Как правило, на печатях иллюстриев отсутствует должность. Е.В. Степанова отмечает на примере итальянских булл, что печати иллюстриев, скорее всего, представляют местных влиятельных собственников (Степанова 2006. С. 29). Печать иллюстрия Сергия с хоры византийского Херсона, конечно, не дает оснований считать владельца одним из местных аристократов. Однако ее появление – сам по себе факт уникальный. И если даже владелец печати был столичным сановником, отправка его корреспонденции в Крым является немаловажным фактом. Эта находка в очередной раз подтверждает, что Херсон и его администрация имели тесные контакты с представителями высших кругов империи. Об этом свидетельствуют уже не только находки императорских печатей, но и моливдовулы сенатора-иллюстрия и референдария.

Таким образом, ранневизантийские печати, происходящие как с территории византийского Херсона, так и с его периферии, показывают, что в VI–VIII вв. уклад жизни этого провинциального центра был обеспечен представителями обширного бюрократического аппарата империи, которые контролировали различные сферы городской жизни от обычного делопроизводства и составления нотариальных актов до контроля за земельным кадастром и внешней торговлей, а также обеспечения дипломатических поручений василевса.

Литература

- Алексеевко Н.А.* Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсона // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 65–82.
- Алексеевко Н.А.* Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // Судакский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 8–15.
- Алексеевко Н.А.* «Militaria Byzantina» в Таврике (по данным моливдовулов) // БИ. Керчь, 2009. Вып. 21. С. 350–356.

- Алексеевко Н.А.* Новые находки византийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму // Сугдейский сборник. Киев, 2010. Вып. 4. С. 365–375.
- Алексеевко Н.А.* Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер.: История, регионоведение, междунар. отношения. 2016. Вып. 21, № 5. С. 6–18.
- Алексеевко Н.А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
- Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 201–213.
- Степанова Е.В.* Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI–VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006.
- Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 545–561.
- Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911.
- Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602. Baltimore, 1992. Vol. 2.
- Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972.
- Stein E.* Histoire du Bas-Empire. P., 1949. T. 2.

А.А. Анисимова

ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ НА МОНАСТЫРСКИХ ЗЕМЛЯХ В РАМКАХ ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ В АНГЛИИ XI–XIII вв.

В ходе освоения новых земель – вырубки лесов и осушения болот – возникали также новые города, как «основанные», так и «органические». В целом процесс внутренней колонизации в Англии примерно совпадает с периодом интенсивного роста городов, при этом наиболее активная фаза пришлась на XII в.

Благодаря своим значительным земельным владениям монастыри были важными участниками процесса внутренней колонизации. Они, или их держатели и арендаторы, активно расчищали леса для превращения их в участки пахотной земли, пастбища или луга, осушали болота, осваивали пустоши и даже об-

щинные угодья. Расчищаемые участки леса могли сильно различаться по размеру – от четверти акра до 100 акров. Эта деятельность могла привести к конфликтам как с королевской властью, так и с собственными держателями (горожанами или крестьянами).

В целом, участие монастырей в освоении новых земель определялось географическими факторами: расположением самих монастырей и их владений. Наиболее вовлеченными в процесс освоения пустошей и лесных территорий были цистерцианцы. Чаще всего им приходилось заниматься расчистками прямо на месте расположения своего монастыря. Августинцы, в целом, располагали меньшими территориями и потому имели меньше возможностей для проведения расчисток, но и они принимали в них участие. Наконец, большинство крупных бенедиктинских монастырей тоже приняли участие в лесных расчистках, но, поскольку сами монастыри зачастую располагались в уже освоенных районах, расчистки производились в отдаленных поместьях.

Два важных фактора определяли вовлеченность монастырей в процесс освоения новых земель: их географическое положение и временной фактор.

В нормандский период в целом ряде регионов Англии еще сохранялись леса. Считается, что в 1086 г. в Англии леса составляли 15% территории, а к середине XIV в. – 10%. Нужно, правда, отметить их весьма неравномерное распределение. Так, графство Эссекс во времена «обследования Страшного суда» было еще весьма густо покрыто лесами, особенно на юго-западе, что сделало данный регион местом значительных лесных зачисток. Разумеется, Эссекс не был исключительным местом, где происходил процесс колонизации. Кроме того, расчистка лесных территорий не была единственным методом, использовавшимся в ходе внутренней колонизации. Например, в графстве Девон, имевшем сходную с Эссексом систему расселения, с большим количеством маленьких городков, процесс освоения новых земель включал не только и не столько расчистку лесов, сколько освоение болот, пустошей и возвышенностей. А в районе Болот (Фенс) шло активное освоение заболоченных территорий.

Между тем монастыри приняли довольно активное участие в процессе основания новых городов, который захватил Англию в XI–XIII вв. На их долю приходится 18 городов в одной только юго-восточной Англии. Некоторые из них были основаны на территории недавно произведенных лесных расчисток (хотя необходимо отметить, что это не было, как представляется, решающим фактором их существования).

Городок Баттл (графство Сассекс) является любопытным примером основания поселения прямо у стен монастырской обители во второй половине XI в., причем произошло это в ходе освоения новым монастырем пожалованной ему территории, расположенной в лесистой части Уилда в Сассексе, с нераспаханными землями и незначительным населением. Процесс создания данного города, так же как и освоения территории в целом, был описан в монастырской хронике, составленной около 1176 г.

Более распространенными, однако, были города, основанные на территориях, расположенных на расстоянии от самих монастырей. Если проанализировать деятельность августинского монастыря Уолтэм Эбби (графство Эссекс) по расчистке лесных территорий, то можно отметить несколько поселений, которые возникли в результате инициатив по освоению новых территорий: Эппинг (*Epping*), Лоутон (*Loughton*) и Нейзинг (*Nazeing*). Однако, хотя они и возникли похожим образом, не все из них стали городами. Сравнение обстоятельств их возникновения и развития, а также деятельности монастыря в каждом конкретном случае показывает, что причиной того, что Нейзинг и Лоутон сохранили свой сельский характер, стало их неудачное расположение, а также, по-видимому, отсутствие желания у монастыря создавать там города.

Сравнение данных о развитии г. Эппинга с другими монастырскими городами, которые возникли примерно в то же время в результате лесных расчисток (например, Брентвуд в Эссексе, Бакфестли в Девоне, и др.) или просто по инициативе монастырей (например, Биллерикей в Эссексе), позволяет выделить определенные этапы в основании новых городов (расчистка леса, разбивка держаний, получение рыночной грамоты, и т.д.), а также определить основные факторы их развития (расположе-

ние на важных дорогах, местоположение по отношению к другим поселениям, особенно принадлежавшим тому же сеньору, и др.). Можно также выделить определенное топографическое сходство данных городов: расположение на границе приходов, локализация с одной стороны дороги.

Схожие процессы, хотя и с рядом особенностей, были характерны и для других территорий, освоение которых велось в ходе так называемой внутренней колонизации, – пустошей и болотистых местностей. Их меньшая урбанизованность определялась целым рядом факторов, равно как и вовлеченность представителей разных монашеских орденов в данный процесс.

Ю.А. Артамонов

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЦЕРКВИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Первоначальной и основной формой материального обеспечения Русской церкви в домонгольский период была десятина, которая представляла собой ежегодное отчисление в размере 1/10 части от совокупного дохода княжеской казны. Именно так она определяется в статье 6504 (996) г. «Повести временных лет», в «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» и, наконец, в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124; Шапов 1976. С. 15, 147). На первых порах десятина являлась средством содержания архиерейских кафедр, потом ее стали получать отдельные храмы и монастыри (Артамонов 2017. С. 241).

К третьей четверти XI в. относятся первые достоверные свидетельства о церковной земельной собственности. В Житии Феодосия Печерского (начало XII в.) упоминаются «монашеские села», которые получал игумен Феодосий (1061–1074) от состоятельных покровителей монастыря – князей и бояр (Успенский сборник 1971. С. 93). Первые известия о селах, принадлежащих епископской кафедре, датируется 1136 г. (Шапов 1976. С. 143).

Источники свидетельствуют, что во владении церковных институтов находились не только села, но и города. Около 1158 г. и то, и другое князь Андрей Юрьевич Боголюбский (1157–1174) передал Успенскому собору во Владимире, который намеревался сделать центром независимой от Киева митрополии. Рассказывая о событиях 1175–1176 гг., владимирский летописец укоряет князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей за то, что они отняли у святой Богородицы «города ея и дани», которые прежде были пожалованы князем Андреем (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375). Известно, что, по крайней мере в первой половине XIII в., одним из таких городов являлся Гороховец на Клязьме, названный в летописи «градом святой Богородицы» (Там же. Стб. 470, 523). Под 6677 (1169) г. Лаврентьевская летопись сообщает о разграблении половцами сел в районе города Полоного, который принадлежал Десятинной церкви в Киеве (Там же. Стб. 358).

Особый интерес в связи с обозначенной проблемой представляет известие Жалованной записи князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии, с датой – 30 сентября 1150 г.:

[А] се и еще и холмъ даю с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу, яко ж(е) дано дедом моим Володи[м]ером Семеонови преж(е) еп(и)ск(о)пу строит(и) наряд ц(е)рк(о)вныи и утвѣржен(ѣ)е. В лѣто 6659, индик(та) 14, м(е)с(я)ц(а) сен(тя)бря 30 (Щапов 1976. С. 147).

Эта запись входит в состав так называемых Уставных грамот Смоленской епископии XII–XIII вв., дошедших до нас в единственном списке первой половины XVI в. Данный комплекс представляет собой четыре документа, которые разделены по смыслу прописными буквами и абзацами (Там же. С. 140). Первый из них – Уставная и жалованная грамота Смоленской епископии, составленная от имени смоленского князя Ростислава Мстиславича (1125–1167, с перерывами), определяет доходы и юрисдикцию вновь учреждаемой кафедры. Здесь приводится перечень городов и погостов с указанием денежных сумм («десятина от всех даней»), которые ежегодно должен был получать с них правящий архиерей. Кроме того, говорится о передаче «святой Богородице» недвижимого имущества: сел, сенокатен, озер, лугов, огорода и птичника («тетеревника»). Второй документ, Грамота смоленского епископа Мануила, подтверждает уста-

новление Ростислава и запрещает возвращение Смоленской епархии в состав Переяславской. Оба акта относятся к 1136 г., когда, согласно летописи, «поставиша епископа Мануила скопца Смолинську» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304; Бережков 1963. С. 50–51). Затем следует вышеприведенная Жалованная запись Ростислава 1150 г., а за ней – Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли, датируемая концом XII – первой половиной XIII в. (Щапов 1972. С. 146).

По вопросу о том, что именно в 1150 г. князь Ростислав Мстиславич пожаловал «с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу», в историографии существуют две принципиально разные точки зрения. Согласно первой, в слове «холм» нужно видеть топоним – название населенного пункта/города. Так, П.В. Голубовский полагал, что объектом княжеского пожалования был Брагин Холм (ныне – дер. Холм Темкинского р-на Смоленской обл.) – городок, лежавший на пути из Смоленска в Ростовскую землю (Голубовский 1895. С. 76–77). По мнению М.Д. Присёлкова, кафедре был передан г. Холм на р. Угер/Угерка (ныне – г. Хелм в составе Люблинского воеводства Польши), располагавшийся приблизительно в 70 км к северо-западу от Владимира Волынского (Присёлков 2003. С. 184). Согласно второй точке зрения, высказанной Я.Н. Щаповым, речь в Жалованной записи князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии идет не о городе, а о форме рельефа – небольшой возвышенности внутри Смоленска, на которой стоял кафедральный храм в честь святой Богородицы – резиденция смоленского архиерея (Щапов 1963. С. 46). Эта гипотеза получила известное признание в науке (Карпов 2016. С. 271).

Между тем данное суждение Я.Н. Щапова ставит трудноразрешимые вопросы. Во-первых, почему при наличии полной датировки (день, месяц, индикт, год) в записи отсутствуют какое-либо указание на местонахождение холма, например, относительно других объектов города. Если обратиться к Уставной и жалованной грамоте Смоленской епископии, то в ней применительно к различным географическим объектам пожалования – землям, озерам, сеножатням, лугам – такие указания имеются: «И се есми дал землю в Погоновичох Моишин(ь)скую с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу и озера Нимикорская и с сено-

жат(ь)ми, и уездъ княж(ь), и на Сверковых луках сеножатни и уездъ княж(ь), озеро Колодарское с(вя)тѣи Б(ого)родици» (Щапов 1976. С. 143). При этом важно заметить, что при обозначении того или иного города Смоленской земли дается только его название: «А в Торопчи дани четьриста гривен... А в Жижци дани 130 гривен... А въ Каспли 100 гривен... А в Хотшине дани 200 гривен...» (Там же. С. 141). Во-вторых, почему пожалование земли под кафедральный собор Смоленска было осуществлено задним числом, когда он уже был не только реконструирован (1130–1140-е годы), но и заново освящен? Известно, например, что передача Киево-Печерскому монастырю земли под каменный Успенский храм предшествовала его строительству: «И се по строю Божию бѣ бл(а)гии князь С(вя)тославъ тоуда миноуя, и видѣвъ многъ народъ, въпроси, чѣто творять тоу, и яко же оувѣдѣвъ, и сѣвративъ коня, приѣха къ нимъ и, яко от Б(ог)а подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемъ поли веля тоу възградити тоу таковою ц(е)рк(о)вь» (Успенский сборник 1971. С. 125).

Кроме того, приведенное в Жалованной записи выражение «еп(и)ск(о)пу строит(и) наряд ц(е)рк(о)внии и утвѣржен(ѣ)е» нужно понимать в том смысле, что переяславскому архиерею Семеону было поручено не просто построить каменный храм в Смоленске, как полагал Я.Н. Щапов, но и организовать церковное управление [ср.: «На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ е(с)мь, и в ловчи ловчи нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣ(х), и о соколѣхъ, и о ястрябѣ(х)» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 251)]. А для этого, в первую очередь, требовались денежные средства, а не только земельный участок.

Таким образом, представляется, что исследователи рубежа XIX–XX вв. были правы, когда определяли «холм» Жалованной записи князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии от 30 сентября 1150 г. как источник получения кафедрой денежных средств – город. Вместе тем предложенные ими локализации Холма нельзя признать удачными.

Литература

Артамонов Ю.А. Кто в Древней Руси мог рассчитывать на получение десятины? // Русь эпохи Владимира Великого: государство, цер-

ковь, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 229–241.

Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Голубовский В.П. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895.

Карпов А.Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016.

Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.

Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. к печати О.А. Князевская и др. М., 1971.

Щапов Я.Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 37–47.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

В.А. Арутюнова-Фиданян

НОВЫЕ ОКРУГА И НОВЫЕ ГОРОДА ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ ВИЗАНТИИ (ПО «КАВКАЗСКОМУ ДОСЬЕ» КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО). ТЕРМИНОЛОГИЯ

История армяно-византийских отношений с середины IX – начала X в. освещалась как армянскими, так и византийскими источниками (в особенности трактатами Константина VII Багрянородного) и интерпретировалась большим количеством многовековых исследований. Однако существует лакуна в толкованиях и переводах самых важных и часто употребляемых терминов DA1: *χώρα*, *χωρίον*, *χωρόπολις*. Они тесно связаны с основными трендами политического курса Византии в этот период: последние этапы арабо-византийского противостояния, разгром или подчинение арабских эмиратов на армянской территории и попытки постепенного присоединения к империи владений армянских и ивирских Багратидов.

Современные переводчики DA1 не стремятся уточнить и унифицировать перевод, произвольно выбирая из широкого спектра смыслов «хоры» и «хориона» слова, уместные, по их

мнению, в том или ином контексте, и переводят их как «страна», «владение», «территория», «область», «деревня», «сельская местность» и т.п., или *country, place, territory, village* и т.п. Автор (авторы) или редактор (редакторы) DAI, по-видимому, сознательно не расцветчивали текст синонимами этих часто употребляющихся лексем, несомненно, считая их унифицированное восприятие необходимым для адекватного понимания трактата. А переводчики воспринимают их как обыденные слова, близкие по смыслу и легко заменяемые, а не как принимаемые или уже принятые термины, точно обозначающие объекты византийской экспансии, зафиксированные в «Кавказском досье».

Метафоричность общественного сознания – расширение или сужение базового смысла слов при образовании новых терминов – предмет современной лингвистической теории о креативности языка и влиянии языковых структур на менталитет. В нашем случае анализ усложняется тем, что многозначные греческие лексемы (ἡώρα, χωρίον) вводятся в текст греческого трактата как перевод с армянского языка. Информаторы Константина и его предшественников, по большей части принадлежавшие к армяно-халкидонитской эллинофильской аристократии, привычно воспринимали землю Армении как *ašxarh hayoc*, и поэтому в их докладах византийскому двору, написанных по-гречески или переведенных с армянского на греческий, появляется ἡώρα, наиболее близкий эквивалент армянского *ašxarh* (ашхар), – термин, который издавна принадлежал культурной, экономической, политической, социальной и административной системе. Но эта система не была византийской.

Армянские крупные области (ашхары) – это территории бывших племенных союзов или политических объединений, тесно связанных с этногенезом: «ашхары» являются местами расселения этнических групп, позднее вошедших в состав армянского народа.

В начале IV в. в Армении закрепляется родо-феодальный нахарарский строй не только как социально-экономическая система, но и как политическая – это многоступенчатая вертикальная структура владетелей «ашхаров» разного масштаба: цари Великой Армении, вассалами которых *de jure* были все другие армянские цари-князья (*de facto* почти независимые), владетели

отдельных областей и, наконец, правители городов, крепостей и крупных поместий. Эта структура сотни лет лежала в основе пирамиды армянского нахарарского царства и оставалась совершенно непоколебленной в ходе завоеваний и административных перемен, сметавших только верхние слои пирамиды. Именно она оказалась на пути Византийской империи в процессе инкорпорирования армянских царств и княжеств. Общая семейная собственность знатных фамилий – при том, что субъектом домена был глава рода, – закрепила за их владениями обозначение «ашхар» (земля): Земля Мамиконянов, Таронитов, Арцруни, Сюни и т.д. Историческая Армения, согласно «Армянской географии» (VII в.), состояла из 15 больших административных единиц (нахангов или ашхаров).

Хώρα (*ašxarh*) – это и вся Армения, и пространство той или иной «Земли» в целом, а также пространство, окружавшее большой город и ему подчиненное (эквивалентами хоры в этом случае являются *περίχωρος* и *ἐπικράτεια*). Χωρίον может быть эквивалентом греч. *κόμη* (малая фискальная единица), равно как и *κομόπολις*, близкого по значению к арм. *гюлакалак* (*giwlaḳ'alak'*) или *калакагюл* (*kalak'agiwl*) – поселение, постепенно превращающееся в город.

Термин «фема» в трактате Константина Багрянородного в классическом смысле (административный округ, единица провинциального управления империи) употребляется, главным образом, в отношении западных регионов. Константин Багрянородный в начале «Кавказского досье» впервые проводит четкое различие между «фемами» ромеев и вновь обретаемыми «хорами». Владелец «хоры» Тарон выступал вместе с «сарацинами» против «фем, подвластных василевсу ромеев». «Хора» закрепляется впоследствии в империи как термин, обозначающий военно-административные округа Византии на Востоке.

Р. Дженкинз – переводчик DAI на английский язык – одинаково переводит «фему» и «хору» как *province*, и почти все ученые (не обязательно англоязычные) не замечают разницы в содержании этих понятий и, соответственно, воспринимают *χωρόπολις* как *provincial city* и даже как «предместье», тогда как развернутое описание хорополиса Артанудж никак не соответствует такому пониманию. В «*χωρόπολις*» вошли две лексиче-

ские единицы (χώρα, πόλις), и появилось новое понятие, точнее термин, не понятый и, соответственно, не исследованный.

Я предлагаю следующий перевод пассажа об Артанудже в гл. 46 DAI:

Крепость Ардануци хорошо укреплена, обладает и большим раб-
том, как хорополис, товары из Трапезунда, из Ивирии, из Авагии,
из всех армянских земель и из Сирии приходят туда, и она взимает
с этих товаров огромный коммеркий [пошлины]. Хора же крепости
Ардануци, то есть «арзюн», велика и плодородна и является клю-
чом и к Ивирии, и к Авагии, и к мисхиям (46.42–48).

Иными словами, «хорополис» Артанудж является центром об-
ширной «хоры», ее главным городом с большим рабатов (пред-
местьем), где селились ремесленники и купцы и который богат-
тел за счет коммеркия.

В DAI описана структура передневносточного города этого
времени: собственно город (араб. *медина*, перс. *шахристан*), где
обитала привилегированная часть населения, преимущественно
феодалы и их семьи, а также крупные торговцы, где находилась
часть рынков, общественных зданий и т.д.; и часть города, воз-
никшая именно в IX–X вв. как предместье (ῥαλάτιν), где жили
ремесленники и купцы.

Иными словами, Артанудж – такой же μεγίστη πόλις, как опи-
санные в «Кавказском досье» Феодосиополь и Манцикерт –
центры обширных хор.

Все крупные города «Кавказского досье», продолжая имено-
ваться крепостями (κάστρον) – отголосок арабской организации
захваченных городов, – уже в середине X в. трансформируются
из городов-крепостей, военно-административных центров ре-
гионов, в города серьезного геополитического и торгового зна-
чения. В 46-й главе DAI такой город впервые именуется терми-
ном *хорополис*.

Появление терминов *хора*, *хорополис* (μεγίστη πόλις) в тракта-
те Константина VII свидетельствует о принятии империей соци-
ально-административных терминов, обозначающих реалии при-
соединяемых к Византии регионов. В этот период на территории
Армении и соседних малоазийских областей вновь возникает и
развивается контактная зона, оживляется торговый обмен между

Западом и Востоком, способствуя расцвету городов, расположенных на магистралях международной караванной торговли. Новые города являются не только и не столько административными центрами и резиденциями владельцев, сколько центрами ремесла и торговли на территориях, именуемых арм. *ašxarh*, греческим *хора* и арабским *арзюн*.

В живом процессе взаимодействия цивилизаций обыденные слова обретают новые смыслы, становясь терминами. Под маской греческого термина *хора* (*хорион*) скрывается, но не исчезает древняя арм. *ašxarh* (земля, находящаяся во владении) – опора нахарарского уклада.

Источники и литература

- Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Асолик. Всеобщая история. СПб., 1885 (на др.-арм. яз.).
- Иованнес Драсханакертци. История Армении. / Пер. с др.-арм., вступит. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.
- Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.
- Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, G. Moravcsik, D. Obolensky, St. Runciman; Ed. by R.J.H. Jenkins. L., 1962. Vol. 2.
- Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek Text ed. by G. Moravcsik, English Transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967. Vol. 1.

О.В. Ауров

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И ЕГО ОКРУГА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ (ДО КОНЦА XIII в.)

Цель настоящего доклада – выявить основные направления эволюции взаимоотношений средневекового города и его округа в центральных районах Испании до начала позднего Средневековья. В этот период средневековый город (в том числе – испанский) прошел все основные стадии своего развития – от зарождения до расцвета городской жизни, что и определило хронологические рамки исследования.

Что же касается географических рамок, то они приблизительно совпадают с территориями современных автономных районов Кастилия-Леон и Кастилия-Ла-Манча, а также Автономного сообщества Мадрид. В литературе (García de Valdeavellano 1969; Carmen Carlé 1972–1973; Ауров 2012; Попова 2018; Червонов 2018; и др.) этот регион характеризуется невысокой степенью урбанизации в римский период (по сравнению с восточными и южными районами полуострова), а также относительным обезлюдением в VIII в., после мусульманского завоевания, когда область превратилась в своеобразное испанское «Дикое поле». Этот статус исследуемый регион сохранял до конца XI в., до момента завоевания христианами Толедо и непосредственно примыкающей к нему части бассейна реки Тахо. Правителям средневековых королевств Кастилия и Леон (в состав которых были интегрированы земли Центральной Испании) удалось отстаивать эти границы от натиска захватчиков-берберов (альморавидов, позднее — альмохадов) вплоть до второй трети XIII в. Затем в ходе так называемой «быстрой Реконкисты» в руки христиан попала почти вся территория мусульманского юга, включая наиболее значимые городские центры мусульманской эпохи, такие как Кордова (1236), Севилья (1248), Кадис (1262) и др., за исключением области Гранада, завоеванной лишь в 1492 г.

Начиная с IX в. земли центральной Испании стали объектом христианской колонизации, интенсивность которой постепенно нарастала. В рамках этого процесса в исследуемом регионе сформировался тип укрепленного города-крепости, возникшего как военный форпост в ходе Реконкисты. Социальная структура и учреждения местной власти в этих городах (в том числе — в контексте взаимодействия последних с городской округой) не имели прямой связи с античным прошлым даже в случае поселений, существовавших в статусе городских уже в римское время (Леон, Бурго-де-Осма, Авила, Саламанка, Толедо и некоторые другие). Мусульманское присутствие отразилось в этих городах лишь отчасти и исключительно в южной части исследуемого региона, где в период до конца XI в. сложилась полноценная городская жизнь в ее исламско-пиренейском варианте.

Ряд городов региона возникли лишь в мусульманскую эпоху и не имели ни римского, ни (тем более) доримского *background*'а (Мадрид, Куэнка и некоторые др.), но таких было явное меньшинство (Попова 2018. С. 27–45 и др.). Наконец, отдельные городские поселения появились непосредственно в ходе Реконкисты (Бургос, Сория и некоторые др.).

В институциональном плане города региона характеризовались формированием начиная с X–XI вв. института территориальных общин-консехо (лат. *concilium*, ст. каст. *conçeio*), юрисдикция которых в равной степени распространялась как на город, так и на его округу. В свою очередь, консехо были интегрированы в структуру светских и духовных сеньорий феодального типа. В экономическом плане город и его округа составляли единый комплекс при доминирующей роли земледелия и скотоводства (отгонного овцеводства) и, в определенной мере, ремесла (главным образом – сукноделия: Червонов 2018).

В докладе применительно к изучаемому периоду исследованы следующие ключевые аспекты взаимоотношений города и его округа: 1) основные направления эволюции последних как неразрывно связанных форм освоения пространства; 2) ключевые типологические отличия античной и средневековой моделей взаимоотношения города и его округа на локальном уровне; основные этапы упадка и гибели первых и становления последних; 3) характер и взаимоотношения властных (военно-административных) учреждений на уровне города и его округа; 4) соотношения статуса и функций церковных учреждений на уровне города и его округа (включая сеньории духовных лиц); 5) особенности городского и сельского локальных сообществ: сходное и различное; интересы горожан (в первую очередь – городских элит) в рамках округа и способы их защиты; 6) город и его округ как части локальной экономической системы: роль города как ее центра (соотношение «городских» и «сельских» форм хозяйствования; средства защиты экономических и финансовых интересов горожан в границах округа; степень экономического полноправия/неполноправия сельских жителей и др.); «сельская» экономика как ее периферия, ее соотношение с экономикой городской.

Все эти аспекты рассматриваются в контексте процесса эволюции городской жизни в центральной Испании, продолжавшейся на протяжении всего исследуемого периода, в рамках которого можно выделить четыре основных этапа (не настаивая на абсолютной четкости их хронологических границ).

V – начало VIII в. – эпоха континуитета традиций античной муниципальной организации, история которых завершилась лишь на рубеже VII–VIII вв. (в большинстве случаев – вне прямой связи с мусульманским завоеванием). В это время в основном завершилось административно-правовое разделение города (*civitas, urbs, oppidum*), оказавшегося под властью епископа (не только духовной, но и административной и судебной) и округа (*territorium*), попавшей под власть городских комитов (изначально представлявших в городе королевскую власть) и переживавшую стадию административно-правовой дезинтеграции на фоне роста частной власти крупных землевладельцев. В пределах городских стен муниципальная община как сообщество граждан уступила место церковной (сообществу верующих городских жителей). Несмотря на завершение основной фазы процесса, конкуренция светской и духовной властей за доминирование в городе и округе продолжалась вплоть до мусульманского завоевания и стала одной из причин, обеспечивших его успех (García Moreno 2013. P. 59–78 et al.).

VIII–IX вв. – начальный период колонизации земель Центральной Испании; превращение возникшей *ex novo* укрепленной сельской виллы в доминирующий тип поселений на этих землях; повсеместное распространение практики льготного правового режима на вновь колонизованных землях, поощрявшего участие в колонизации; утверждение неразрывной связи поземельной зависимости и военной службы поселенцев в качестве общей нормы; превращение в повсеместную практики заключения договоров (*pactum, forum*) (изначально – устных) между общинами воинов-поселенцев и землевладельцами (организовавшими завоевание территории и основание поселения).

X – середина XI в. – превращение сельских вилл, наиболее значимых с точки зрения военно-стратегического положения, логистики и уровня экономического развития, в укрепленные

поселения городского типа, сохранившие контроль за своей округой за пределами их городских стен; перерастание местных общин в объединения территориального характера (консехо); повсеместное распространение практики письменной фиксации основных принципов взаимоотношений между сеньорами и воинами-поселенцами (*vicini*) в виде поселенных хартий (кратких фуэро), ставших зачатками городского права; выделение в конце X в. (фуэро Кастрохериса [974 г.] и др.) в рамках местных социумов слоя состоятельных воинов-конников (*milites*), вступавших в вассальные отношения с сеньорами консехо и наделявшихся рядом привилегий в противовес воинам-пехотинцам (*pe(d)ones*), непосредственное участие которых в военных походах становилось всё менее частым по мере удаления южных границ Кастилии и Леона от соответствующих поселений.

Середина XI – XIII в. – распространение (с определенными коррективами) описанной модели на вновь завоеванные земли, включая и уже существующие городские поселения (Мадрид, Толедо и др.); развитие городской жизни в центральной Испании; расцвет института консехо и городского права, ознаменованный появлением «пространных фуэро» – полноценных местных судебных, первым из которых стало фуэро Куэнки-Теруэля (ок. 1190 г.); рост влияния рыцарских олигархий в рамках консехо; расширение круга их привилегий и укрепление власти над городом и его округой; защита их экономических интересов в городе и округе (учреждение Месты [1273 г.] и др.).

Кроме того, в докладе будут намечены основные тенденции эволюции отношений города и округи к концу XIII в., определившие их развитие в период позднего Средневековья.

Источники и литература

Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. М., 2012.

Попова Г.А. Мадрид в Древности и Средневековье: очерк истории. СПб., 2018.

Червонов С.Д. Испанский средневековый город. СПб., 2018.

Carmen Carlé M. del. La ciudad y su contorno en Leon y Castilla. (Siglos X–XIII) // *Anuario de Estudio Medievales*. 1972–1973. Т. 8. Р. 68–103.

Fuero de Cuenca / Ed. por R. de Ureña y Smenjaud. Madrid, 1935.

- Fuero Real // Leyes de Alfonso X. Ávila, 1988. T. 2.
García de Valdeavellano L. Orígenes de la burguesía en la España medieval. Madrid, 1969.
García Moreno L.A. El gobierno de la ciudad cristiana (ss. IV–VII) // El gobierno municipal de Carmona a lo largo de la historia. Actas del VIII Congreso de Historia de Carmona. Carmona, Sevilla: Universidad de Sevilla. Secretariado de Publicaciones, 2013. P. 59–78.
Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum // *Leges Visigothorum* / Ed. K. Zeumer. Hannoverae; Lipsiae, 1902. P. 33–456.
Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et leges Novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen et P.M. Meyer. B., 1905. Vol. 1: Pars posterior.

О.Б. Бубенок

ШАРУКАНЬ, СУГРОВ, БАЛИН – ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА НА ПОЛОВЕЦКО-РУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

В начале XII в. Владимир Мономах и его сын Ярополк совершили рейды вглубь владений половцев и нанесли им поражение. Возможно, что тогда на Русь поступила информация о существовании в степи поселений, которые были названы летописцами «городами». Нам известны названия этих населенных пунктов. Так, под 1116 г. во многих летописях отмечено: «...Ярополк ходи на половецкую землю, к реке Дону, и ту взя полон мног и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сугров; и Ясы поймав с собою приведе, и жену полони себе Ясыню». Сообщается, что пленница Ярополка была «красна вельми» и была «яесского князя дщерь» (ПСРЛ. Т. 7. С. 24; Т. 2. Стб. 284).

С этим сообщением перекликается другое, где речь идет о походе Владимира Мономаха против половцев на «Дон» в 1111 г. В результате этой успешной военной операции половецкая крепость «Шарукань (Чешуев)» была захвачена без боя, а другое укрепление, «Сугров», было сожжено. После этого половцы потерпели окончательное поражение на р. Сальнице. Наиболее подробные сведения об этом походе содержатся в

Ипатьевской и Воскресенской летописях. Однако между ними имеются расхождения. Так, согласно Ипатьевской летописи, войско Владимира Мономаха достигло «Дона» во вторник «въ 6 недель поста» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 266). В то же время Воскресенская летопись сообщает, что это произошло на неделю раньше, во вторник «в пятую же неделю поста» (Там же. Т. 7. С. 22).

Эти отрывочные сведения до сих пор ставят перед исследователями ряд вопросов. Во-первых, не ясна локализация этих поселений. Во-вторых, до конца не понятна этимология отмеченных топонимов. В-третьих, не определен этнический состав населения данных крепостей. В-четвертых, не выявлены функции этих укреплений.

В историографии неоднократно поднимался вопрос о локализации «половецких городов». Например, В.Ф. Миллер, Ю.В. Готье и Ю.А. Кулаковский локализовали эти центры на Нижнем Дону (Миллер 1887. С. 68; Готье 1927. С. 17; Кулаковский 1899. С. 46). Эта гипотеза не получила широкой поддержки. Еще в XVIII в. В.Н. Татищев показал, что в данном случае «Дон» – это Северский Донец (Татищев 1963. С. 259). Такой же малоубедительной для других исследователей оказалась гипотеза В.А. Городцова, В.В. Мавродина и Б.А. Рыбакова об отождествлении Шаруканя с Донецким городищем на территории г. Харькова (Городцов 1905. С. 110; Мавродин 1940; Рыбаков 1952. С. 20–25, 214).

Те исследователи, которые больше доверяли данным Ипатьевской летописи, склонны были локализовать Шарукань, Сугров и Балин в среднем течении Северского Донца. К их числу следует отнести М.В. Сибилёва, К.В. Кудряшова и Б.А. Шрамко. Свою гипотезу они аргументировали археологически, отмечая существование там в половецкое время стационарных укреплённых поселений (Кудряшов 1948. С. 112–121; Сибильов 1950. С. 99–114; Шрамко 1962, С. 329). Однако эти городища непрерывно функционировали с хазарского времени до XIV в., в то время как летописи свидетельствуют об их уничтожении Ярополком в 1116 г.

Предпочтительной представляется гипотеза о локализации Шаруканя и других поселений южнее Харькова в районе г. Змиева. Там, начиная с хазарского периода, в половецкое вре-

мя продолжали функционировать несколько укрепленных поселений. Этой гипотезы придерживались С.А. Плетнёва, В.К. Михеев, А.Г. Дьяченко и др. (Плетнёва 1990. С. 60–62; Дьяченко, Михеев 2004. С. 145–160). Весьма характерно, что данная локализация не только согласуется с известием Воскресенской летописи, но и подтверждается лингвистически.

Так, О.И. Прицак и И.Г. Добродомов считают, что название крепости Шарукань произошло от антропонима «Шарукан», половецких ханов, которые жили в бассейне Северского Донца. По их мнению, в алтайских языках эта лексема имела значение: «дракон, змей». Отсюда производными от него являются топонимы «Чешуев», «Змеев» (Pritsak 1982. С. 335; Добродомов 1982. С. 81–83). Что касается названий Сугров и Балин (или Галин), то неоднократно предпринимались попытки объяснить их с позиций как тюркских, так и иранских языков. Также существует мнение, что название Сугров (град) происходит от имени половецкого хана Сугра.

У нас нет конкретной информации об этническом составе обитателей этих городов. П.В. Голубовский считал, что население этих трех центров было смешанным, славяно-тюркским (Голубовский 1884. С. 195, 220). Однако В.Н. Татищев и Ю.А. Кулаковский, на основе данных летописей о событиях 1116 г., выдвинули гипотезу, согласно которой основу населения Шаруканя, Сугрова и Балина составляли аланы-ясы (Татищев 1963. С. 131; Кулаковский 1898. С. 17–18). Кроме того, Ю.А. Кулаковский, анализируя сообщения летописей о походе 1111 г., пришел к выводу, что население Шаруканя было христианским (Кулаковский 1898. С. 17–18). Однако летописи не указывают, что жители Шаруканя были ясами. В 1116 г. Ярополк мог переселить ясов из одного из трех поселений. Вполне возможно, что основу населения Шаруканя составляли выходцы из Руси, которые являлись христианами. Не стоит упускать из вида и возможность нахождения в этих трех поселениях половцев, ибо их главный центр назывался на их языке «Шарукань», который был переведен на язык местных славян как «Чешуев». Соответственно, возникает вопрос о функциях Шаруканя, Сугрова и Балина на русско-половецкой границе.

В историографии получило распространение мнение, что эти три поселения являлись зимовниками половцев, причем в Шарукане находилась зимняя ставка хана придонских половцев. Однако наши современные знания о кочевниках и сам анализ содержания летописей позволяют с этим не согласиться. Так, в Ипатьевской и Воскресенской летописях при описании событий 1111 г. половцы не фигурируют ни при штурме Шаруканя, ни при сожжении Сугрова. Они упомянуты гораздо позже, когда войска Владимира Мономаха спустя несколько дней достигли р. Сальницы в среднем течении Северского Донца. Получается, что ранней весной их не было на северной границе их владений. Не стоит забывать, что кочевники круглогодично кочевали в меридиональном направлении. В нашем случае зимой вместе со своими ханами половцы должны были кочевать в приазовских степях на юге, а ближе к лету должны были подходить к северным границам своих владений, где находился Шарукань. Весной они должны были быть где-то на половине пути, т.е. в среднем течении Северского Донца. Стало быть, Шарукань мог быть не зимней, а летней резиденцией ханов придонских половцев.

Эти поселения могли выполнять и другие функции. Этнографические сведения позволяют считать, что в степи кочевники традиционно господствовали над оседлым населением. Последнее было обложено данью и всевозможными повинностями, включая военную службу. В случае с жителями Шаруканя и Сугрова мы видим, что они несли пограничную гарнизонную службу в крепостях. Кроме того, данные этнографии свидетельствуют о том, что стационарные поселения в степи являлись также хозяйственно-торговыми центрами, где кочевники обменивали продукцию скотоводства на продукты земледельцев и изделия ремесленников. Ничто не мешает нам считать, что таковыми и являлись и интересующие нас поселения в Половецкой степи.

Литература

- Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
- Городцов В.А.* Донецкое городище // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. 1.

- Готье Ю.В.* Ясы-Аланы в ранней русской истории // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (58).
- Добродомов И.Г.* Роль этимологии в локализации старых географических объектов // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1.
- Дьяченко А.Г., Михеев В.К.* Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган) // Хазарский альманах. Киев; Харьков; М., 2004. Т. 2.
- Кудряшов К.В.* Половецкая степь М., 1948.
- Кулаковский Ю.А.* Христианство у алан // ВВ. 1898. Т. 5, вып. 1–2.
- Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940.
- Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Т. III.
- Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.
- Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. 1952. Т. 43.
- Сібілюв М.В.* Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського // Археологія. Київ, 1950. Т. 4.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2.
- Шрамко Б.А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden, 1982. Vol. 2.

Е.В. Булычева

УЧАСТИЕ ГОРОДСКИХ ДЕМОВ В АРЕНДЕ СВЯЩЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В АТТИКЕ В V–IV вв. до н.э. (ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ)

Как известно, древние Афины представляли собой не просто город в современном понимании этого слова, а особую государственную систему – полис. Реформы, которые проводились в афинском полисе, влекли за собой изменение его территориальной организации. После знаменитых преобразований Клисфена в VI в. до н.э. появляются территориально-административные подразделения (демы), которые превращаются в своеобразные селения или городские кварталы на территории Афин и области Аттика (Карпюк 2006. С. 291).

Согласно исследованиям, в IV в. до н.э. территория Аттики была разделена на 139 демов (Trail 1986. Р. 73). При этом демы можно условно разделить на городские и сельские. Городскими демами можно назвать те округа, которые находились на территории Афин и ближайших окрестностей или были образованы на месте наиболее крупных святилищ или городских центров (например, Элевсин). К сельским относились территории демов, которые находились на значительном расстоянии от Афин, в наиболее отдаленных округах Аттики (Whitehead 1986. Р. 369). Дем представлял собой небольшую ячейку полиса как гражданского организма. Политическая и правовая дееспособность гражданина определялась его принадлежностью к дему. Каждый афинский гражданин должен был быть приписан к какому-либо из демов. Запись в такой список была, по-видимому, равносильна признанию за этим человеком гражданского статуса (Меланченко 2007. С. 93). Каждый дем имел свое название, которое он получал, как правило, по имени божества или героя, культ которого почитался в этой местности, либо по имени знатного рода, представители которого занимали правящие позиции на этой территории. Кроме того, жителей дема (демотов) связывали общие экономические интересы. Они могли владеть совместным имуществом (в первую очередь, землей) или общей казной, в которую стекались средства от их совместной хозяйственной деятельности (Булычева 2018. С. 52). Дем имел важное политическое значение. Центральное место в его жизни занимало собрание демотов, на котором решались важные вопросы и избирались должностные лица. Кроме того, в деме выбирали важных государственных деятелей – членов Совета 500 в Афинах.

В отечественной и зарубежной историографии, как правило, рассматриваются вопросы, связанные с тем, какую роль играли демы в политической жизни афинского полиса. Наша цель заключается в том, чтобы на основании эпиграфического материала, относящегося к концу V – IV в. до н.э., рассмотреть участие городских демов Аттики в аренде священных земель. До нашего времени сохранились договоры о сдаче в аренду священных земельных участков (теменосов) из Аттики, датированные этим периодом. Эти священные земли находились как на тер-

ритории городского центра Афин, так и за его пределами, в окрестностях Афин, в области Аттика (IG. II². 1172, 2493, 2496; 2498).

Время, к которому относятся эти договоры, как известно, было весьма беспокойным. Это период после завершения Пелопоннесской войны, когда афинский полис пытался восстановить свою экономику после страшных потрясений военного времени (Булычева 2018. С. 43–44). Анализ надписей и данных археологии показывает, что на городской территории существовало немало священных участков, которые нуждались в соответствующем уходе. Судя по данным эпиграфического материала, власти Афин передают эти территории в распоряжение демов, которые выступают в качестве арендодателей этих земель и обязаны нести отчет перед полисными властями о своей хозяйственной деятельности (Булычева 2018. С. 46–47). Среди таких арендодателей можно назвать следующие демы: Плотей (IG. II². 1172), Пирей (IG. II². 2496), Прасии (IG. II². 2497), Элевсин (IG. II². 204).

Кроме того, есть несколько документов, в которых не указано наименование демов, но, скорее всего, это городские демы, поскольку речь идет о сдаче в аренду демотами теменосов, принадлежавших Гермесу, Афине и Зевсу Олимпийскому, находившихся в центральной части Афин (IG. II². 2493; *Hesperia*. 52. 1983). Как свидетельствует содержание договоров о сдаче в аренду священных участков, дем передавал в аренду священный участок частным лицам – арендаторам на срок от 5 лет до бессрочной аренды (IG. II². 2496. 16–17; IG. II². 2497. 15–16; IG. II². 2493. 11–12). Арендатору было предписано выполнять соответствующие условия договора. Прежде всего речь шла о необходимости своевременно вносить арендную плату. При этом в некоторых случаях специально оговорено, что арендная плата должна ежемесячно передаваться демарху. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса Гермеса демоты предписывают арендатору: «Пусть плата за аренду передается демарху в месяце гамелионе в день проведения агоры» (IG. II². 2493. 14–16). Дем предписывает арендаторам своевременное выполнение хозяйственных работ, связанных с посадкой растений, обработкой земли, а также ремонтом и уходом за хозяйственными помещениями, расположенными на теменосе. Демоты, сдающие в аренду земельный участок Гермеса, в свою очередь, требуют от аренда-

тора: ежегодно, два раза в год окапывать маслины и другие плодовые деревья, половину участка засаживать зерновыми культурами, а другую половину бобовыми (IG. II². 2493. 6, 7, 8, 27–29). В договоре из Пирея арендаторам предписано ухаживать за пастбищами и хозяйственными помещениями, находящимися на территории святилища Тесея, которое было одним из самых почитаемых в Афинах (IG. II². 2496. 5–6, 17–18).

Демы не только тщательно следили за выполнением работ на теменосе, они также несли важные финансовые обязательства. За счет доходов от аренды теменосов финансировались мероприятия, которые проводились как в самом деме, так и в масштабе всех Афин. В арендном договоре плотейцев сказано, что на средства, полученные от сдачи в аренду теменосов, плотейцам следует проводить священнодействия, жертвоприношения на территории дема плотейцев, а также в случае, если они проводятся в масштабе Афин (IG. II². 1172. 25–30); дему необходимо выделять определенные суммы денег на их проведение. В этом договоре также содержится интересное замечание о том, что, плотейцы должны выдавать лучшее вино на священнодействия во время крупнейшего афинского праздника Дионисий (IG. II². 1172. 35–40).

Финансовые обязанности демов заключались, кроме того, в необходимости внесения чрезвычайного налога – эйсфоры. Этот налог впервые начал взиматься в годы Пелопоннесской войны, но продолжал сохраняться после ее завершения (Булычева 2014. С. 16). Интересен тот факт, что, как показывают надписи об аренде теменосов, в качестве основных плательщиков эйсфоры выступают демы – арендодатели священных земельных участков. Только в одном случае (IG. II². 2497. 27–29) налогоплательщиком эйсфоры представлен арендатор. Возможно, что подобной ситуации есть некоторое объяснение. Как показывает содержание речей Лисия и Демосфена, многие частные лица были недовольны взиманием эйсфоры и старались уклоняться от уплаты этого вида налога (Lys. XXVIII. 3; Dem. XXV. 57). Граждане сетовали на то, что война завершилась, а уплата эйсфоры сохранялась. Кроме того, многие высказывали недовольство по поводу установленной суммы налога. В этой ситуации власти полиса начинают перекладывать бремя выплаты на окру-

га — демы, которые, судя по всему, достаточно спокойно относились к этому обязательству (Булычева 2014. С. 19–21).

Возможно, это обстоятельство можно объяснить тем, что демы были заинтересованы в своевременном выполнении обязательств перед полисом, поскольку от центральной власти они получали право на занятие своей хозяйственной деятельностью, в частности на распоряжение земельными участками — теменосами. Кроме того, видимо, нельзя не учитывать то обстоятельство, что в демах сохранялись определенные традиции, идущие от более ранних времен и связанные с необходимостью выполнять обязанности перед центральной властью. За выполнением обязательств по уходу за теменосами контроль осуществлял глава демовой администрации, демарх. Именно он следил за своевременным выполнением условий арендного соглашения (IG. II². 204. 13–14; 2493. 14–15; 2496. 1–2; IG. II². 2497. 1–2).

В целом, опираясь на эпиграфический материал, можно сделать следующие выводы. Городские демы старались активно сдавать в аренду священные земли. Они получали доход от аренды, который не всегда был достаточно большим, но его можно было использовать на финансовые нужды как самих демов, так и полиса в целом. Большинство земельных участков нуждались в тщательном уходе, который демографы старались обеспечивать. Таким образом, благодаря им во многом осуществлялась забота о городских священных землях.

Источники и литература

- Булычева Е.В.* Эйсфора — военный налог в мирное время (по данным договоров об аренде общественной земли в Аттике IV в. до н.э.) // Вестник РГГУ. Сер.: Всеобщая история. М., 2014. № 13 (135). С. 15–23.
- Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V — IV вв. до н.э. Распоряжение общественной землей в полисе. М., 2018.
- Карпюк С.Г.* Прямая демократия в Древней Греции: Поучительный пример или исторический артефакт? // Отечественные записки. 2006. № 29 (2). С. 289–299.
- Меланченко И.В.* Афинская демократия. М., 2007.
- Demosthenies.* Orationes. Lipsiae, 1878–1879.
- Lysiae.* Orationes. Lipsiae, 1888.
- Trail J.S.* Demos and Trittys, epigraphical and topographical studies in the organization of Attica. Toronto, 1986.
- Whitehead D.* The Demes of Attica — 508/7 ca. 250 B.C. Princeton, 1986.

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ
РАННЕАЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ПРЕДКАВКАЗЬЯ ВО II–III вв. н.э.***

В I тыс. н.э. в Центральном Предкавказье появляется аланская культура. Новейшие исследования (Абрамова 1997; Малашев 1994, 2014, 2016; Аржанцева, Деопик 1989) позволили уточнить время ее существования в сторону удревления.

Для этой культуры характерны мощные поселения (Брутское городище, Зилгинское городище, Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское, Урваньское, Аргуданское, Старо-Лескенское, Алхан-кала, Киевское, Братское, Эльхотовское, Змейское, Раздогское и др.). В некрополях на раннем этапе существования культуры (II–IV вв.) наряду с грунтовыми захоронениями преобладает подкурганный обряд. Основная территория распространения памятников этого круга охватывает центральные и отчасти восточные районы Северного Кавказа. Пониманию феномена этой культуры препятствует то обстоятельство, что еще не раскопаны мощные поселения этой культуры (масштабные раскопки проходили только на Зилгинском городище в 1985–1990 гг.). С некролями ситуация обстоит лучше, и масштабные раскопки последнего времени оперативно вводятся в научный оборот (Габуев, Малашев 2009; Малашев 2016).

Формирование аланской культуры Северного Кавказа происходило на основе культуры оседлого и кочевого населения региона с участием среднесарматского миграционного импульса. В результате оседания кочевников возникла самобытная раннеаланская археологическая культура. Эти события определили тенденции развития Центрального Предкавказья на следующее тысячелетие. Судя по материалам Зилгинского городища, процесс образования этих протогородов завершился ко второй половине II в. н.э. В III в. эта Алания представляла собой значительную силу (Малашев 2014). О среднесарматском компоненте в становлении раннеаланской культуры говорят особенности погребального обряда. Два признака, распространенные в некрополях раннеаланской культуры, генетически восходят к куль-

туре среднесарматской: использование в богатых погребениях тайников для парадных уздечных наборов и бытование своеобразного варианта звериного стиля (Малашев 2016. С. 61).

Предкавказская Алания известна по данным письменных источников. Именно она, судя по всему, отображена на Певтингеровой карте (*Tabula Peutingeriana*: TP VIII, 3; Подосинов 2002. С. 310, 355–356).

Процессы седентаризации сопровождались процессами урбанизации, создания мощных поселений в Центральном и Северо-Восточном Предкавказье с развитой фортификацией и площадью до 1,5 км² (связанные с ними некрополи – площадью до 7 км²). Для городищ характерна довольно сложная структура. Они сооружались на высоком берегу реки, и в плане городища всегда выделяется цитадель. На Зилгинском городище цитадель последовательно окружена тремя глубокими рвами и тремя полукольцами жилых холмов. Жилые холмы (кольца) по верхнему периметру были обнесены сырцовыми стенами. По структуре Зилгинское городище схоже с множеством городищ в долинах р. Кумы, Терека и Сунжи.

Зилгинское городище располагается на стыке степей и предгорий и вместе с другими аналогичными городищами контролирует подходы к наиболее удобным горным проходам, таким как Дарьяльский. Эти поселения, таким образом, занимали наиболее выгодную позицию как в военно-стратегическом аспекте, так и в смысле контроля торговых караванных путей. Кроме того, они располагались в зоне непосредственных контактов равнинных земледельческих и степных скотоводческих племен.

Значительная мощность культурного слоя Зилгинского городища (до 5 м на цитадели и 1,5 м на периферии) и насыщенность его материалом отражают высокую интенсивность жизни. Результаты раскопок говорят о наличии в это время развитых ремесел – гончарного, производства металла, металлообработки. Жители городища в значительных количествах производили керамику, которая поступала в степи Предкавказья, а также в степные пространства от Приуралья до Подонья. Значительное количество этой керамики найдено в Танаисе III в. Зилги, таким образом, в позднесарматское время был одним из керамических центров.

Прослеживаются контакты с Боспором (амфоры, краснолаковая керамика, изделия из стекла) и Закавказьем (сосуды из Албании и Иберии). Связи с Боспором особенно интенсивны во второй половине II – первой половине III в. н.э., активизация контактов с Закавказьем приходится на III–IV вв. н.э. Существует предположение о том, что в ремесленных центрах аланских городищ могли чеканить и использовать варварские подражания римским монетам (Малашев 1994).

Уровень экономического благосостояния населения нашел отражение в богатстве погребального инвентаря некрополей, окружающих городища. Они в среднем значительно богаче, чем синхронные степные погребения, а безынвентарные погребения для некрополей городищ – редкость.

Мощные культурные слои на городищах, а также обширные некрополи говорят о значительном демографическом потенциале ранних аланов Предкавказья. Следует обратить внимание на экспансию, которую осуществляли носители раннеаланской культуры в отношении прилегающих областей Предкавказья, на территории современного Дагестана, а также Нижнего Подонья, которое было завоевано носителями раннеаланской культурной традиции в середине III в. н.э. Все это говорит о мощных ресурсах этой общности.

Строительство масштабных фортификационных сооружений и сооружение трудоемких погребальных конструкций (катакомбы) требовало высокой организации общества. В.Ю. Малашев предлагает использовать для характеристики общества раннеаланской культуры понятия «ранняя государственность» или «аналог ранней государственности» (Малашев 2014. С. 78–79). В целом соглашаясь с В.Ю. Малашевым, следует указать, что характеристика уровня развития кавказских аланов II–IV вв. в настоящее время всё же затруднена состоянием исследованности археологических памятников, в первую очередь городищ, и требует отдельного исследования.

Предпосылкой возвышения Предкавказской Алании и появления городищ стали благоприятные климатические условия, которые принципиально отличались от ситуации в степной зоне (Хохлова и др. 2007; 2009). В рамках рубежа I–II – середины II в. н.э. происходит заметное усиление увлажнения климата,

достигающее пика к концу IV – началу V в. (Хохлова и др. 2009. С. 317; Малашев 2014. С. 75). Об этом говорят наблюдения за почвами курганных могильников Брут-2 и Беслан II–III вв. на территории Владикавказской котловины (Хохлова и др. 2007. С. 1188). О благоприятной экологической обстановке также свидетельствуют многочисленные зерновые ямы на городищах и изобилие костей животных в культурном слое. Климатический оптимум способствовал миграции в регион сарматов (Хохлова и др. 2007).

Другой важной предпосылкой формирования Алании стала предшествующая миграция ранних сарматов в регион, которая подготовила почву для эффективного взаимодействия степных мигрантов и автохтонного кавказского населения. Исследования показали, что культурный стандарт погребального обряда раннеаланской культуры – Т-образные катакомбы – сложились в равнинной части Кабарды (Чегемский и Нижне-Джунатский могильник) и Северной Осетии во II в. до н.э. – I/II в. н.э. (Габуев, Малашев 2009. С. 147–148). Таким образом, мигранты-носители среднесарматской культуры (и, как я полагаю, носители этнонима «аланы») пришли на подготовленную почву.

Но важным условием успеха этого процесса – создания раннеаланской культуры Предкавказья и вполне успешной социальной организации – была эффективная политическая и культурная модель взаимодействия с оседлым миром, характерная для средних сарматов. Особенно впечатляют в этом смысле носители среднесарматской культуры – представители элиты. Именно ими оставлены самые богатые памятники Сарматии, концентрирующиеся в Нижнем Подонье. В отличие от раннесарматского общества Подонья, носители среднесарматской культуры ориентировались на контакты с оседлым миром, и их отношения с меотами Подонья показывают результаты такой политики (а погребение из кургана № 10 могильника Кобяковского городища фиксирует присутствие сарматской элиты на некрополях меотов).

Одним из направлений экспансии среднесарматского общества стало Центральное Предкавказье, и здесь они добились большего успеха в сравнении с донскими кочевниками, которых в середине II в. вытеснили носители позднесарматской культу-

ры. Этот опыт взаимодействия с оседлыми обществами был принесен носителями среднесарматской культуры из Центральной Азии и реализован на новой почве (будь это регион Нижнего Дона или Центральное Предкавказье).

Результатом урбанизации в Предкавказье стало возникновение мощных укрепленных поселений. Однако при том, что эти поселения несли присущие городам функции – они были укреплены, играли роль административных, а также торгово-ремесленных центров, – вряд ли они являлись городами. Так, для Зилги как протогорода характерен деревенский облик каждого отдельного хозяйства: развитие подсобных сельскохозяйственных ремесел, наличие сельскохозяйственных орудий, отсутствие специфических городских признаков – текстов, монет; не обнаружены пока монументальные сооружения. Но этот деревенский быт сочетается с высокой плотностью населения, наличием сложной, трудоемкой фортификации и развитой торговлей. На городище имеются также признаки почти всех городских ремесел, включая меднолитейное, а также производство стандартизированной керамической продукции (Arzhantseva, Deopik, Malashev 2000. P. 218).

Таким образом, есть все основания считать, что перед нами протогород, возникший на стыке земледельческого населения предгорий и скотоводческого мира степи. Протогород обязан своим расцветом взаимодействием как со степью, так и мощными центрами цивилизации, будь то Боспор, Албания или Иберия. Однако развитие протогородов не предполагало перехода их на новую ступень – уровень города, что связано с уровнем культурного и политического развития раннеаланского общества. Этим определяется специфика процесса урбанизации в Предкавказье II–IV вв.: являясь отражением социального развития раннеаланского общества Предкавказья, урбанизация несет в себе его характерные признаки, в том числе тесную связь со степью и степными сообществами.

Примечание

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 17-06-00464 «Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе».

Литература

- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа. М., 1997.
- Аржанцева И.А., Деопик Д.В.* Зилги – городище начала I-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Уч. зап. Всесоюзной ассоциации востоковедов. М., 1989. С. 75–107.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Малашев В.Ю.* К проблеме протогородской культуры населения Северного Кавказа I пол. I тыс. н.э. (денежное обращение) // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 48–52.
- Малашев В.Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72–83.
- Малашев В.Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М., 2016.
- Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А.* Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия Алания // *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 309–323.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А., Олейник С.А., Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Особенности палеопочв курганных могильников, вовлеченных в современное землепользование (на примере курганов ранних алан на Северном Кавказе) // Почвоведение. 2007. № 10. С. 1179–1189.
- Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V.* Zilgi: An Early Alan proto-city of the first Millennium AD on the boundary between steppe and hill country // *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age.* Leiden; Boston; Köln, 2000. (Colloquia Pontica; Vol. 5). P. 211–250.

К.В. Вершинин

ОБЛИЧЕНИЕ РОЖАНИЧНОЙ ТРАПЕЗЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Редкая работа о язычестве Древней Руси обходится без упоминания культа рода и рожаниц. Между тем круг соответствующих источников остается узким и редко пополняется. Почти полный перечень приведен Н.В. Савельевой; она же впервые с начала XX в. ввела в оборот ранее не известный памятник – ста-

тью «Рече Господь» с порицанием ставящих «рожаници трапезу» (Антология 2013. С. 427–428, 432). Из других свидетельств укажем осуждение различных «треб», в том числе «роду» и «рожаницом», в особой разновидности толковой Псалтыри (Турилов, Чернецов 1986. С. 101), а также «жели роду и рожаницамъ» в статье «А се грехи» (Смирнов 1913. С. 46).

В отдельную группу Н.В. Савельева выделила источники, упоминающие освящение рожаничной трапезы Богородичным тропарем. Их шесть (включая новонайденный памятник): краткие статьи «Лаодикийского сбора», «Что есть требокладение идольское», «Рече Господь»; особые редакции «Слова некоего христолюбца» и «Слова святого Григория»; одна из статей епитимийника «Заповедь ко исповедающимся сыном и дочерем». Примечательно, что все эти тексты, кроме последнего, читаются в одной рукописи (Софийском сборнике первой четверти XV в. – ОР РНБ. Соф. 1285, копии с новгородской рукописи конца XII – начала XIII в.). Согласно исследованию Н.В. Савельевой, «почти все источники об освящении рожаничной трапезы Богородичным тропарем дошли до нас как... ремарки одного автора» (составителя протографа Софийского сборника. – *К.В.*) и «несомненно описывают локальную традицию», что «позволяет поставить вопрос о степени распространенности обряда» (Антология 2013. С. 433).

Назовем еще одну краткую, но заслуживающую внимания статью, сохранившуюся в Великих Минеях четьих под 31 августа (приводим текст Софийского списка):

Ефрѣмъ рече: видите ли, христолюбци, како сотона диаволь соблазнь (!) и прельсти люди жидовьския. Научи Валаама жерца и волхва, да научить Валака царя Мадиямска, да посадить жены людския въ храмѣх причинены во вся узорочия, и пред ними поставлена трапеза в жертву кумиромъ, роду и рожаницамъ, многими брашны украшены, и черпала исполнена бѣсом. И внидоша жерци, и начаша бутати и смирисати, и вкусивше жерци трапезы тоа и прѣдаша всѣмъ людемъ, и по ядении и по питии влегоша в любодѣание, и по том отвергошася Бога и поклонишася идолом. И посла Богъ пророка Исаиа глаголюща: тако глаголетъ Господь – горе ставящим трапезу рожаницам и наполняющим черпала бѣсом, се вси в закление впадете. Близ же сего и крестяне творять, примол-

вивающе трепарь Рожества Богородицина, отклады даючи, окааннии, не послушающе пророчьскаго гласа ни святыхъ отъць учения (Обол. 161. Л. 546б).

Отправным пунктом статьи послужило следующее место из слова Ефрема Сирина об антихристе (104-я глава славянского «Паренесиса»):

[С]лышите, христолюбци и братья моя, что створи Израилеви в пустыни исходящу от Егупта, како я прельсти... Навади Валааму, яко дати Валааку, цѣсаревѣ Мадиаамску, злыи съвѣтъ, яко да поставитъ жены гражаньскіи въ кровѣхъ и люди прельстити в любодѣяни (!) и жертьвѣ (!)... (Троиц. 7. Л. 231–231 об.).

Таким образом, к известным по другим текстам отождествлениям рода и рожаниц добавляется еще одно: с Ваал-Фегором, чьим культом соблазнился Израиль (Чис. 25:3). Приведенная ниже параллель из другой эпохи, заимствованная из «Слова Исаии пророка... о ставящих вторую трапезу роду и рожаницам» (заметим, что этот текст в рукописи соседствует со статьей «Ефрем рече») лишь подчеркивает ту легкость, с которой древнерусские памятники сопоставляют «родное» язычество с «чужим». Можно вновь убедиться, что «род и рожаницы» суть не что иное, как «гlossы русских книжников, призванные пояснить византийские тексты» (Петрухин 2000. С. 323).

Несомненна связь концовки статьи с интерполяцией в «Слове святого Григория», сделанной составителем протографа Софийского сборника: «По святѣмъ крещении череву работни попове уставиша трепарь прикладати Рожества Богородици къ рожаничнѣмъ тряпезѣ, отклады деюще» (Антология 2013. С. 432), а также с памятником «А се грехи» (в Великих Минеях четых он читается непосредственно перед нашей статьей): «желя роду и рожаницамъ: по Рожествѣ в понеделок муку варити святѣи Богородици, а роду примолвивающе» (Смирнов 1913. С. 46). В контексте статьи «Ефрем рече» становится ясно, что перечень «А се грехи» также имеет в виду «примолвивающих» тропарь к языческой жертве (ср.: «молитвы... молвятся» в Вопросании Кирика. – СДЯ. Т. 5. С. 64). Исходя из данных совпадений, трудно объясняемых простым компилированием, нельзя исклю-

читать принадлежность статьи «Ефрем рече» составителю протографа Софийского сборника.

Другое любопытное свидетельство находим в переделке слова Ефрема Сирина о покаянии и о спасении души (105-й главы «Паренесиса»), носящей заглавие «Слово о отрицании святого Ефрема». Это «Слово» сохранилось в сборнике третьей четверти XV в. (Унд. 1296. Л. 546 об.), но, судя по некоторым чертам языка, гораздо древнее и относится, вероятно, к домонгольскому времени: «черви неусыпающаго», «коли ся тѣхъ дѣлъ всѣхъ и самого сотоны отрицаль» (препозиция «ся» с правильным соблюдением закона Вакернагеля), «бе-щисмене» (Л. 547, 548) и др. Древнерусский редактор сильно расширил перечень «сатанинских дел», добавив в их число не только знакомое по многим памятникам «верование в ползъ и в птичь граи», но также «короваимоление» (ср. крайне редкое «короваемолецъ» в «Слове о лживых учителях», помещенном, в частности, в Софийском сборнике: Антология 2013. С. 125), а главное – следующий пассаж: «и еже на родинахъ каши молять бабы, ставячи другую трапезу, и попы неразумныя молвять на родинахъ Рожьству и ядять тѣ моленыя каши бабами и пиять то питье, что молвили на родинахъ Рожьству, то есть тряпеза бѣсова и чаша бѣсова» (Унд. 1296. Л. 547). Участвуют в трапезе уже знакомые нам «череву работни» попы. Из текста не вполне ясно, что именно они «молвять» и какому «Рожьству» (Христову или Богородицы), но параллель с Софийским сборником очевидна (не подразумевается ли и здесь тот же Богородичный тропарь?). Атрибуция и этой обработки слова из «Паренесиса» автору статьи «Ефрем рече» (а обоих памятников – составителю протографа Софийского сборника) подтвердила бы справедливость мнения Н.В. Савельевой о локальности обычая освящения трапезы тропарем. Сознывая, что данные на этот счет пока недостаточны, выразим надежду на проверку этой гипотезы в будущем.

«Слово» содержит наиболее раннее упоминание варки обрядовых каш бабами-повитухами. Ближайшая аналогия к нему – строчка из позднего сборника 1754 г.: «бабы каши варять на собрание рожаницамъ» (Гальковский 1913. С. 94). При этом «Слово» – единственный памятник, где прямо указывается, когда именно совершается «другая», т.е. «вторая», трапеза, – родины. Это согласуется с неоднократно высказывавшимся предположением, что «двовер-

ная» интерпретация Рождества явилась продолжением «универсально распространенного культа покровителей-рожениц» (Петрухин 2000. С. 325; ср. также: Zubov 2005. С. 76–110).

Вообще, из древнерусских текстов старше XVI в. (если не считать переводных канонических правил) лишь статья «А се грехи» называет время приготовления кушанья в честь рожаниц. Здесь фигурирует «желя» (жертва – видимо, от «желѣти» ‘лишиться чего-л.’; ср. в Русской Правде: «желѣти своихъ кунъ»: СДЯ. Т. 3. С. 244) в понедельник после Рождества (Христово?). Следует признать поспешным перенесение в древнюю эпоху позднейших сведений о варке каш (никогда не называемых «второй трапезой») на второй день после Рождества Христова, т.е. на Собор Богородицы 26 января или «Бабыи каши» (Антология 2013. С. 433) или на второй день после Рождества Богородицы – 9 сентября (Клейн 2004. С. 190). Как кажется, речь идет о различных вариантах «слияния» первоначальной родильной трапезы с церковными праздниками.

Литература

- Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Изд. подгот. Г.С. Баранкова, Н.В. Савельева, О.С. Сапожникова. М.; СПб., 2013.
- Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1913. Т. 2.
- Зубов М.І. Слов'янські повчання проти язичництва в лінгвотекстологічному висвітленні: Дис. ... д-ра філол. наук. Одеса, 2005.
- Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. СПб., 2004.
- Обол. № 161 – Великая Миняя Четья на август, ок. 1538 г. (РГАДА. Ф. 201. Собрание М.А. Оболенского. № 161).
- Петрухин В.Я. «Боги и бесы» русского средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000.
- Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1913.
- Троиц. № 7 – «Паренесис» Ефрема Сирина, XIV в. (ОР РГБ. Ф. 304.І. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 7).
- Турилов А.А., Чернецов А.В. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // Советская этнография. 1986. № 1. С. 95–103.
- Унд. № 1296 – Сборник, третья четверть XV в. (ОР РГБ. Ф. 310. Собр. В.М. Ундольского. № 1296).

ГОРОД ИЛИ ДЕРЕВНЯ? УКРЕПЛЕННЫЕ СЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ

Восстановить облик средневекового села в Византии – задача нелегкая. «Село», по меткому высказыванию М. Энголда, принадлежит к саморегулирующимся социальным институтам. Его исследование требует комплексного и дифференцированного подхода к рассмотрению отдельных сторон жизни многоликого сельского поселения. Сведения о нем рассеяны в огромном диапазоне разного рода источников – от актов до археологических раскопов и затрагивают самые различные аспекты, начиная с изучения жилища, служившего селянину убежищем от жизненных невзгод, природных и социальных. В центре внимания предстают проблемы типологии селения, включая способы обозначения села и его функции в системе управления и сельскохозяйственного производства. Они раскрываются в ходе анализа структуры села и складывающихся на его территории хозяйственных комплексов в их развитии и эволюции.

Общим положением в освещении указанных проблем является поиск истоков типового сельского поселения – «села» – в Средневековье. С одной стороны, византийское Средневековье отличало многообразие типов селений, обусловленное климатическими и другими местными природными особенностями, с другой – типологические черты сельского селения предопределяли общественный уклад и закономерности развития всех сторон жизни обитателей сел, включая жилище. Так, на Лемносе упоминаются, если не землянки, то крытые дерном дома, которые находились в крепости. Подобные лачуги местных крестьян, вероятно, становились временным местом жительства при нападениях врагов, допустим, пиратов, на случай чего было возведено самое укрепление.

Для эпохи Средневековья принципиальна проблема обозначений села, в первую очередь соотношения терминов «коме» и «хорион». «Коме», начиная с первых и до последних столетий византийской истории, фигурирует в качестве обозначения сельского селения, правда, преимущественно в памятниках, получавших литературную обработку, где оно зачастую противосто-

поставляется «полису». Изначально «коме» призвано обозначить «село», понятие «хорион» хранило налет архаической семантики. Она наделяла это слово значением «населенная местность», «местожительство» или просто «место». Этот смысл понятия «хорион», нетрудно выявить в византийском законодательстве. Прослеживаются противопоставления упоминаний «хорионов» обозначениям города – «полис» и «астий», равно и населенным пунктам типа «коме».

Аналогичные тенденции легко ощутимы в исторических трудах последующего времени. Понятие «коме» употребляется обычно по отношению к крупным сельским населенным пунктам, сопоставимым с городскими центрами. Понятие «хорион» в византийской историографии достаточно отчетливо ассоциировано с обозначением сельской местности в широком плане, противопоставляемой городам и крепостям. Очень часто в нарративных памятниках понятие «хорион» употребляется в форме множественного числа. Оно наполняется обобщающим значением, а заключенное в данном понятии емкое содержание утрачивает свою семантическую определенность.

В том же плане соотношение между «коме» и «хорионом» раскрывают византийские памятники и других жанров, допустим, Житие императора Иоанна Милостивого (Ватаци). В отдельных исторических сочинениях встречается довольно четкое размежевание слов «хорион» и «коме». Первое явно означает сельские селения; «коме» очевидным образом сопоставляемо с городскими центрами и крепостями. В большей части историколитературных памятников употребление слова «хорион», несомненно, было эластичным, а «коме», если обобщить всё известное о нем, правомерно соотносить с укрепленными городскими предместьями.

Актовые материалы со всей своей непреложностью подкрепляют высказанное утверждение. Достаточно указать на памятную записку об имуществе Лавры Афанасия, где упоминается «хорион Перистеры с соседней коме Тзихлиани», там поселены зависимые крестьяне. Записка указывает и на поселки «перед астием Лоротому». Так или иначе, термины «коме» и «астий», т.е. «предмесье» и «город», как и понятие «хорион», побуждают видеть в них некий архаизм. В поздневизантийский период понятие «хорион», как и «коме», зачастую удерживает свое архаическое содержание. Примечательна преамбула акта второго

десятилетия XIV в., в котором афонский прот Феофан поставил в один ряд «‘достойных внимания’ мужей полисов, или хор, или ком, иже да гор». Здесь «комы» вполне адекватны обозначениям сельских селений. Акты сохраняют выявленное соотношение между «коме» и «хорионом». Но значительно раньше в актовых материалах становится заметна тенденция смешения семантики понятий «коме» и «хорион». Это подтверждает судебное постановление 996 г. Николая, судьи фемы Стримон и Фессалоник, об упорядочивании поземельных отношений между монастырем Колобу и жителями села Сидерокавситов. Статус этого селения проясняет последовательное перемежение терминов «хорион» и «коме». К рубежу X–XI вв. значение понятия «хорион» как указания на сельское селение определилось с надлежащей отчетливостью. Упоминания «хориона» в практиках и других документах указанного времени отсылают к местоположению объектов недвижимости, местам проживания так называемых хоритов и формирования господского поместья. Показательны способы обозначения Иериссо в постановлении 1239–1240 гг. местного епископа Феофила о пресечении противоправных действий жителей этого населенного пункта. Он последовательно назван «полисом», «городком», и — неоднократно — «хорионом».

В поздней Византии огражденные оборонительными сооружениями сельские селения уже не были единичны. Непрерывные набеги неприятеля — участников феодальных усобиц, нападения пиратов, рейды турок — вызывали настоятельную потребность в защите мирного населения сельских местностей. Повсеместно возводятся пирги или так называемые жилые башни — оборонительные постройки, служившие убежищем селянам во дни военных испытаний. Само название «пирг» становится синонимом обозначения сельского поселения и по существу замещают термин «хорион».

Пирги, пожалуй, единственные сооружения села, сохранные временем от эпохи Средневековья. Как и в предшествующие столетия, в поздней Византии пирги строили по решению, будь-то центральных или местных властей и крупных земельных собственников, озабоченных защитой своих владений. Возникавшие угрозы пробуждали инициативу монастырей в их имениях возводить или обновлять пирги на собственные средства. Пирги служили для защиты и поселения там земледельцев. Пирги устраивали на морском побережье, откуда его жителям

угрожали нападения пиратов. Пирг на торговом подворье в опасности возможного нападения турецкого флота использовали для хранения товаров или запасов продовольствия. Жилые башни стремились размещать вдоль важнейших путей сообщения. Пирги стали «ключевыми точками» практически всех описаний территорий крупных землевладений и сельских населенных пунктов с ведущими к ним дорогами и расположенными там хозяйствами.

Одновременно в византийской деревне происходит воссоздание прежних, разрушенных врагами, или даже закладка новых более сложных фортификационных сооружений. С предшествующего времени хорион Гомату был окружен крепостными стенами, в черте которых находились дома части жителей. Крепостные стены защищали даже относительно небольшие селения, где их наличие удостоверяет ссылка на «старую крепость». В сельских местностях разворачивается система укреплений, в которой сельское поселение могло занимать значимое положение в качестве оборонительного рубежа целого региона.

Таким образом, задолго до палеологовского периода сельские поселки в Византии начали обрастать башнями, стенами и уподоблялись крепостям, что вполне отвечает процессам, происходившим в раннее и развитое Средневековье во многих южных регионах Европы, где возведение укреплений, превращающих село в крепость-«каструм», становится правилом. При этом нельзя ограничиться простыми заявлениями об оборонительных задачах сел. Хр. Уикхэм, изучая сельские селения Западной Римской империи, подметил, что само сооружение вокруг них крепостных стен не означает превращения сел в городские центры: укрепления обладают только защитными, а не иными «публичными» функциями. Оборона поселков сама по себе не видоизменяет статуса селения. При обсуждении проблем села в Средневековье прежде всего речь должна идти о возрастании ценности земли и обострении соперничества за нее между различными группами населения. В средневековой Византии и сопредельных с ней балканских странах, как показывает В. Кравари, строительство крепостей и простых укреплений в городах и сельских селениях становится тенденцией, обозначившей собою степень необходимой защиты для их жителей. Главное — не внешние перемены, а вопрос о структуре и особенностях сельского поселения средневековой Византии, состав-

ве его населения, административных функций и экономике. Большая доля жителей провинциальных городских центров, крепостей и прочих укрепленных поселений Средневековой Византии, которых можно было бы считать горожанами, на самом деле неизбежно была связана с земледелием и животноводством. Современники видят в представителях этой части городского населения прежде всего крестьян, земледельцев, с одной стороны. С другой – речь идет о хорионе эпохи становления и господства феодальных отношений. Он как территориально-административный комплекс был образован хозяйствами и крестьян, и феодальных собственников. Немаловажна и оценка формирования села с точки зрения размещения на его территории производительных сил, вовлечении крестьянства в товарное производство сельскохозяйственной продукции и предметов сельского ремесла. Ориентация экономики пригородных сел на снабжение города продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем и очевидный рост местной торговли неизбежно вызывали экономическое подчинение крестьянства близлежащему городу. Хотя эти аспекты научных изысканий остались за рамками настоящего исследования, именно здесь находится ключ к решению проблемы различий между средневековым городом и селом, даже если оно обросло укреплениями.

А.Ю. Виноградов

ГОРОД КАК ФАКТОР? МОДЕЛИ ГЕНЕЗИСА ЕПИСКОПСКИХ ЦЕНТРОВ НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО МИРА

Цель настоящей работы – проследить, как формировались механизмы появления епископий Константинопольского патриархата в Северном и Восточном Причерноморье, на Северном и Западном Кавказе и в Древней Руси, а также связь этого процесса с городами, которая была обязательной для территории империи: епископскими центрами там были только поселения со статусом города, тогда как для сельских поселений предназначались хорепископы.

1. Северное и Северо-восточное Причерноморье. Уже к началу IV в. (к 325 г.) здесь известны три епископии: Питиунта, Боспора и Готии, из которых две последние получили имя не по городу, а по территории (государства – скорее, чем города – и этноса соответственно). С конца IV в., по мере включения региона в империю, ситуация меняется в пользу городов: появляются епископии Херсонеса, Фанагории и Никопсии. Однако юстиниановская миссия неизбежно порождает и новые «территориально-этнические» епископии: Дори (в будущем – Готии) в Крыму (первоначально подчиненную Херсону) и Абасгии в Восточном Причерноморье. В VII в., после краха юстиниановской попытки создания «Зихийской» митрополии в Северном Причерноморье впервые прослеживается дихотомия «епархия – (архи)епископский город»: епархия Абасгии с архиепископским центром в Севастополе, епархия Зихии с архиепископскими центрами Никопсией, Херсоном и Воспором, причем последнее название обозначает в титуле иерарха уже не территорию, как прежде, а город; чуть позднее, с завоеванием Зихии абхазскими царями, Никопсия оказывается уже архиепископией Абасгии. В VIII в. продолжают появляться как «городские» епископии (Астил, Фуллы), так и «этнические» (Готия, хоциры); показательна ситуация с епископией сугдаев, быстро превратившейся в епископию Сугдеи. К X в. ситуация стабилизируется в пользу городов (ср., например, перенос Зихийской кафедры из запустевшей Никопсии в Таматарху), но новая имперская миссия к аланам порождает очередную «этно-государственную» архиепископию (а с середины X в. – митрополию), центр которой (Нижнеархызское городище) создается *ex nihilo* и не имеет явного имени.

2. Лазики. В VII–VIII вв. в Лазике фиксируется обычная византийская митрополия с центром в старой греческой колонии Фасис и епископами-суффраганами в приморских, преимущественно греческих городах (Зигания-Гудава, Ризе) и лазских крепостях (Родополь-Варцixe, Петра-Цихисдзири, Саисина-Цаиши). При этом в столице Лазского царства – Археополе-Цихегоджи, отсутствует даже епископия. После отпадения Абхазского царства от империи ок. 787 г. и формирования независимого Абхазского «католикосата», не имевшего четкого центра, из старых епископий Лазики выживает только Цаиши, тогда как процесс дезурбанизации приводит к переносу епископских кафедр в новые центры, причем преиму-

щественно не городские (Кутаиси), а сельские (Бедиа [из Зиганиса], Мокви, Чкондиди-Мартвили). Исчезает и сама древняя митрополия Лазики, а ее титул переносится Константинопольской церковью на Трапезунт.

3. Для Киевской митрополии XI – первой половины XII в. реконструкция процесса генезиса епископий сталкивается с проблемой недостатка источников: первый перечень (Белгород, Новгород, Чернигов, Полоцк, Владимир-Волынский, Переяславль, Ростов-Суздаль, Туров, Юрьев-Канев, Смоленск, Галич) относится только к 1170-м годам. Впрочем, анализ летописных сообщений выявляет два важных обстоятельства. Во-первых, большая часть епископий возникает еще в XI в.: Новгорода – до 1036 г., Чернигова, Переяславля (обе во второй половине XI в. были временно митрополиями) и Юрьева-Канева – до 1072 г., Ростова-Суздаля – до 1077–1088 гг., Белгорода – до 1089 г., Владимира-Волынского – до 1091 г. Во-вторых, порядок кафедр в этом списке, вероятно, соответствует их древности, так что в XI в. возникла, очевидно, и епископия в Полоцке (упоминается с 1105 г.). Только три епископии могли быть созданы не ранее XII в.: до 1114 г. – в Турове, в 1135 г. – в Смоленске, до 1158–1165 гг. – в Галиче. Для нас, однако, важно, что все без исключения русские домонгольские епископии оказываются связаны с городами – княжескими центрами, причем преимущественно Южной Руси (до последней четверти XI в. вне ее епископия точно фиксируется только в Новгороде).

Сравнение стратегий создания епископий в «новообращенных» регионах северной периферии империи показывает наличие нескольких его моделей в различные периоды. В IV–X вв. мы постоянно видим одновременное возникновение епископий, носящих имя как по своему центру – старой греческой колонии (Питиунт, Фасис, Херсон, Фанагория, Таматарха, Севастополь, Зигания), новому городу (Никопсия, Фуллы, Сугдея, Атиль) или лазской крепости (Саисина, Петра, Родополь), так и по государству (Боспорское царство (?), Дори, Алания) или этносу (Готия, хоциры, сугдаи). Этот процесс отражает, очевидно, как волны миссионерской деятельности империи (вторая половина IV в., середина VI в., VIII в., начало X в.), так и перестройку урбанистической картины Северного и Восточного Причерноморья. В VII–X вв. последний процесс

приводит к созданию в Абхазском царстве «сельских» епископий. Напротив, создание епископий на Руси XI–XII вв. проходило по «классической» византийской модели и было связано исключительно с городами – княжескими центрами, причем первоначально преимущественно вблизи митрополии – Киева. Однако при этом число городов (а затем и княжеств) на Руси было значительно бóльшим, чем число епископий, что заложило отличие церковного устройства Руси с ее малочисленными епископиями от стандартной византийской схемы.

О.Л. Габелко

КЕЛЬТСКИЙ ТИЛИС / ТИЛЕ ВО ФРАКИИ: ТОПОНИМ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАНТОМ

Время и обстоятельства образования, равно как и локализация кельтского царства во Фракии в эпоху эллинизма, фактически по умолчанию именуемого в историографии «Тилийским» – по его политическому центру, – остаются предметом длительной дискуссии. Она не только не ослабевает, но, напротив, приобретает всё бóльшую интенсивность по мере активизации археологических исследований в Болгарии в последние десятилетия. Определенный итог в рассмотрении названных вопросов подвела проведенная в Софии в мае 2010 г. конференция “In Search of Celtic Tylis in Thrace (III c. BC)” (In Search 2010; последующие работы: Anastassov 2011; Emilov 2015; Казакевич 2015. С. 120–134 и др.; отмечу особо Манов 2017 – к сожалению, научная ценность последней книги – с многообещающим названием, но в действительности напоминающей ненаучно-фантастический роман – близка к нулю). Софийская конференция, с одной стороны, наглядно продемонстрировала достигнутый на сегодня уровень археологических, нумизматических, конкретно-исторических и лингвистических исследований в данной области, а с другой – со всей определенностью показала, что говорить о достижении консенсуса пока что не приходится. Тем не менее есть достаточно веские основания предложить новые, причем довольно радикальные решения названных проблем.

Относительно того, какой именно группой галатов и когда было организовано «Тилийское царство», в современной науке имеются две более или менее четко сформулированные точки зрения. Одна из них относит данное предприятие на счет тех галатов, кто избежал гибели в ходе похода Бренна на Дельфы осенью 279 г. до н.э. (Stähelin 1907. S. 4; Tomaschitz 2002. S. 140; Theodossiev 2005. P. 89; Boteva 2010. P. 47 и др.); вторая связывает его с кельтами, уцелевшими после разгрома при Лисимахии Антигоном Гонатом (ок. 277 г. до н.э.) (Дройзен 1997. С. 309; Nachtergaele 1977. P. 170, not. 22; Hammond, Walbank 1988. P. 257; и др.). Обе версии, как выясняется при ближайшем рассмотрении, имеют очевидные слабости, ввиду чего детальный исторический и филологический анализ принципиально важного сообщения Полибия (IV. 46.2–3), дополненного другими источниками (Zosim. II. 36–37), позволяет с уверенностью отвергнуть эти гипотезы и высказать гораздо более обоснованное предположение, что это государственное объединение создали галаты, первоначально входившие в состав группы Леоннория и Лутария, которая направлялась из Дардании в Малую Азию (ср.: Liv. XXXVIII. 16.1–10; Memn. FGrHist 434 F. 11.4). Произошло это, соответственно, зимой 278/77 г. до н.э. (см.: Габелко, Селиванова 2006; Gabelko 2006 – впрочем, в этих работах итоговый вывод еще не был сформулирован мною окончательно).

Вопрос о географической локализации государственного образования фракийских кельтов и его политического центра, пожалуй, даже более сложен. Первая точка зрения на эту проблему основана опять-таки на рассказе Полибия (IV. 45.10–46.4) – очень логичном и обстоятельном, лишенном видимых неточностей и восходящем к тому же к местной византийской традиции – прежде всего, к произведению историка Деметрия о переходе галатов в Азию (FGrHist 162). Греческий историк, как следует из контекста его повествования, помещает Тиле – резиденцию первого галатского царя во Фракии Комонтория – где-то недалеко от самого Византия, и ему следуют многие современные авторы (Домарадски 1984. С. 79–84; Тачева 1987. С. 31–33; Dimitrov 2010; и др.). Однако полное отсутствие в юго-восточной Фракии латенских артефактов и монет, чеканенных от имени последнего царя «Тилийского царства» Кавара, находится в резком контра-

сте с обилием их в более северном районе – примерно между Варной и Тырново с Казанлыком – где многие специалисты (преимущественно болгарские, лучше всех знакомые с локальными материалами) сейчас и помещают Тиле/Тилис (Manov 2010; Lazarov 2010 – с указанием многочисленных работ предшественников), пытаюсь обнаружить этому подтверждения и в единичных пассажах письменных источников (хотя бы и поздних, а также гораздо менее надежных и информативных, нежели Полибий – Prokop. De aedific. IV. 11). Между тем последние могут быть трактованы совершенно иначе. Так, информация Стефана Византийского (Τύλις, πόλις Θράκης τοῦ Αἰῶνος πλησίον. – s.v.) неожиданно находит соответствие в никогда не рассматривавшемся ранее в этой связи сообщении из «Отеческих установлений Константинополя» Гесихия Иллюстрия – автора VI в. н.э., в целом совершенно недостоверного, но порой передающего чрезвычайно важные детали из истории Второго Рима. Гесихий упоминает о существовании холма Гем поблизости от Византия (17) – видимо, именно его Стефан спутал с широко известным одноименным горным массивом (совр. Стара Планина). Наличие также в окрестностях города вполне созвучного топонима *Kilyos* (Emilov 2010. P. 70) с максимальной степенью вероятности позволяет поместить загадочный Тилис/Тиле неподалеку от Византия (ныне – наверняка на территории Большого Стамбула или его пригородов, что уничтожает шансы на его археологическую идентификацию).

Таким образом, оказывается возможным обнаружить выход из противоречия между данными письменной традиции с одной стороны и археологическими и нумизматическими материалами – с другой. Представляется далеко не случайным, что само существование «Тилийского царства» по данным античных источников выглядит довольно эфемерным – как это и отражено, к примеру, в определении, данном ему Д. Поповичем: «royame fantôme de Tylis...» (Porović 1991. P. 344). Если акцентировать то признаваемое многими исследователями обстоятельство, что царство галатов во Фракии (особенно первоначально) отнюдь не было сложившимся государством, обладавшим в числе прочих атрибутов устойчивой территориальной и экономической структурой и существовавшим в основном за счет *politics of 'Danegeld'* (Emilov

2015. Р. 371–373), то несложно допустить возможность его физического перемещения от Византия на север. При Комонтории, превратившем Тилу в свою резиденцию, судя по всему, кельты занимались исключительно грабежами и вымогательствами; если период их пребывания неподалеку от Византия был относительно недолгим, то он мог и не оставить никаких материальных свидетельств. Кавара же Полибий – что особо показательно! – никак не связывает с Тиле, называя его Γαλατῶν βασιλεύς (IV. 52.1) или Καβαρος ὁ βασιλεὺς τῶν ἐν τῇ Θράκῃ Γαλατῶν (VIII. 22.1). Этот царь проводил более гибкую политику в отношении греческих полисов (как показывает, прежде всего, нумизматика; см. также новые данные о возможности осуществления по его заказу чекана бронзовых монет в Апросе, к востоку от Византия: Manov 2017), а византийцам даже оказывал политические услуги (Polyb. IV. 52.1; VIII. 22), что, впрочем, не отменило взимания им трибута. Текст Полибия допускает, что постоянное возрастание суммы дани было вызвано именно соблюдением пункта договора, согласно которому галаты не просто прекратили опустошать территорию Византия, но и покинули его окрестности в обмен на регулярные денежные выплаты – как могло представляться, ко взаимной выгоде, хотя к 220 г. до н.э. податное бремя стало для византийцев невыносимо тяжелым. Таким образом, при Каваре галатское объединение, существенно повысив степень своей внутривизантийской и экономической организации, перестало быть «Тилийским» в географическом смысле (его центр мог располагаться, например, в районе совр. п. Арковна Варненской области – Lazarov 2010 и др.; прочие гипотезы требуют специального разбора). Показательно, что Кавар появился у стен Византия для выполнения посреднической миссии далеко не сразу после начала осады города вифинским царем Прусием I в 220 г. до н.э. (Polyb. IV. 52.1): очевидно, он первоначально находился далеко от театра военных действий. Поэтому совершенно неприемлемой выглядит точка зрения, будто бы после завершения этой войны именно Кавар получил доступ к контролю над Боспором Фракийским (Gabrielsen 2007. Р. 317; в целом о конфликте Родоса и Вифинии с Византием см.: Ефремов 2005; Габелко 2005; Russell 2017. Р. 93–98). Более того, кажется весьма вероятным, что исход войны оказался неблагоприятным для Кавара, хотя он в ней и не участвовал: если взимание подати с

византийцев было отменено, это могло негативно сказаться на экономике галатского царства.

Разумеется, для проверки этой гипотезы необходимы новые источникивые данные; можно надеяться, что со временем они появятся. Пока же, исходя из сказанного, выглядит вполне оправданным считать определение «Тилийское царство» не соответствующим историческим реалиям III в. и ввиду этого отказаться от его использования в пользу более нейтрального «Кельтское (Галатское) государственное объединение во Фракии». Судя по всему, его население (или какую-то – возможно, значительную – часть оного) составляли галаты-эгосаги, перешедшие (видимо, «в полном составе», с женщинами и детьми) из Европы в Азию в 218 г. до н.э., после двухгодичных бесчинств в Троаде (V. 77.2–78.6; 111.2–5) разбитые «в правильном сражении» и затем почти поголовно истребленные всё тем же Прусием I Вифинским (111.6–7). Осуществить довольно дальнюю военную экспедицию, не принесящую никаких ощутимых политических результатов кроме разве что улучшения собственной репутации в глазах эллинского мира, вифинского царя могло заставить желание отомстить фракийским галатам, правитель которых лишил его плодов потенциальной победы над византийцами в 220 г. до н.э.

Литература

- Габелко О.Л. История Вифинского царства. СПб., 2005.
- Габелко О.Л., Селиванова Л.Л. «Оракул Фээннис» (Zosim. II. 36–37) и переход галатов в Азию // Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 110–148.
- Домарадски М. Келтите на Балканския полуостров. София, 1984.
- Дройзен И.Г. История эллинизма. СПб., 1997. Т. 2.
- Ефремов Н.В. Родосско-византийская война 220 г. до н.э. // ВДИ. 2005. № 1. С. 128–153.
- Казакевич Г.М. Східні кельти: культури, ідентичності, історіографічні конструкції. Київ; Вінниця, 2015.
- Манов М. В търсене на Тюлис или Тракия между 341 и 218 г. пр. Хр. София, 2017.
- Тачева М. История на българските земи в древността. София, 1987. Ч. 2.
- Anastassov J. The Celtic Presence in Thracia during the 3rd Century BC in Light of New Archaeological Data // The Eastern Celts. The Communi-

- ties between the Alps and the Black Sea / Eds. M. Guštin & M. Jevtić. Koper; Beograd, 2011. P. 227–240.
- Boteva D.* The Ancient Historians on the Celtic Kingdom in South-Eastern Thrace // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III c. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010 / Ed. L. Vagalinsky. Sofia, 2010. P. 33–50.
- Dimitrov K.* Celts, Greeks and Thracians in Thrace during the Third Century BC. Interactions in History and Culture // Ibid. P. 51–66.
- Emilov J.* Ancient Texts on the Galatian Royal Residence of Tylis and the Context of La Tène Finds in Southern Thrace. A Reappraisal // Ibid. P. 67–87.
- Emilov J.* Celts // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Chichester, 2015. P. 366–382.
- Gabelko O.* “Phaennis’ Oracle” (Zosim. II. 36–37) and the Galatians’ Passage to Asia Minor // “Troianer sind wir gewesen” – Migrationen in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 8, 2002. Geographica Historica / Hrsg. E. Olshausen & H. Sonnabend. Stuttgart, 2006. Bd. 21. P. 211–228.
- Gabrielsen V.* Trade and Tribute: Byzantium and Black Sea Straits // The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies / Eds. V. Gabrielsen, J. Lund. Aarhus, 2007. Vol. 6. P. 287–324.
- Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A History of Macedonia. Oxford, 1988.
- In Search of Celtic Tylis in Thrace (III c. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010 / Ed. L. Vagalinsky. Sofia, 2010.
- Lazarov L.* The Tylite State in the Time of Cavarus // Ibid. P. 97–114.
- Manov M.* In Search of Tyle (Tylis). Problems of Localization // Ibid. P. 89–96.
- Manov M.* The Earliest Bronze Coins of the Ring Kavaro // Ex nummis lux. Studies in Ancient Numismatics in Honour of Dimitr Draganov / Ed. D. Boteva. Sofia, 2017. P. 113–122.
- Nachtergaele G.* Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Bruxelles, 1977.
- Russell T.* Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford; N.Y., 2017.

Popović P. Le monnayage des Scordisques. Les monnaies et la circulation monétaire dans le centre des Balkans IV–I c. av. n.e. Beograd; Novi Sad, 1987.

Stähelin F. Geschichte der kleinasiatischen Galater. Leipzig, 1907.

Theodossiev N. Celtic Settlement in North-Western Thrace during the Late Fourth and Third Centuries BC: Some Historical and Archaeological Notes // *Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD, Dedicated to Zenon Woznák* / Eds. H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska. Kraków, 2005. P. 85-92.

Tomaschitz K. Die Wanderungen der Kelten in der antiken literarischen Überlieferung. Wien, 2002.

Н.А. Ганина

ТОПОНИМЫ В ЯЗЫКЕ ЛЮБЕКСКОГО ПРАВА

Основными топонимами в языке любекского права закономерным образом являются названия самого города и его главной реки Траве – Lubeke и Traue(ne). Название города употребляется в устойчивых формулировках в функции дополнения, ср. an deme rade der stat to. Lubeke «в совете города Любека» (Ki 3; Кильский кодекс, Киль, Stadtarchiv, 79413, ранее без шифра, ок. 1282 г.); en iewelic borgere van lubeke «всякий гражданин Любека» (Ki 108); Ne ghen borghere van Lvbeke «никакой гражданин Любека» (Ki 175); Wi ratman van lubeke «мы, члены совета Любека» (Ki 206); ienich borghere van lubeke «какой-либо гражданин Любека» (Ki [217]; ienech borghere uan lubeke Ki 219); in der stat to lubeke «в городе Любеке» (Ki 249); Hir beghint dat Registrum des rechtes tō lubeke «Здесь начинается регистр права Любека» (первый / новый регистр, Ki, л. 80), «Здесь начинается регистр права Любека» = Hir beghint dat registrum der stat tō lubike «Здесь начинается регистр города Любека» (В, л. 74va). В кодексе Бардевика (В; Юрьевец. «Музеи города Юрьевца». ЮКМ-2010; olim Любек. Stadtarchiv. Hs. 734. 1294 г.) название встречается также в заголовке van den borgheren van lubeke «о гражданах Любека» (В 211) при заголовке van den borgheren «о гражданах» (Ki 219) и во втором / старом регистре кодекса: Van

den borgheren to lubeke d<at> recht «о гражданах Любека право» (В. Л. 86vb, заголовок статьи В 179, отсутствует в основном тексте, но представлен в основном тексте Ki при статье 175 и в регистре этого кодекса с вариантом написания lubike), Van den borgheren van lubeke «о гражданах Любека» (В. Л. 87rb, заголовок статьи В 211). Тем не менее Любек преимущественно обозначается в любекском праве как de stat «город» (173 примера употребления), что обусловлено как недвусмысленностью понятия, так и обобщающим характером права.

Кроме того, название города представлено в списке положения о порядке выборов в совет (Ratswahlordnung): vnser truwen borgere van lubeke «нашим верным гражданам Любека» (Ki. Л. 93v, В. Л. 94vb) и в колофоне Альбрехта фон Бардевика в соответствующем кодексе: Borghere mester der stades to lubeke «бургомистр города Любека», kemerere der stades to lubeke «казначей города Любека» (В. Л. 96vb). Поскольку колофон имел целью подчеркнуть изготовление кодекса Бардевика как парадной рукописи любекского права (Ganina, Mokretsova 2016) и заботы канцлера, будущего бургомистра Альбрехта фон Бардевика о благе города. Равным образом, в латинском вступлении к любекскому праву (Кильский кодекс. Л. 1r, Эльбингский кодекс, Гданьск, Wojewódzkie Archiwum Panstwowe, 369, 1/1, olim Эльблонг. Stadtarchiv. ohne Signatur [1]. Ок. 1275 г.) также употребляется формулировка Ciuitatis Lubicensis «города Любека» (один пример при многократном употреблении Ciuitatis без дополнения, что соответствует нижненемецкому узусу).

Река Траве упоминается в связи с конкретными правовыми ситуациями в трех статьях любекского права: vnde in de trauene mede varet «и выедет на середину Траве» (Ki 43, van de pramen «о праме / грузовом корабле»), ср.: Paulsen 2016. S. 72–73), dat schip ande trauene «корабль на Траве» (Ki 147) и статья о запрете складывать дрова близ рек Траве и Вакеница (Ki 257, см. ниже), а также в заголовке Ki 257 в регистре этого кодекса (в кодексе Бардевика в заголовке этой статьи в новом регистре упоминается только Вакениц). Название правого притока Траве – Вакениц (ср.-ниж.-нем. Wökenisse) встречается только в одной статье Кильского кодекса и кодекса Бардевика о запрете складывать дрова близ Траве и Вакеница (Ki 257, В 249, также в заголовке

соответствующей статьи в регистрах этих кодексов: Ki. Л. 85v, В 80ra).

Статья Ki 257 (=В 249) представляет собой заключительную статью любекского права, внесенную одним из писцов, соборным викарием Хельмиком Тиммо при редактировании обоих кодексов в XIV в. (предположительно в 1340-е годы. – Korlén 1951. S. 19; Ganina 2016. S. 195–196). Правовая коллизия касается местных любекских реалий:

Van berneholte dat men bi de trauene. ôfte bi de wôkenisse lecht. Witlik si dat. dat de mene R^aat dat vorbôrgen heft. vnde ghesat. Dat nen borgher noch gast. berneholt setten noch lecgen scal. bi de trauene. af dessyde der landwere. bi deme kuckukes dyke. bi beydensyden der Traue. vppe iewelker syden en verdendel weghe na van ener mile. bi der trauen lank al ^vvt. (О дровах, которые складывают у Траве или Вакеница. Да будет известно, что совет в полном составе запретил и постановил, что никакому горожанину или чужеземцу не должно размещать или складывать дрова у Траве по эту сторону укреплений, у Кукушкиной запруды, по обоим берегам Траве, по любую сторону на четверть пути до одной мили вдоль Траве до конца.) (Ki 257, В 249 – Korlén 1951. S. 158).

Поскольку статья была записана уже после распространения любекского права и его кодексов в других городах Балтийского региона, в других кодексах любекского права она отсутствует.

Локализация реалии, обозначенной топонимом Kuckukesdîk «Кукушкина запруда», до сих пор была неизвестной. По сообщению Антьекатрин Грассман, этот любекский топоним не обнаружен в других средневековых источниках и не дошел до наших дней. Однако в средневековье существовала «Кукушкина мельница» – Cuckukesmole / Kuckukesmole (Kuckucksmühle), у которой должна была существовать одноименная запруда (Graßmann 2019, дальнейший обзор с опорой на указания этой справки).

По данным В. Бремера, вскоре после 1260 г. городом с согласия соборного капитула была заложена водяная мельница перед Мельничными воротами на ручье Hollenbeke (позднее Medebeke, ныне Rotebek), носившая название Kuckucksmühle

(Brehmer 1892. S. 219). Kuckucksmühle была мукомольной мельницей у плотины, перегораживавшей ручей Ротебек по пути в деревню Генин (Müller 1998. S. 20). Свидетельств ранней эпохи обнаружить не удалось, зато упоминания Cucukesmole/Kuckukesmole встречаются в любекских грамотах № 1085 от 1282 г. (упоминание мельничных откосов и мельницы) (UBStL 1858. II (2). S. 1019), № 1095 от 1307 г. (сданные в аренду луга у Траве, также у Кукушкиной мельницы с упоминанием Альбрехта фон Бардевика в этом контексте) (UBStL 1858. II (2). S. 1043), № 432 от 1322 г. (передача городом городским мельникам Кукушкиной мельницы и мельницы в Тремсе – UBStL 1858. II (1). S. 379) и № 1098 (в казначейской книге 1316–1338 гг.) от 1326 г. (UBStL 1858. II (2). S. 1059). Мельница также упоминается в грамоте епископства Любекского от 6 декабря 1308 г., где речь идет о сравнении владений соборного капитула и города с упоминанием Альбрехта фон Бардевика как члена совета (UBBL 1856. I. S. 517, № 429), и в грамоте епископа, соборного капитула и городского совета от 1 апреля 1319 г. об определении границ между владениями города и соборного капитула перед Мельничными воротами:

usque in finem aggeris siue dammonis molendini Cucukesmolen vide licet in ipsius aggeris finem versus ad villam Ghenin... Molendinum Cucukesmolen pertinebit libere Civitati cum aggere et cum omni iure instagnandi, piscandi et fundi ipsius aque... (также в конце запруды или мельничной плотины Кукушкиной мельницы, а именно, в том самом конце поля напротив деревни Генин... Кукушкина мельница будет свободно принадлежать городу с плотиной и со всем правом запруживания, рыбной ловли и потребления воды той самой [мельницы]...) (UBBL 1856. I. S. 584, № 480).

Упоминание запруды (agger) Кукушкиной мельницы прямо соотносится с «Кукушкиной запрудой» в любекском праве.

Топонимы в любекском праве немногочисленны, что обусловлено общим и обобщающим характером права. Топонимы Lübeck, Trave и Wakenitz имеют славянскую этимологию: ср.-ниж.-нем. Lubeke < слав. *l'ubъкъ «милый, любимый», также имя собственное (Trautmann 1950. S. 97), ср. (ЭССЯ. 1988. Вып. 15. С. 183), Trave(ne) < слав. *Travna «богатая травой»,

Wökenisse < слав. *Okennica (Oknica) «окно (о водоемах)» (Trautmann 1950. S. 154, 169), однако к концу XIII в. эти заимствования уже полностью ассимилированы. Микротопоним Kuckukesdik «Кукушкина запруда», как и обозначение Kuckukesmole «Кукушкина мельница», очевидно, происходит от нижненемецкого имени собственного (прозвища) и представляет особый интерес как обозначение местной любекской реалии.

Литература

- Brehmer W.* Beiträge zu einer Baugeschichte Lübecks. 4. Aufstauung der Wakenitz und die städtischen Wassermühlen // Zeitschrift für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1892. Bd. 6. S. 215–242.
- Ganina N.* Bardewikscher Codex: Problemstellungen und Perspektiven der Forschung // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2016 г. СПб., 2016. С. 194–203.
- Ganina N., Mokretsova I.* Verschollener ‘Bardewikscher Codex’ aufgefunden // Zeitschrift für deutsches Altertum. 2016. Bd. 145. S. 49–69.
- Graßmann A.* Zur Frage „Kuckukesdik“ (письменная консультация, январь 2019).
- Korlén G.* Norddeutsche Stadtrechte. Lund; Copenhagen, 1951. Bd. 2: Das mittelniederdeutsche Stadtrecht von Lübeck nach seinen ältesten Formen. (Lunder Germanistische Forschungen; 23).
- Müller M.* St. Jürgen. Chronik einer Vorstadt und ihres dörflichen Umfeldes // Kleine Hefte zur Stadtgeschichte. Lübeck, 1998. Hft. 14. S. 20.
- Paulsen R.* Schifffahrt, Hanse und Europa im Mittelalter. Schiffe am Beispiel Hamburgs, europäische Entwicklungslinien und die Forschung in Deutschland. Köln; Weimar; Wien, 2016. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte; 73).
- Trautmann R.* Die slavischen Ortsnamen Mecklenburgs und Holsteins. 2., verb. Aufl. B., 1950. (Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil.-Hist. Klasse; Bd. 45, 3).
- Urkundenbuch des Bistums Lübeck / Hrsg. von W. Leverkus. Oldenburg, 1856 (переизд.: Neumünster, 1998). Teilbd. I.
- Urkundenbuch der Stadt Lübeck / Hrsg. von J.F. Böhmer und F. Teschen. Lübeck, 1858 (переизд.: Osnabrück, 1976). Bd. 2. (Veröffentlichungen des Schleswig-Holsteinischen Landesarchivs; 35).

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА ПОΛΙΣ У СТРАБОНА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Нельзя сказать, что урбанистическая составляющая слова «полис» совсем обойдена вниманием исследователей. Однако при обширности и разнообразии западной историографии по этому поводу, в отечественном антиковедении, сосредоточенном в основном на «полисе-государстве», подобных исследований не так уж и много.

В этой работе сделана попытка проследить употребление слова «полис» и его производных у Страбона и некоторых его предшественников и, где возможно, определить его значение.

Изначальную семантическую нерасчлененность слова «полис», несколько не смущавшую древних эллинов, можно сопоставить с изначально дихотомическим определением сходного понятия римлянами, применявшими для политической и ряда других его составляющих термин *civitas*, а для урбанистической и некоторых других составляющих – термин *urbs*. Впрочем, Э. Бенвенист (1995. С. 239–240) полагал, что значение «город» в слове «полис» в оппозиции к «деревне» (κόμη) для греков первично, а представление о полисе не только как о «городе», но и как о «государстве», а затем и «общине» развилось позднее.

Если проследить по сохранившимся древнегреческим источникам семантику слова «полис» (там, где эта семантика для нас более или менее бесспорна), то, наряду со специальными теоретическими рассуждениями и изысканиями о сущности «полиса», в плане политической феноменологии и терминологии не только у философов, в первую очередь у Аристотеля и Платона, но и у историков, а частично и у ораторов, мы, в основном, встречаемся с **нейтральными, констатирующими** его употреблениями как в терминологическом и терминологизирующем, так и в обыденном его значении.

Оставляя за рамками нашей работы «полис» как явление политической и социологической феноменологии и терминологии, попробуем проследить «городскую» составляющую слова «по-

лис», выявляющуюся из анализа сохранившихся письменных источников и, где это окажется возможным, соотносимость этой составляющей с политическим и социологическим компонентами семантики этого слова.

«Городская» составляющая слова «полис» в той или иной степени присутствует во всей дошедшей до нашего времени греческой письменности, начиная с Гомера, хотя уже у Гомера есть и другое достаточно древнее наименование города – ἄστυ.

Геродот часто употребляет слово «полис» просто для обозначения города без какого-либо намека на политический смысл этого термина, а иногда и **вообще не использует его в теоретических рассуждениях о государственности.**

Надо сказать, что при сплошной выборке и анализе употребления слова «полис» в каком-либо литературном источнике, очень часто нельзя понять, что имел в виду в данном месте сам автор, будь то Геродот, Фукидид, Полибий или Страбон. Случаи, когда просто упомянут некий «полис», или идет простое перечисление «полисов», почти не поддаются однозначному толкованию, а тем более точному переводу, отчасти и в силу того, что в переводе такого рода контекстов на русский язык слово «государство» звучит достаточно тяжеловесно, а передать нерасчлененное значение греческого слова «полис» (как «город» и «государство-город») одним русским (и не только русским) словом вообще не представляется возможным.

Поэтому, скажем, в классическом русском переводе «Истории» Геродота Ф.Г. Мищенко в подобных случаях греческое слово «полис» довольно часто переводится русским словом «государство», тогда как в более позднем переводе Г.А. Стратановского подобное решение почти не встречается.

Слово «полис» у Геродота употреблено более 500 раз, и лишь незначительную часть геродотовских «полисов» можно безоговорочно толковать в политическом смысле, не говоря уже о том, что «полисами» называются города не только греческие, но и египетские, персидские, ливийские, индийские и даже будинский г. Гелон (Hdt. 4.108). Но при этом небезынтересен тот факт, что, говоря о земле скифов и отмечая, что скифы не имеют городов, Геродот употребляет слово ἄστυ (Hdt. 7.10).

Если при целенаправленном обсуждении Фукидидом демократической государственности слово «полис» вполне укладывается в государственно-демократические семантические рамки, а при обсуждении олигархической государственности несколько меняет эти рамки (причем еще сложнее семантика этого слова в фукидидовских речах представителей разных политических направлений), то в большинстве случаев при фактологическом изложении, не носящем политико-теоретического характера, «полис» у него тоже означает просто «город» или, в более редких случаях, его можно трактовать как семантически нерасчлененное определение «полиса»-города и «полиса»-государства. Из множества фукидидовских употреблений слова «полис» лишь очень малую часть составляют те случаи, которые можно безоговорочно отнести к «полису»-государству. Доминантными же являются или нерасчлененное значение этого слова (реже), или урбанистическое.

Платон, Аристотель, псевдо-Ксенофонт, частично Демосфен, обсуждая теоретические проблемы государственности, подразумевают под словом «полис» именно государственную структуру. «Полисы» в таком смысле разнообразны и включают в себя множество составляющих, присутствующих там в разных соотношениях. Под «полисом» имеют в виду не только классический демократический вариант города-государства, но и полисы с иным типом управления, общину, а иногда и территориальное государство. Однако в описательном нарративе и у этих авторов встречается «полис»-город.

Политическая составляющая слова «полис» вполне ощутима у авторов эллинистического времени и понятна им, но всё чаще на первый план выходит «городская» его составляющая и всё чаще слово «полис» употребляется в чисто урбанистическом смысле. Значительный интерес в этом отношении представляет «Всеобщая история» Полибия, содержащая, наряду с историческими описаниями, также теоретические рассуждения о смешанной государственности (VI книга).

В теоретических рассуждениях Полибия, как и у авторов более раннего времени, слово «полис» употребляется в политическом смысле, но тут же рядом, буквально через несколько строк (даже в той же VI книге), это же слово имеет чисто урбанисти-

ческую семантику. Очевидно, самого Полибия эта двусмысленность нисколько не смущает, а переводчики (в русском варианте Ф.Г. Мищенко) переводят слово «полис» то как «город», то как «государство» в зависимости от собственного уразумения соответствующего контекста. Используя слово «полис» очень часто, Полибий тоже употребляет его в основном в урбанистическом смысле, реже – в нерасчлененном.

Анализируя семантику слова «полис» у Страбона можно заметить, что на первый план у географа выходит **урбанистическая ее составляющая**. Так, наряду со знанием того, что полис – место жительства коллектива землевладельцев и земледельцев, обрабатывающих земельные наделы в его окрестностях и использованием термина «полис» в классическом государственно-общинном смысле, Страбон чаще всего имеет в виду «полис»-город в противопоставлении его «деревне-κόμη» по признакам территориального размера, населенности, монументального строительства, ремесел для производства товаров, а также разного рода культовых и культурных сооружений: храмов, театров, библиотек и др. Страбоновское употребление слова «полис» в подавляющем большинстве случаев не подразумевает политического компонента, а о его управлении и государственной принадлежности обычно сообщается отдельно. Укрепленность также необязательна для страбоновского полиса: он может быть укрепленным, а может и не быть.

Одним из основных методов структурирования Страбоном материала является описание «по городам». Очень значительная часть этого материала посвящена истории и географии городов и разного рода более мелких поселений, обозначаемых производными от слова πόλις (πολίδιον/πολείδιον, πολίχνην, πολίχνη, πόλισμα, κομόπολις).

В соответствии с целями и задачами сочинения, о которых я неоднократно говорила и писала (воспитание государственного деятеля проримского образца), Страбон отбирает только тот материал, который связан, по его разумению, с ключевыми моментами и знаменитыми деятелями «пространственного изменения мира» (Clarke 1999. P. 303): «окологомеровские» сведения, греко-персидские столкновения, эпоха завоеваний Александра Македонского, история эпигонов Александра, повышенный инте-

рес к «основаниям» городов (κτίσματα), деятельность Митридата Евпатора, хронологически близкий географу мир.

Страбон уделяет особое внимание возникновению городов, их основаниям, переоснованиям, развитию в диахронии, превращению из города в деревню (κώμη) и обратно.

Слово «полис» при этом употребляется у него синонимично латинскому *urbs*, т.е. в чисто урбанистическом смысле.

Даже в специальном экскурсе о государственных устройствах (Strabo 1.1.18), называя формы правления «политиями» (πολίτειαί), Страбон вообще не употребляет слова «полис», рассуждая о различиях в этих «политиях» по верховной власти (ἡγεμονία), которую он приравнивает к «царству» (βασιλεία) и делит на монархию, аристократию и демократию, ни слова не говоря ни о каких полисных институтах.

В связи с полисом-городом Страбона в первую очередь интересуется его величие и значимость для предполагаемого адресата «Географии». В перечислениях городов наиболее распространенным эпитетом является ἀξιόλογος, т.е. «достойный описания». Значим для географа и размер города: в описаниях отдельных городов и в перечнях городов Страбон постоянно применяет при их характеристиках прилагательные «малый – большой» (μικρή – μεγάλη), иногда заменяя указание на малый размер или незначительность разными уменьшительными производными от πόλις.

Считает он также важным для целей своего сочинения отмечать омонимию городов в разных географических точках ойкумены (πόλις ὁμώνυμος). Очень большое внимание географ уделяет «великим людям», связанным с тем или иным городом или происходящим из него.

Есть у Страбона полноценные, разносторонние описания преимущественно больших городов, где он дает разнообразные сведения об архитектуре, политическом и хозяйственном устройстве, уроженцах города, его жителях и образе их жизни, реальных событиях повседневной жизни, городских службах и разных других характерных чертах описываемых городов. Таковы, например, описания Рима, Александрии, Эфеса, Афин и ряда других городов. А о каких-то городах и городишках он сообщает один-два факта, которые считает наиболее достойными

внимания. Рассматривая эти сведения в совокупности, мы получаем ценную информацию о городской жизни в разных концах ойкумены.

Урбанистическая составляющая семантики слова «полис» является **практически единственной** для всех его **производных**. Эти производные, относясь к урбанистическим структурам, иногда приобретают статус термина или терминологизирующего слова, но чаще всего являются стилистическим вариантом слова *πόλις* в уменьшительном, ласкательном или уничижительном значении.

Литература

- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Clarke K. Between Geography and History. Hellenistic Contributions of the Roman World. Oxford, 1999.

С.А. Денисов

ГОРОДСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ТЕВТОНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Города обладали ключевым значением для покорения Тевтонским орденом прусских земель и последующего создания на них государства. Выполняя функции центров торговли и ремесла, а также военных опорных пунктов, они стали основой власти братьев в Пруссии. Учитывая это обстоятельство, орденская администрация предоставляла горожанам многочисленные привилегии (свободу самоуправления, право рыбной ловли, земельные наделы и т.д.), фиксируемые в хартиях. Из них именно землевание являлось важнейшим фактором экономической жизни города, определявшим его статус. Размер и уровень плодородности земли, выделяемой для основания города, являлся наряду с географическим положением изначальным потенциалом нового поселения. Для характеристики данного потенциала обратимся к размерам владений, пожалованным городам при их основании.

Данный вопрос получил частичное освещение в историографии. Исследователи рассматривали земельные владения как часть привилегий, выдаваемых орденом городу и характеризующих его статус (Lamprecht 1906. S. 419–420; Tumler 1955. S. 462–467; Масан 1989. С. 53–61; Трокаль 2004. С. 163). Однако размер земельных владений при этом не исследовался.

В период 1233–1299 гг. хартии получили 14 городов: Торн, Кульм, Мариенбург, Эльбинг, Альтштадт, Лёбинихт, Шёневик, Христбург, Грауденц, Прейссиш-Холланд, Роггенхаузен, Лессин, Реден, Браунсберг.

Большинство из них (11) составляют поселения, основанные при поддержке Ордена или епископов в период 1276–1299 гг. Это связано с тем, что к 1274 г. братьям удалось преодолеть сопротивление основной части прусских племен и обезопасить свои владения. Показательным также является географическое расположение городских центров: около половины из них сконцентрированы в Кульмской земле (6), по 3 – в Помезании и Самбии, и 2 – в Вармии. Как видно, распределение городов было связано с тем, насколько освоенной и безопасной была та или иная область. Соответственно, в Кульмской земле как первой области, покоренной братьями еще в 1230-е годы, располагалось наибольшее число поселений, а в землях, которые стали частью Тевтонского государства только в 1240–1250-е годы и были менее безопасны, число городов оказалось меньшим. Следует подчеркнуть взаимосвязь двух факторов. Само по себе расположение не гарантировало безопасности: во время активного сопротивления пруссов Ордену в 1242–1249 и 1261–1274 гг. сильному разорению подверглась как раз Кульмская земля как наиболее хорошо освоенная часть владений братьев (Petri de Dusburg 1861. S. 112–113, № 123; S. 122–123, № 147, 150, 155).

Перечисленные обстоятельства обусловили размер земельных владений, принадлежавших городам. Самыми крупными участками обладали Кульм, Торн, Реден и Прейссиш-Холланд (Preussisches Urkundenbuch 1881. S. 78, № 105; Preussisches Urkundenbuch 1909. S. 424, № 680; Codex Diplomaticus Prussicus 1836. S. 183–185, № 170). Первые три из них располагались в Кульмской земле, четвертый – в Вармии. Их владения имели размер 130–420 гуффенов (1 гуффен составлял 20 га) и включа-

ли пахотные земли, луга и пастбища. Далее следуют поселения с размером владений 30–40 гуффенов, к которым относятся Христбург и Роггенхаузен (Preussisches Urkundenbuch 1909. S. 330, № 525; S. 356–357, № 569; S. 453, № 729). Состав их владений такой же, как в первой группе. Самыми небольшими владениями, менее 10 гуффенов, обладали города Мариенбург, Альтштадт и Лёбиниخت (Ibid. S. 233, № 348; S. 440–441, № 706; S. 441–443, № 707). Точный размер владений городов Шёневик, Лессин, Грауденц, Браунсберг и Эльбинг не указан в документах.

Важной характеристикой землевладения крупных центров является аккумуляция участков. Так, согласно хартии от 28 декабря 1233 г., верховный магистр Герман фон Зальца (1210–1239) пожаловал жителям Торна 100 гуффенов. 17 января 1258 г. епископ Леславский Волимир (1256–1271) пожаловал им же лес и пахотные угодья Молеры с запретом возводить постройки. 9 февраля – 15 марта 1262 г. был заключен договор между ландмейстером Гельмериком фон Рехенбергом (1262–1263) и городским советом Торна. Городу передавались 60 гуффенов в деревне Зильберсдорф и 70 гуффенов у границ поселения в обмен на налоги от мельницы, выгонные земли у Альт-Торна, стражу и 100 гуффенов (Ibid. S. 130–131, № 156). Аналогичные процессы характерны для Кульма и Редена.

В некоторых случаях (Роггенхаузен), городские земли передавались крестьянам близлежащих деревень в обмен на налог и работы для нужд города (Ibid. S. 356–357, № 569; S. 453, № 729).

Помимо участков, находящихся в общей собственности, городское землевладение характеризуется наличием собственности отдельных лиц. Известны участки, принадлежавшие горожанам Христбурга и Торна (Ibid. S. 363–364, № 577; S. 344, № 550), а жители Редена выступали в качестве локаторов (основателей) ряда сельских поселений (Ibid. S. 387–389, № 613; S. 403–405, № 633). Обращает на себя внимание, что речь идет о горожанах из центров, обладавших большим земельным фондом.

Итак, специфика становления Тевтонского государства, с поэтапным включением в его состав прусских земель и длительной борьбой с местным населением, отразилась на развитии землевладения городских центров, являвшихся опорой ордена. Наибольшее развитие в период 1274–1299 гг. получили центры,

расположенные в Кульмской области и Помезании. Из них выделились крупные поселения, постепенно аккумулировавшие участки, а также характеризующиеся интенсивным развитием частного землевладения.

Источники и литература

- Масан А.Н.* Город в государстве Тевтонского ордена в XIII – первой половине XV в. (по материалам средневековой Пруссии). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Трокаль Т.В.* Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Codex Diplomaticus Prussicus* / Hrsg. von J. Voigt. Königsberg, 1836. Bd. 1.
- Lamprecht K.* Deutsche Geschichte. Freiburg im Brissgau, 1906. Bd. 3.
- Petri de Dusburg.* Chronicon terrae Prussae // SRP. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 21–219.
- Preussisches Urkundenbuch.* Königsberg, 1881. Bd. 1, Heft 1 / Hrsg. von A. Philippi; 1909. Bd. 1, Heft 2 / Bearb. H. Seraphim.
- Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zum neuesten Zeit. Wien, 1955.

Т.Н. Джаксон

ДРЕВНЯЯ И СОВРЕМЕННАЯ СТОЛИЦЫ ДАНИИ В ОПИСАНИИ «САГИ О КНЮТЛИНГАХ»

Записанная в Исландии в середине XIII в. «Сага о Кнютлингах», посвященная датской истории на большом отрезке времени, достаточно неплохо ориентируется в географии Дании. В ней обнаруживаются 74 географических названия, относящихся к территории средневековой Дании. Среди объектов, ими обозначаемых, полуостров Ютландия и тринадцать островов, от самых крупных до очень маленьких, а также пять проливов, два фьорда, два залива, один перешеек и один мыс; шесть областей и территорий, как административных, так и географических; города, городки, деревушки, поселения и совсем маленькие местечки (всего – 32); три реки, одно болото, три пустоши и одно оборонительное сооружение. Кроме того, имеются четыре придуманных автором саги топонима. Картина достаточно статич-

на: названия, сохраненные в традиции, фиксируются сагой, когда в реальности их уже не существует (см., например: Джаксон 2018). И тем не менее, материал демонстрирует хорошее знакомство средневековых исландцев с территорией Дании (см. подробнее: Джаксон 2017). В докладе речь пойдет о двух столицах Дании – древней и современной.

Именем *Róiskelda* называет сага Роскилле (датск. *Roskilde*), древнюю столицу Дании, резиденцию датских королей на Зеландии с начала XI до начала XIV в. В этом качестве знает город и Адам Бременский (IV.5): «Во внутреннем заливе Балтийского моря расположен остров Зеландия, размером огромный. ... Самый большой его город – Роскилле (*Roscald*), местопребывание датского короля» (перевод В.В. Рыбакова).

Сага говорит о том, что во времена правления Никуласа Свейнссона (Нильса, сына Свена Эстридсена, 1104–1134) Харальд Кесья, сын Эйрика Доброго, «подолгу жил при дворе конунга Никуласа, а временами находился в Ройскелде на Сьоланде, и был у него там большой отряд людей, и он сильно укрепил это место» (Knútl 83); он «имел владения на Сьоланде и подолгу находился в Ройскелде, чтобы охранять землю от войска Эйрика [Эймуни], своего брата» (Knútl 94). Далее сага рассказывает, как брат Харальда Эйрик Эймуни отомстил ему за дружбу с Нильсом, причастным к убийству их брата Кнута Лаварда, а именно захватил замок в Роскилле, уничтожил его, а затем сжег и весь город (Knútl 95). Город фигурирует в описании так называемого «кровавого пира в Роскилле»: согласно саге, вслед за заключением мира и разделом земель между тремя троюродными братьями – Свейном, сыном Эйрика Эймуни (Свенем Грате), Кнутом, сыном Магнуса Никулассона, и Вальдемаром, сыном Кнута Лаварда, – Кнут Магнуссон пригласил Свейна к себе в Роскилле, и тот приглашение принял, но во время пира вооруженные люди, пришедшие со Свейном, убили Кнута; скрыться удалось лишь раненому Вальдемару и присутствовавшему на пиру епископу Абсалону (Knútl 114). Роскилле также упоминается как резиденция Кнута Вальдемарссона (Knútl 130).

В то же время автор саги знает о месте Роскилле в церковной организации Дании: он говорит о том, что «на Сьоланде

находится седьмая епископская кафедра в Данмарке, в Рой-скелде» (Knútl 32); называет в войске короля Нильса во время битвы в заливе Фодевиг (1134 г.) «Петра, епископа из Рой-скелды» (Knútl 95), о чьей гибели в этом сражении говорят и «Роскильская хроника», и Саксон Грамматик (XIII.11.11); сообщает, что после смерти епископа Роскилле Эцура епископом Роскилле был избран (это произошло в 1158 г.) Абсалон (Knútl 119), который впоследствии стал архиепископом Лундским (1177–1201).

Обращает на себя внимание одна географическая ошибка, совершенная автором «Саги о Кнютлингах». Она связана с местом захоронения короля Свена Эстридсена (1018–1076). Как сообщает «Роскильская хроника», тело «славного короля Дании Свена Магнуса» «было с почестями погребено в Роскилле, как он сам повелел, будучи жив» (Роскильская хроника. С. 331). Саксон Грамматик (XI.9.1) рассказывает, как Свен просил людей, что были вокруг него, чтобы его похоронили в Роскилле, и даже, не будучи уверен в их обещании, заставил их принести клятву (Сахо 1931. Р. 315). «Ведь почитание, которое издревле оказывали этому месту короли, – пишет Саксон, – было таково, что оно предоставляло живым престол, а почившим – погребение» (перевод А.В. Подосинова). Останки короля и сегодня находятся в кафедральном соборе в Роскилле, куда они были перенесены ок. 1225 г. из могилы в старой церкви. Автор «Саги о Кнютлингах» называет (как и Эльнот, и Саксон Грамматик) местом смерти конунга деревушку Судда-торп (*Suddaþorp*) на Ютландии. Но далее он пишет следующее: «Тело его было перевезено в Хрингстадир, и был он там похоронен. Кальв Манасон так говорит в своей песни, которую он сочинил о Кнуте Святом, сыне конунга Свейна, что тело конунга Свейна было перевезено за тринадцать дней с юга, с Йотланда, на север, в Хрингстадир, с большими почестями и в сопровождении многих достойных людей» (Knútl 25). О скальде Кальве Манасоне известно из «Перечня скальдов» (конец XII – начало XIII в.), где он назван скальдом конунга Кнута Святого, и из «Книги о занятии земли» (конец XIII в.), где он упомянут как «скальд Кальв», правнук первопоселенца Хольмгёngu-Мани, однако ничего из его сочинений не сохра-

нилось. Автор саги ссылается на него, говоря, что тело конунга было перенесено с Ютландии в Хрингстадир (*Hringstaðir* – Рингстед) на Зеландии. Этот город расположен в самом центре о. Зеландия и лежит на основной транспортной магистрали (как современной, так и средневековой), ведущей с Ютландии через Фюн и далее по Зеландии в направлении Роскилле, где в действительности был похоронен Свен Эстридсен. Так что скальд вполне мог описать путь от Судаторпа именно до Рингстеда, но автор саги совершенно напрасно добавил, что конунг был там похоронен. Однако надо заметить, что королевские захоронения в Рингстеде совершались. По свидетельству саги (и здесь автор не ошибается), еще два датских короля были похоронены в Рингстеде – Кнут Лавард и его сын Вальдемар. Вероятно, знакомство с более близкой ему по времени историей и местами захоронения знаменитых св. Кнута Лаварда, убитого в 1131 г. и канонизированного в 1169 г., его сына, датского короля Вальдемара I Великого (1157–1182), и его рода навели автора «Саги о Кнютлингах» на мысль, что и Свен Эстридсен мог быть похоронен в Рингстеде.

Лишь раз в саге упоминается незначительное поселение *Hqfn* («гавань») на месте нынешней (с 1343 г.) столицы Дании – Копенгагена (*København* – «торговая гавань»). Рассказывая о многочисленных столкновениях норвежского и датского конунга Магнуса Доброго (1035–1047) с его датским ярлом Свейном Ульвссоном (будущим датским королем Свеном Эстридсеном), «Сага о Кнютлингах» со ссылкой на «Сагу о Магнусе» сообщает, что Свейн, потеряв семь кораблей в битве у побережья Ютландии, бежал на Зеландию, «а конунг Магнус тотчас поплыл за ним и настиг его там, где зовется в Хёвне» («*far sem heitir í Hqfn*») (Кнýtл 22). Таким образом, согласно саге, во время правления Магнуса Доброго на месте Копенгагена находилась небольшая деревушка *Хёвн/Хавн* (основанная в X в.). Получивший ее в свое владение епископ Абсалон построил в 1167 г. на острове Слотсхольмен (в центре современного Копенгагена) замок и превратил поселение в укрепленный город. В письме от 1186 г. папа Урбан III все еще именует город *Хавн*. А самой ранней датой существования имени «Копенгаген» считается упоминание Саксоном Грамматиком в

начале XIII в. «поселения, которое зовется Купеческой гаванью» («vicus, qui Mercatorum portus nominatur»), рассматриваемое как латинский перевод древнедатского *Kiøpmanhafn*, *Køpmannæhafn* (Christiansen 1981. Vol. 3. P. 826, note 437). Тем не менее на печати города 1296 года читаем еще его исходное название: «Sigillum Civitatis Hafniensis».

Источники и литература

- Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.
- Джаксон Т.Н. География Дании в «Саге о Кнютлингах» // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. М., 2017. С. 329–428.
- Джаксон Т.Н. Хедебю / Шлезвиг в «Саге о Кнютлингах» // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 65–72.
- Роскильська хроніка / Пер. с латинського, предисл. и примеч. В.В. Рыбакова // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 320–339.
- Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / B. Schmeidler // MGH SS RG. Hannover; Leipzig, 1917.
- Ailnoth. Gesta Swenomagni regis et filiorvm eivs et Passio gloriosissimi Canvti regis et martyris // Vitae sanctorum Danorum / M.Cl. Gertz. København, 1908. B. 1. P. 77–147.
- Chronicon Roskildense // Scriptores minores historiae Danicae medii ævi / M.Cl. Gertz. Kobenhavn, 1970. Vol. 1. P. 1–33.
- Knyttlinga saga // Sögur Danakonunga / C. af Petersen og E. Olson. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur; B. 46). København, 1919–1925.
- Saxo Grammaticus. Danorum Regum Heroumque Historia. Books X–XVI. The text of the first edition with translation and commentary in three volumes / Ed. by E. Christiansen. Oxford, 1980–1981.
- Saxonis Gesta Danorum / Ed. by J. Olrik, H. Ræder. Hauniæ, 1931.

POLSKIE GRODY NA KARTACH KRONIKI HALICKO-WOŁYŃSKIEJ: W SPRAWIE STRATEGII NARRACYJNYCH I HORYZONTÓW WIEDZY AUTORÓW RUSKIEGO ŹRÓDŁA

Dosłownie w ostatnim czasie ukazała się książka A. Jusupowicia o strategiach narracyjnych autorów *Kroniki halicko-wołyńskiej* (Jusupović 2019). Ta cenna rozprawa pokazała, że temat jest wciąż niewyczerpany i potrzebne jest badanie różnych aspektów konstruowania tekstu przez autorów poszczególnych części źródła, powodów, dla których pewne wiadomości były przedstawiane w konkretny sposób, wreszcie – horyzontów wiedzy środowiska, w którym ten zabytek piśmiennictwa powstawał. Oczywiście, już wcześniej powstawały artykuły poruszające wybrane zagadnienia dotyczące struktur narracyjnych obecnych w analizowanym źródle. Nie ma tu jednak potrzeby, aby do nich się odnosić.

Przedmiotem moich zainteresowań jest wiedza na temat grodów¹ polskich oraz sposób i okoliczności, w jaki była ona rejestrowana. Stanowi ona oczywiście ledwie wycinek wiadomości o sprawach związanych z Polską, jednak jest to zagadnienie na tyle szerokie, że niemożliwe do omówienia w krótkim tekście.

Zacznijmy od statystyki. W *Kronice halicko-wołyńskiej* odnotowano nazwy 20 grodów leżących na ziemiach polskich. Wymieńmy je w porządku chronologicznym pojawiania się na kartach źródła: Kalisz (Chronica. S. 132, 134–141; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 754–758²), Milicz (Chronica. S. 133; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755), Starogród (Chronica. S. 133; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755), Środa Śląska (Chronica. S. 226; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784), Sandomierz (Chronica. S. 236, 421–426, 501, 533–534, 536, 622–623; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787, 852–854, 881, 893–894, 933), Wyszogród (Chronica. S. 237; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 788), Lublin (Chronica. S. 260–262, 420, 457, 494, 523, 573, 576–578; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795–796, 852, 865, 878, 890, 908–910), Zawichost (Chronica. S. 260, 420, 533; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 796, 852, 893), Wizna (Chronica. S. 310, 409; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813, 848), Kraków (Chronica. S. 336, 347, 499–500, 502, 534, 536, 543, 575, 577, 622–625, 636, 639; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821,

826, 880, 882, 894, 909–910, 934–935), Koźle (Chronica. S. 336; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821), Jazdów = Ujazdów³ (Chronica. S. 428, 505; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 855, 883), Wiślica (Chronica. S. 455; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 864), Torzeń (Chronica. S. 455, 534; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 864, 894), Skaryszew (Chronica. S. 455; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 864), Pułtusk (Chronica. S. 495; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 879), Koprzywnica (Chronica. S. 502, przyp. t-t; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 882), Sochaczew (Chronica. S. 511, 516, 528; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 885, 887, 891), Gostynin (Chronica. S. 512–513; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 885–886)⁴. Dodajmy do tej liczby jeszcze dwa umocnione klasztory: na Łyścu i w Tyńcu (Chronica. S. 427, 636; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 854–855, 935).

Z wymienionych, 8 leżało w Małopolsce (Sandomierz, Lublin, Zawichost, Kraków, Wiślica, Koprzywnica, Torzeń i Skaryszew), zaś 6 na Mazowszu (Wyszogród, Wizna, Jazdów, Pułtusk, Sochaczew i Gostynin), a więc w księstwach graniczących z państwem Romanowiczów. Natomiast z pozostałych 5 to grody śląskie (Starogród, Milicz, Środa Śląska, Koźle, Wrocław), a 1 wielkopolski (Kalisz).

Ważne, że część z wymienionych ośrodków, co widać z przedstawionego zestawienia, odnotowana została nie jednorazowo, lecz w kilku epizodach. Chodzi o szczególnie często wzmiankowany Kraków (w 7), a także Lublin (w 6), Sandomierz (w 5), Zawichost (w 3), Torzeń (w 2), Sochaczew (w 2), Ujazdów (w 2) i Wiznę (w 2). Wszystkie grody śląskie i wielkopolskie oraz niewielka część mazowieckich i małopolskich wspominana zaś była w pojedynczych epizodach.

Dla porównania warto zaznaczyć, że w źródle wzmiankowanych jest 17 grodów, leżących poza Rusią i ziemiami polskimi, a mianowicie 6 na terenie Królestwa Węgier, 4 w Królestwie Czech, po 2 w Austrii, na Litwie i w państwie zakonu krzyżackiego, wreszcie Jerozolima w charakterze literackiego odniesienia. Poza tym odnotowany został jeden węgierski klasztor. Dodajmy, że za wyjątkiem Rygi, która pojawiła się w źródle w 2 epizodach, pozostałe grody należące do podanej kategorii wzmiankowane były w pojedynczych epizodach (np. wszystkie 4 grody czeskie, a także przy okazji Kraków i śląskie Koźle, w opowiadaniu o morawskiej wyprawie Daniela i jego sojuszników z 1253 r. [Dąbrowski 2012. S. 336–348]).

Od razu można zadać sobie pytanie, skąd takie proporcje i swoista nadreprezentacja w *Kronice halicko-wołyńskiej* grodów polskich, szczególnie małopolskich i mazowieckich? Odpowiedź wydaje się oczywista. Chodzi o naturalną zasadę większej częstotliwości relacji z sąsiadami w porównaniu do stosunków z państwami odleglejszymi. Jest to równocześnie potwierdzenie szczególnie bliskich kontaktów łączących państwo Romanowiczów z poszczególnymi księstwami piastowskimi, z wyraźnym uwypukleniem roli Małopolski i Mazowsza, a więc właśnie bezpośrednich sąsiadów Rusi halicko-wołyńskiej.

Zwraca uwagę jeszcze jedna ciekawa kwestia. Informacje o grodach polskich i innych “obcych” są w sposób specyficzny, nader nierównomiernie rozłożone w poszczególnych partiach źródła. W części powstałej w otoczeniu Daniela Romanowicza, a więc przed 1259 r., skupia się przytłaczająca większość wiadomości o “obcych” grodach (wzmiankowanych jest 15 na 17 łącznie), gdy tymczasem z 20 grodów polskich łącznie odnotowanych w źródle wspomnianych jest dziesięć. Tymczasem w kontynuacji *Kroniki*, której powstanie wiąże się z dworami Wasyłka Romanowicza, Włodzimierza Wasyłkowicza i – w najmniejszym stopniu – Mściława (II) Daniłowicza, wzmiankowane są w jednym epizodzie ledwo dwa miasta, Ryga i Odenpah (Miedwieża Gołowa), a także – metaforycznie – Jerozolima.

Odnoszę wrażenie, że ujawnia się przed nami parametr dobrze ukazujący zasięg działań politycznych poszczególnych Romanowiczów, a więc – inaczej mówiąc – ich horyzontów politycznych. Widać dobrze, jak zawęził się zakres i charakter relacji politycznych Wasyłka Romanowicza i Włodzimierza Wasyłkowicza⁵, w stosunku do czasów Daniela Romanowicza. Właściwie głównymi partnerami dla przedstawicieli młodszej gałęzi Romanowiczów stało się Mazowsze i ewentualnie Małopolska, zarazem nie prowadzili oni agresywnej polityki w stosunku do Litwy, gdy tymczasem pierwszy król Rusi nie tylko aktywnie działał wobec pogańskich sąsiadów i księstw polskich, to jeszcze był najpierw uciążliwym przeciwnikiem, a następnie ważnym sojusznikiem króla Węgier Beli IV, co zaowocowało między innymi zaanagażowaniem się w rywalizację o następstwo tronu po Babenbergach (informacje o

grodach austriackich) i ściśle związane z nią wojny węgiersko – czeskie (wzmianki o grodach czeskich).

Oczywiście, wpływ na pojawianie się grodów na kartach *Kroniki* mają również cechy specyficzne jej narracji, ściśle zresztą powiązane z charakterem polityki prowadzonej przez poszczególnych Romanowiczów. Zwróćmy uwagę, że wiadomości o grodach polskich (i innych pozaruskich) pojawiają się w konkretnych epizodach. Z reguły – choć jednak nie zawsze – odnotowywane są one w opowiadaniach o działaniach zbrojnych, w których uczestniczyli Romanowicze. Tak więc przykładowo wielkopolski Kalisz oraz śląskie Milicz i Starogród były wzmiankowane w opisie wyprawy Daniela i Wasyłka wspomagających Konrada I Mazowieckiego w walkach z Władysławem Laskonogim (Dąbrowski 2012. S. 150–155), Lublin, Zawichost i Sandomierz w opowiadaniu o walkach Romanowiczów, wspierających znów Konrada I, tym razem przeciw Bolesławowi Wstydliwemu (Ibid. S. 245–247), Jazdów, Sochaczew i Gostynin w obszernej relacji o pomocy udzielonej przez Włodzimierza Wasyłkowicza Konradowi II Siemowitowi zaatakowanemu przez swego brata, Bolesława II (Włodarski 1966. S. 198–202), natomiast Kraków, Tyniec i Wrocław w opowiadaniu o uczestnictwie Lwa Daniłowicza w walkach o tron krakowski pomiędzy grupą Piastów w 1289 r. (Dąbrowski 2002. S. 27–36).

Oczywiście notujemy ciekawe wyjątki od zasady wspominania “obcych” grodów w relacjach z wypraw wojennych. Tak więc mazowiecki Wyszogród został odnotowany z racji otrzymania go od Bolesława I mazowieckiego przez zbiegłych przed najazdem Batu chana Romanowiczów jako czasową rezydencję.

Disponujemy jeszcze ciekawszymi przykładami, pokazującymi znakomicie, z jednej strony, wielowymiarowość związków politycznych pomiędzy książętami halicko-wołyńskimi a ich różnymi partnerami, z drugiej zaś, specyfikę narracji źródła, w tym wypadku, kwestię tego, co jego autorzy uznawali za wiadomości godne zarejestrowania. Tak więc Środa Śląska wystąpiła w opowiadaniu o zamordowaniu przez niemieckich mieszkańców tego śląskiego ośrodka wnuczki Michała Wsiewołodowicza. Jazdów pierwszy raz był wzmiankowany w relacji o zabójstwie przez Litwinów Mendoga księcia mazowieckiego Siemowita I. Tymcza-

sem jedna z wiadomości na temat Krakowa powstała jako rodzaj całkiem rozbudowanego nekrologu Bolesława Wstydlwego (Chronica. S. 498–499; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 880). Nader ciekawe są powody, dla których wprowadzono do *Kroniki* wspomniane wiadomości. Problem ten z pewnością wymaga rozwinięcia, które nie zmieści się w tym tekście.

Należy jeszcze nadmienić, że niektóre ze wspomnianych wzmianek o polskich grodach mają po prostu olbrzymią wartość informacyjną, nierzadko będąc jedynymi w ogóle wiadomościami na dany temat. Poświadczą to zresztą fakt powstawania i wnoszenia zapisów do źródła w nieodległym czasie od wydarzeń, co więcej na podstawie autopsji lub z relacji bardzo dobrze zorientowanych świadków, nie zaś – jak ostatnio próbują dowieść niektórzy badacze – jego powstanie dopiero w końcu XIII w. czy nawet w okresie późniejszym.

Podajmy dwa szczególnie ciekawe przykłady takich wyjątkowych co do znaczenia elementów opisu grodu. Otóż w relacji o oblężeniu Kalisza w 1229 r. kronikarz ruski wspomina o znajdującym się przed bramą tego grodu zwodzonym moście (Chronica. S. 135; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 755). Jest to pierwsza wzmianka o urządzeniu tego typu na ziemiach polskich i – zdaje się – jedna z wcześniejszych w ogóle w Europie. Nie jest przy tym wykorzystywana w fachowej literaturze (zob. np.: Szulta 2008). Z kolei w passusie dotyczącym oblężenia Krakowa przez wojska Piastów mazowieckich i kujawskich oraz sprzymierzonego z nimi Lwa Daniłowicza pojawia się pierwsza informacja o murowanych umocnieniach Wawelu (Chronica. S. 625; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 935). Również nie była ona zauważana przez polską literaturę tematu (zob. np.: Pianowski 1991. S. 54). Sytuację tę zmieniło dopiero niedawne ukazanie się polskiego tłumaczenia *Kroniki halicko-wołyńskiej* (zob.: Niemiec 2017. S. 95–97; na podstawie: Kronika. S. 263).

Oczywiście, możnaby wymienić znacznie więcej przykładów takich jedynych w swoim rodzaju informacji o grodach polskich zachowanych w analizowanym źródle. Nie ma na to niestety miejsca.

Jak widać, *Kronika halicko-wołyńska* okazuje się po raz kolejny niezwykle ważnym tekstem dla badań nie tylko nad dziejami Rusi w XIII w., ale również krajów ościennych. Podjęty temat pozwala zaś w jakiejś mierze rozszerzyć naszą wiedzę na temat wykorzys-

wanych przez autorów analizowanego zabytku technik narracyjnych, a także na temat horyzontów ich wiedzy i zainteresowań.

Przypisy

- ¹ Używam określenia: “gród” cokolwiek umownie, nie wchodząc w dyskusję nad z wahaniami terminologicznymi odzwierciedlającymi status prawny danego ośrodka oraz jego strukturę. Grodem będzie więc dla mnie zarówno “gród” w znaczeniu “całość ośrodka przedlokacyjnego”, jak również “miasto” (czyli osada założona na prawie miejskim). Dla celów pracy przyjmuję definicję terminu “gród” zaprezentowaną przez W.A. Kuczkiną i W.Ja. Petruchina (Кучкин, Петрухин 2014. С. 194).
- ² Jak widać, będziemy odnosić się do ostatniego wydania *Kroniki halicko-wołyńskiej*, korelując podane tam strony z najpopularniejszą edycją A.A. Szachmatowa z 1908 r.
- ³ Gród ten znajdował się na obszarze współczesnej Warszawy.
- ⁴ Nie uwzględniam w tym spisie Drohiczyzna, który okresowo znajdował się pod władzą książąt mazowieckich. Konrad osadził tam byłych braci dobrzyńskich, wówczas już wcielonych do zakonu templariuszy. Jednak Romanowicze zdobyli ten gród i wszedł on na stałe do obszaru ich państwa.
- ⁵ Niewielkie rozmiary fragmentu *Kroniki Romanowiczów*, którego powstanie przypisuje się otoczeniu Mściśława (II) Daniłowicza nie pozwalają na wyciągnięcie analogicznych wniosków.

Źródła i literatura

- Кучкин В.А., Петрухин В.Я. Город // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 194–196.
- Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana). Wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł // MPH NS. Kraków; Warszawa, 2017. T. 16.
- Dąbrowski D. Kilka uwag w sprawie kontekstu międzynarodowego walk o tron krakowski w latach 1288–1290 r. (do momentu śmierci Henryka IV Prawego) // Szczególne problemy człowieka i edukacji u progu XXI wieku. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Bogdanowi Snochowi / Pod red. S. Podobińskiego, U. Ordon, E. Skoczylas-Krotli i A. Siedlaczek. Częstochowa, 2002. S. 27–36.
- Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. (Monografie Pracowni Badań nad Dziejami Rusi UKW w Bydgoszczy; T. 1).
- Jusupović A. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej. Kraków; Warszawa, 2019.

- Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). Tłumaczenie, wstęp i komentarze D. Dąbrowski i A. Jusupović. Kraków–Warszawa, 2017.
- Niemiec D. Trzynastowieczne fortyfikacje Krakowa // Studia nad dawną Polską. Gniezno, 2017. T. 5. S. 87–124.
- Pianowski Z. Wawel obronny. Zarys przemian fortyfikacji grodu i zamku krakowskiego w IX–XIX w. Kraków, 1991.
- Szulta W. Przeprawy mostowe na ziemiach polskich w średniowieczu. Toruń, 2008.
- Włodarski B. Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966.

И.Е. Ермолова

ГОРОДА В ПОНТИЙСКОМ ЭКСКУРСЕ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Экскурсы в античной традиции являются неслучайной и важной частью исторического сочинения (Vergin 2013. S. 17) со времен Геродота (Thompson 1947. P. 117; Camus 1967. P. 92; Naudé 1956. P. 134–135). Отступления в «Деяниях» весьма разнообразны по тематике: исторические, этнографические, географические, естественнонаучные, философско-религиозные – и отражают широкий спектр интересов такой незаурядной личности, как Аммиан Марцеллин. Автор в нескольких местах своего труда говорит о наличии подобных экскурсов и в недошедших до нас первых тринадцати книгах (Amm. Marc. XIV. 4.2; 7.12; XXII. 8.35; 9.6; 15.25; XXIII. 6.50; XXVII. 8.4; XXIX. 5.16).

По мнению историка, для создания полной картины происходящего следует собрать все сведения, относящиеся к данному региону или народу. Он так излагает свою точку зрения на необходимость экскурсов:

...я считаю уместным рассказать о географическом положении галльских областей, чтобы при описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных событий, объясняя что-либо некоторым неизвестное, не оказаться похожим на нерадивых матросов, которым приходится чинить поврежденные паруса и канаты при буре и волнении, хотя можно было все это свободно сделать раньше (Amm. Marc. XV. 9.1).

В историко-этнографических экскурсах материал излагается примерно по одной схеме: дается географическая характеристика римской провинции или какой-то страны; упоминается об ее богатствах; перечисляются реки; затем – города, в ряде случаев – сведения об их основаниях и древние названия; история покорения описываемых земель римлянами, т.е. информация о городах является обязательным элементом отступлений.

В экскурсе о Понте Эвксинском, помимо Пантикапея, «как бы матери» всех милетских апойкий («*Milesiae sunt civitates, harumque velut mater omnium Panticapaeum*». – Amm. Marc. XXII. 8.26) в районе Боспора Киммерийского, основанного в первой половине VI в. до н.э. (Блаватский 1952. С. 48; Гайдукевич 1955. С. 95), Аммиан Марцеллин называет еще шесть городов, расположенных на побережье и Таврическом полуострове. Сразу обнаруживается, видимо, довольно приблизительное знание историком этого региона, поскольку он считает, что Пантикапей «омывает река Гипанид» (Amm. Marc. XXII. 8.26).

Общее замечание «на левой стороне Меотиды есть полуостров, заполненный греческими колониями. Поэтому население живет там спокойно и миролюбиво, полагает свои заботы в земледелии и питается плодами земли» (Amm. Marc. XXII. 8. 32) он дополняет более конкретными сведениями: «в Таврике есть несколько городов; более значительные среди них – Евпатория, Дандака и Феодосия (*Eupatoria et Dandace, et Theodosia*); есть и другие, поменьше, не оскверненные человеческими жертвоприношениями» (Amm. Marc. XXII. 8.36). Все они упомянуты Клавдием Птолемеем (Ptol. III. 6.2).

В Евпатории, вероятно, следует видеть город Керкинитида, основанную в Северо-Западном Крыму на рубеже VI–V вв. до н.э. (Дашевская 1970. С. 121–128; Драчук, Кутайсов 1985. С. 86). Феодосия, основание которой относится не раньше, чем к середине VI в. до н.э. (Блаватский 1981. С. 21), легко отождествляется с современным городом. Для локализации Дандаки Аммиан не дает никаких ориентиров. Основываясь на данных Птолемея и используя этимологию этого топонима, предложенную В.И. Абаевым, А.Н. Щеглов отождествляет Дандаку с большим городищем на западном побережье Таврики между Херсонесом

и Керкинитидой в устье современной р. Альмы (Щеглов 1972. С. 131). Комплекс археологических материалов этого городища относится к первым векам н.э., что объясняет появление данного топонима впервые в «Географии» Клавдия Птолемея. А.Н. Щеглов считает Дандаку римским укрепленным лагерем, расположенным на месте более раннего местного поселения, и связывает его появление с превращением Херсонеса в первых веках н.э. в центр римской экспансии в Северном Причерноморье (Там же. С. 132). В IV в. Дандака продолжала существовать как крупный населенный пункт (Щеглов 1968. С. 342).

Замечание по поводу отсутствия человеческих жертвоприношений в городах Таврики, по-видимому, вызвано тем, что Аммиан Марцеллин двумя параграфами выше описывает тавров, которые их приносят (Amm. Marc. XXII. 8. 34).

Недоразумением вызвано помещение на побережье Понта, в устье р. Тирас города Тира, колонии финикийцев (Amm. Marc. XXII. 8. 41: «*civitas Tyros colonia Phoenicum, quam praestringit fluvius Tyras*»). Аммиан Марцеллин, вероятно, был введен в заблуждение фонетическим сходством топонимов *Tyros* и *Tyras*. На р. Тирас находилась греческая апойкия, основанная милетцами в VI в. до н.э. и просуществовавшая до времени Аммиана (Скржинская 1977. С. 56). Правда, И.В. Куклина полагает, что путаница, допущенная Аммианом Марцеллином, не совсем случайна и в какой-то мере свидетельствует в пользу малоазийской этимологии названия причерноморской реки и города (Куклина 1981. С. 171).

Помимо городов, находящихся на побережье, в экскурсии о Понте упоминаются и расположенные на Борисфене города Борисфен и Кефалонес (Amm. Marc. XXII. 8.40: «*Borysthenes est civitas et Cephalonesus*»). Легко объясняется неточность Аммиана Марцеллина и других позднеантичных авторов в определении местонахождения Борисфена=Ольвии: сказалась одноименность реки и греческой апойкии, также заложенной выходцами из Милета на рубеже VII–VI вв. до н.э. на правом берегу Бугского лимана у современного с. Парутино (Латышев 1887. С. 29; Жебелев 1929. С. 428; Виноградов 1971. С. 238). По мнению Ю.Г. Виноградова, Борисфеном Ольвию называли только иноземные греки по имени более раннего и хорошо им известного

поселения на Березани (Виноградов 1976. С. 81). У поздних авторов, во всяком случае, действительно преобладает название «Борисфен».

Кефалонес, названный Аммианом Марцеллином городом, фигурирует у Плиния Старшего и Клавдия Птолемея как остров в Каркинитском заливе (Plin. Nat. Hist. IV. 12.93; Ptol. III. 5.7; 26; 28). Включение его в число поселений является, вероятно, ошибкой Аммиана или его источника.

Скудость и иногда ошибочность сведений Аммиана Марцеллина о греческих полисах Северного Причерноморья, по-видимому, можно объяснить отдаленностью этого региона и прекращением практически всех контактов с ним Римской империи, находившейся в IV в. в очень непростом политическом положении.

Источники

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Hrsg. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. Vol. 1–2 (пер. по изд.: Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996).

Plinius. The Natural History / With an English transl. by H. Rackham. In 10 vol. L., 1969–1989.

Ptolemaeus Cl. Geographia / Ed. C. Nobbe. Lipsiae, 1843. Vol. 1–3.

Литература

Блаватский В.Д. Исследования города Пантикапея // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 43–54.

Блаватский В.Д. Феодосия VI–IV вв. до н.э. и ее название // СА. 1981. № 4. С. 21–29.

Виноградов Ю.Г. Из истории архаической Ольвии // СА. 1971. № 2. С. 232–238.

Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. Сб. памяти Б.В. Фармаковского. М., 1976. С. 75–84.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. С. 23–147.

Дашевская О.Д. О происхождении названия города Керкинитиды // ВДИ. 1970. № 2. С. 121–128.

Драчук В.С., Кутайсов В.А. Исследование Керкинитиды // ВДИ. 1985. № 1. С. 82–87.

- Жебелев С.А.* Милет и Ольвия // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII: Отд. гум. наук. Л., 1929. № 6. С. 427–435.
- Куклина И.В.* Ранние известия о скифах и киммерийцах // ВДИ. 1981. № 2. С. 162–173.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Скржинская М.В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Щеглов А.Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 332–342.
- Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1972. № 2. С. 106–134.
- Camus P.-M.* Ammien Marcellin temoin des courants culturels et religieux à la fin du IV siècle. P., 1967.
- Naudé C.P.T.* Ammianus Marcellinus in die lig van die antieke geskiedskrywing. Leiden, 1956.
- Thompson E.A.* The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947.
- Vergin W.* Das Imperium Romanum und seine Gegenwelten. Die Geographisch-Ethnographischen Exkurse in den “Res Gestae” des Ammianus Marcellinus. Göttingen, 2013.

Р.В. Заранин

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЙ VIII – СЕРЕДИНЫ IV в. до н.э. (ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ)

Принято считать, что греческая цивилизация пережила два основных этапа расширения своих географических рамок. Первый пришелся на архаическую эпоху и получил название Великой греческой колонизации. Второй, более краткий, был связан с походами Александра Македонского и деятельностью диадохов. В обоих случаях освоение новых территорий происходило путем строительства или повторного основания городов, служивших пунктами взаимодействия между греческим и местным населением.

Статус эллинистических городов хорошо изучен (например: Fraser 1972; Кошеленко 1979): формально они почти во всех

случаях представляли собой полисы, связанные с царем определенными взаимными обязательствами. Правители получали статус «простатов», фактически покровителей полиса, и при желании вмешивались в жизнь городов, позволяя им, тем не менее, сохранить элементы полисного управления.

Великая греческая колонизация, по крайней мере в отечественной исторической науке, изучена гораздо хуже (за исключением городов Северного Причерноморья). В источниках процесс основания городов описывается максимально скупо. Предметом дискуссий остается ряд важнейших вопросов, в частности процесс выбора ойкиста и отношения между колонией и метрополией (то, что они не были безоблачными, показывает описанный Фукидидом конфликт между Коринфом и Керкирой). Одним из таких вопросов является вопрос о выборе названия колоний.

Описывая города Великой Греции, античный географ Страбон упоминает крепость Пандосию, у стен которой погиб эпирский царь Александр I Молосский (Strabo VI.1.5). По словам Страбона, правителя обманул Додонский оракул, предписав ему остерегаться Ахерона и Пандосии, однако правитель Эпира полагал, что речь идет о городе Пандосия в эпирской области Феспротия. Этот город, действительно располагавшийся на реке Ахерон, был передан Александру Молосскому Филиппом Македонским, как следует из текста речи Демосфена «О Галоннесе» (Dem. 7.32). Лишь после его гибели выяснилось, что город в Калабрии носит то же самое название, а протекающая рядом с ним река также называется Ахерон.

Скорее всего, как это обычно бывает, рассказы о предостережении оракула появились лишь после смерти Александра Молосского. Но интересен тот факт, что в материковой Греции и Великой Греции находились города с одинаковым названием. Более того, совсем недалеко от калабрийской Пандосии (так называемой Пандосии в Бруттии) расположен еще один такой же город – Пандосия в Лукании. Плиний, упоминая ее в своей «Натуральной истории», ошибочно указывал, что именно там погиб эпирский царь (Plin. Nat. Hist. III. 98). Учитывая, что обе италийские Пандосии были основаны в ходе Великой греческой колонизации, остается предположить, что их первоначальными жителями были граждане эпирского города. Эта колонизация

должна быть достаточно поздней, поскольку сама Пандосия в Эпире была основана в VII в. до н.э. выходцами из колонии Бухетий и, таким образом, являлась колонией «второго порядка». О простом совпадении не может быть и речи: один лишь факт существования в районе Гераклеи Понтийской филы Тебаиды считается достаточным доказательством версии словаря Суды о том, что в заселении этой области участвовали выходцы из Беотии (Дзагурова 2007. С. 43).

Эта топонимическая путаница заслуживает внимания хотя бы потому, что одноименные города вовсе не были нормой для греческого мира. Эллинистические цари, разумеется, известны своей практикой именования основанных или переоснованных ими городов в свою честь или в честь членов царского дома (многочисленные Александрии, Птолемаиды, Селевкии, Апамеи и др.), но до середины IV в. до н.э. такие случаи носили единичный характер. Похожая, но не аналогичная ситуация сложилась в Локриде – области в Центральной Греции, жители которой в 680 г. до н.э. вывели в Южную Италию колонию под названием Локры Эпизефирские.

Многие народы в процессе создания поселений за пределами районов своего первоначального проживания переносят в новую местность привычные им географические названия. В русской истории классическим примером является Переяславль: в трех городах, носящих это название, есть река Трубеж. Заселение Нового Света английскими, французскими, испанскими колонизаторами сопровождалось переносом туда европейских географических названий в форме основания новых городов или переоснования туземных поселений.

Греческая практика наименования городов была совершенно иной. Иногда происхождение названия было туманным для самих греков: так, Страбон (Strabo VI.1.6) приводит две версии этимологии названия города Регий на побережье Мессинского пролива – греческую и латинскую. Полный анализ данных ономастики по этой причине провести пока невозможно, однако в общем корпусе названий греческих колоний явно выделяются две большие группы.

1. Названия, связанные с ранее существовавшими топонимами, – Сиракузы (по версии Стефана Византийского, от названия

близлежащего болота *Syrako*), Сибарис и Кротон (по названиям рек Сибарис и Кратис), Истрия, возможно, также Пантикапей.

2. Названия, связанные с именами богов (героев) – легендарных основателей или покровителей города, – Тарент (первоначально Тарас – по имени сына Посейдона и местной нимфы [Paus. X.10.8]), Партенопейя (по имени сирены), Византий (основанный Бизантом, сыном Посейдона, который упоминается в связи с походом аргонавтов [Diod. IV.49.1]).

Большое количество городов, названия которых происходят от местных топонимов, заставляет предполагать активные контакты греков-переселенцев с местными племенами. Многие греческие колонии на Сицилии основывались на месте прежних поселений сикулов (Пальцева 1999. С. 100–103). Горгиппия, скорее всего, возникла на месте города Синдика – центра племени синдов. Уже упоминавшаяся нами Пандосия, по Страбону, ранее была резиденцией энотрийских царей (Strabo. VI. 1.5). Этот процесс явно предшествовал колонизации. Многочисленные археологические данные подтверждают, что экономическое освоение территории Южной Италии, побережья Ионического моря и даже Причерноморья предшествовало основанию постоянных колоний. Так, коринфская керамика и другие предметы материальной культуры появляются в западной части Греции задолго до начала собственно колонизации (Жестоканов 1996. С. 90). Питекуссы – первое греческое поселение в Италии – были основаны на месте греческого эмпория, существовавшего на протяжении нескольких веков, о чем свидетельствует наличие там греческой керамики позднемикенского времени.

Создание эмпориев можно считать предшественником греческой колонизации. Подобная практика известна еще у финикийцев, а греки прибегали к такой модели освоения новых земель и в эллинистическое время. В «Перипле Эритрейского моря» (Per. Mar. Erythr. 4) упоминается «законный рынок» (*emporion nomimon*) Адулис, через который осуществлялась торговля слоновой костью. Подобные рынки имели постоянный характер, а торговля на них находилась под защитой закона (Бухарин 2007. С. 72–73).

В основании колоний могли участвовать жители не одного, а разных полисов. Данные разных авторов зачастую не совпа-

дают при рассказе об основании городов, причем некоторые из них приводят имена ойкистов, а некоторые о них умалчивают. Для ряда колоний можно считать установленным, что в их создании одновременно принимали участие жители нескольких греческих полисов. Это верно как для городов Великой Греции (Шубин 2010), так и для колоний Причерноморья: Гераклея была основана в середине VI в. до н.э. жителями Мегар совместно с танагрцами и фиванцами (Дзагурова 2007. С. 43). Стоит обратить внимание на тот факт, что списки богов, которые почитались в греческих колониях, были почти идентичными, тогда как в материковой Греции различия между полисами были более существенными. Еще у Эсхила упоминается наличие главного божества полиса (Aesch. Sept. 69). Приводимые списки богов, культы которых почитались в городах Северного Причерноморья, показывают очень большую степень их совпадения (Бондаренко 2007. С. 187) – факт тем более важный, что в римскую эпоху пантеоны этих городов будут различаться гораздо сильнее.

Таким образом, данные топонимики могут служить дополнительным доказательством того факта, что большинство греческих колоний создавались и заселялись представителями разных греческих полисов. Приведенный нами пример существования трех Пандосий, на наш взгляд, может служить доказательством того факта, что эти города были населены исключительно выходцами из одной метрополии – Пандосии в Эпире.

Есть и другие «неслучайные» названия. В 520-е годы до н.э. самосцы, бежавшие от тирана Поликрата, основали в окрестностях Неаполя колонию под названием Дикеархия («город справедливости»). Правда, недавно было высказано предположение, что колония могла быть основана самим Поликратом (Шергина 2010), а это требует поиска нового объяснения смысла названия города. Дважды переосновывался город Сибарис: после разрушения в 510 г. до н.э. старого города его бывшие жители основали город Фурии, а когда там разразилась гражданская война, покинули город и основали новый – так называемый Сибарис на Трэисе. Но следует полагать, что подобная верность старым наименованиям скорее представляла собой исключение.

Литература

- Бондаренко М.Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007.
- Бухарин М.Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». СПб., 2007.
- Дзагурова В.П.* Гераклея Понтийская в период ее автономии (VI–I века до н.э.). М., 2007.
- Жестоканов С.М.* Колонизационная политика коринфских тиранов // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. 1996. Вып. 2. С. 90–93.
- Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
- Шергина Н.А.* Социальная политика самосского тирана Поликрата // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 4. С. 22–30.
- Шубин В.И.* Ранние эвбейские колонии в Италии // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 41–49.
- Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972.

А.А. Зедгенидзе

«ДРЕВНИЙ ХЕРСОНЕС» СТРАБОНА КАК ФРУРИОН ХЕРСОНЕССКОГО ПОЛИСА

Одной из главных проблем, стоящих перед исследователями античного Херсонеса, является реконструкция хода освоения греками территории, прилегающей к городу, т.е. изучение системы полиса в его целостности (город и хора). Среди античных памятников Гераклейского полуострова – округа Херсонеса – особое положение, обусловленное явным отличием этого памятника от других объектов хоры, занимает «древний Херсонес», упоминаемый в «Географии» Страбона (VII. 4.2). «Древний Херсонес» – это комплекс сооружений, в том числе фортификационных, на перешейке Маячного мыса, который является юго-западной оконечностью Гераклейского полуострова. Уже в самом начале наших исследований мы полагали, что «древний Херсонес» является неким стратегическим пунктом на хоре и имеет ключевое значение для понимания ее структуры и для реконструкции логики ее освоения. В ходе проведенных нами раскопок был сделан вывод об одновременном возведении вос-

точной и западной крепостных стен «древнего Херсонеса» в конце V – начале IV в. до н.э. и об утрате ими фортификационного значения в конце IV – начале III в. до н.э. (подробнее о материалах этих раскопок см.: Зедгенидзе 2016).

Следующей задачей стало выяснение назначения «древнего Херсонеса» в системе хоры и установление причин появления этих фортификаций именно в данном месте Гераклейского полуострова. Для решения этой задачи, прежде всего, необходим свод археологических материалов Укрепления, описание его крепостных стен (восточной, западной и поперечной) и внутренней планировки (акрополь, центральная часть, портовый район), а также доработка его плана (см. об этом: Зедгенидзе 2019). Далее, необходимо принимать в расчет два фактора: географические особенности той местности, где находилось Укрепление, и демографическую ситуацию на Гераклейском полуострове к началу освоения греками хоры. В данной статье мы кратко рассмотрим эти факторы и, исходя из всей совокупности полученной ранее информации (источниковедческие, археологические, картографические данные, учет возможных типологических параллелей), предложим определение «древнего Херсонеса».

Укрепление находится на достаточно узком перешейке, перегороженном колонистами непрерывными стенами с обеих сторон, и расположено на возвышенном месте, позволявшем обозревать как Маячный, так и Гераклейский полуострова. За западной стеной Укрепления простирался Маячный полуостров, размежеванный на наделы. Территория Укрепления была перегорожена внутренней поперечной стеной, в результате чего в самой высокой части перешейка был сформирован акрополь. Со стороны суши он был защищен стенами, со стороны моря – неприступным обрывом. В качестве ближайшей задачи Укрепления следует считать защиту наделов, находившихся на Маячном полуострове. Однако Укрепление имело и более общую стратегическую задачу в логике общей фортификации хоры: в первую очередь, укреплялись пограничные земли, т.е. Маячный мыс, а не срединная территория Гераклейского полуострова. Обосновавшись на западной оконечности Гераклейского полуострова, херсонеситы закрепили за собой эту границу и, следовательно, всю территорию полуострова, лежащую между Херсонесом и

Маячным. Теоретически, колонистам следовало бы отделить стеной весь Гераклеийский полуостров с востока, однако постройка между устьями нынешней Севастопольской и Балаклавской бухт непрерывной стены представляется совершенно нереалистичной. Тем не менее оборонительные сооружения имелись и с этой стороны Гераклеийского полуострова, они фиксировались Палласом (1999. С. 42). Что касается демографической ситуации на Гераклеийском полуострове в эпоху создания системы хоры, то его территория не была свободна от варваров, а именно тавров, которые, безусловно, представляли опасность в глазах колонистов. Археологическим эквивалентом таврского населения является кизил-кобинская культура (Зубарь 2004. С. 6–20; Кравченко 2010. С. 149–154), и Гераклеийский полуостров был заселен носителями этой культуры (Савеля 1997а. С. 88; 1997б. С. 89; подробнее см.: Кравченко 2010), однако во второй четверти или первой половине IV в. до н.э. жизнь в варварских поселениях северного побережья полуострова и в его западной части прекращается (Савеля 1997а. С. 89; Кравченко 2010. С. 55, 60). Это связывается с началом освоения Херсонесом территории полуострова. Отмечается также, что существование варварских поселений в Инкерманской, Бельбекской и Балаклавской долинах продолжалось, и это подтверждает предположение о том, что прекращение жизни в поселениях Гераклеийского полуострова явилось следствием колонизационной деятельности греков (Савеля 1996. С. 14).

Мы подошли к принципиальному вопросу об определении Укрепления на перешейке Маячного полуострова. Из всех типов древнегреческих фортификаций (см., например, их классификацию и характеристику: McCredie 1966; Maier 1959–1961) ближе всего к нашему памятнику находится *φρούριον*. А. Лоуренс указывает следующие черты *φρούριον*: это укрепление является постоянным, находится в определенном удалении от города, чаще всего имеет акрополь, возводится в местности с враждебным местным населением (Lawrence 1979. P. 137, 172–173). Как мы видим, Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам. На акрополе Укрепления, а именно в той части, которая была отделена поперечной стеной, мог располагаться гарнизон (*φρουρά*). Что касается типоло-

гических параллелей, то слово *φρούριον*, в частности, употреблено в надписи в честь стратега, найденной на мысу Сунион и датированной первой половиной III в. до н.э. (Maier 1959. S. 116). Сунион относился к числу афинских укреплений, находившихся на границах в ряде стратегических пунктов (McCredie 1966. P. 88–89). Подобно тому, как Сунион являлся стратегическим пунктом для Афин, поскольку контролировал морские пути в Эгейском море, Укрепление на Маячном полуострове, помимо его основных функций, способствовало контролю путей каботажного и прямого плавания в районе, характеризовавшемся оживленной навигацией (Иванов 2001).

Возведение Укрепления на перешейке Маячного полуострова шло параллельно с созданием города или ненамного позже его основания, что связано с его общим стратегическим назначением: закрепление северо-западной территории Гераклеяского полуострова за херсонесским полисом. В целом, Укрепление имело смысл только как элемент в общей системе хоры херсонесского полиса, а не как некая независимая единица. В последующую эпоху, когда и Гераклеяский, и Маячный полуострова оказались покрыты непрерывной сетью наделов с усадьбами (часто укрепленными!), первоначальное ключевое значение Укрепления как *φρούριον*’а не могло сохраняться. Необходимость в Укреплении на перешейке со временем отпала, и можно предположить, что его сооружения либо обветшали, либо были частично разобраны. Возможно, именно в этом разгадка того, что ко времени Страбона «древний Херсонес» был разрушен — *κατεσκαμμένη*.

Литература

- Зедгенидзе А.А. «Древний Херсонес» Страбона. Результаты исследований 1985–1990 гг. // ВДИ. 2016. № 3. С. 597–625.
- Зедгенидзе А.А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019 (в печати).
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.
- Иванов А.В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в Північному Причорномор’ї. Київ, 2001. С. 222–233.

- Кравченко Е.А.* До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза // БИ. 2010. № 23. С. 133–154.
- Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.
- Савеля О.Я.* Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониционного периода // Херсонесский сборник. 1996. № 7. С. 13–18.
- Савеля О.Я.* Новые материалы к истории Гераклейского полуострова и его окрестностей доколониционного и античного периодов // Проблемы греческой культуры. Междунар. научно-практич. конф. Симферополь, 1997. С. 87–89. (а)
- Савеля О.Я.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. 1997. № 8. С. 88–93. (б)
- Lawrence A.W.* Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
- Maier F.G.* Griechische Mauerbauinschriften, I–II. Heidelberg, 1959–1961.
- McCredie J.R.* Fortified Military Camps in Attica. Princeton, 1966.

А.В. Иваненко

КИММЕРИЙСКАЯ ТЬМА И TEMARUNDA ПЛИНИЯ

В предлагаемой статье нам бы хотелось тезисно осветить вероятные истоки гомеровского описания таинственной *киммерийской земли* как области *темной, мгlistой и безотрадной*. Полагаем, проблема кроется в метафоричности языка Поэта и очевидной неполноте географических представлений древних авторов. В «Одиссее» (XI, 12–19, пер. В.А. Жуковского) народ и область его проживания обозначены так:

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
 Там киммериян печальная область, покрытая вечно
 Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
 Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
 Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
 С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
 Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Далее из повествования мы узнаем, что Одиссей оказался в области, где расположен вход в царство мертвых (XI, 155–159):

– Сын мой, как ты добрался сюда, в этот сумрак подземный,
Будучи жив? Нелегко живому все это увидеть.

Гомеровскую Киммерию помещали в различных местах – как в районе Черного моря = Северного океана, куда плавал Одиссей (и где помещали ее античные авторы), так и в Средиземноморье (Подосинов 2012. С. 75–76 и далее). О.Н. Трубачев отмечал, что основой Боспорского царства была азиатская часть Меотиды, заселенная племенами синдо-меотов при весьма незначительном на этих землях скифском элементе (Трубачев 1999. С. 13). Мы же придерживаемся мнения, что владения киммерийцев, будучи шире, включали в себя и территорию Боспорского царства.

Сказанное подтверждается данными топонимии (греческого авторства): *Киммерийские стены*, *Киммерийские переправы*, *Киммерийский перешеек*, *Киммерийская гора*, *город Киммерик* (Латышев 1890. С. 15, 282, 124, 169, 237) и др.

Далее необходимо прояснить два взаимосвязанных вопроса: чем была обусловлена туманность и мрачность Киммерии у Гомера и почему именно в области киммерийян Поэт помещает Аид? Ответ на эти вопросы следует искать в представлениях греков о населенном мире и о мире потустороннем, часто тесно переплетавшихся, о чем и свидетельствует описание Киммерии у Гомера.

Говоря о представлениях древних греков о Черном море, следует согласиться с мыслью о том, что в раннюю эпоху и вплоть до VII в. до н.э. Понт воспринимался греками как часть Океана, фактически отождествляясь с ним. Именно в тот период в описаниях океанских странствий аргонавтов и Одиссея использовались черноморские реалии. И только тогда отождествление мифической океанской страны с реальной черноморской было возможно (Иванчик 2008. С. 111). Все сказанное здесь А.И. Иванчиком относительно Колхиды и Эи вполне справедливо и для Киммерии.

Полагаем, **причины мифологизации Киммерии** изначально крылись именно в скудости и размытости сведений как о ней самой, так и о Понте-Океане. При этом высказывалось мнение о том, что до освоения Черного моря греками, вход в него мог восприниматься ими как выход в потусторонний мир (Подосинов 2012. С. 82–83). Описание же Киммерии у Гомера, где ключевыми словами выступают *влажный туман, мгла облаков и ночь безотрадная*, согласуется с представлениями греков о мрачном царстве Аида.

Не отрицая возможности связи верхнего и нижнего миров, мы, однако, склонны полагать, что осмысление Киммерии как края темного и безотрадного первоначально имело не потусторонние, а вполне реальные истоки в догреческих «темных» названиях Понта. Представления же греков о Черном море = Океане как о выходе в загробный мир, которые могли возникнуть в греческой среде в том числе и под влиянием догреческих «темных» названий Черного моря, составили весьма удачное дополнение к образу *укрытой завесой ночи* Киммерии. Поскольку же во времена Гомера *область киммериян* считалась укрытой мглой, будучи, по сути, невидимой, именно там логичнее всего было поместить вход в царство мертвых.

Подобное совмещение этих двух невидимых локусов – Киммерии и Аида – подтверждается этимологически: хороним *Aid* – др.-гр. Ἅιδης, восходящий к др.-гр. ἄ-ιδ- < ἄϊδ ~ и.-е. *ǵ-uid-, позволяет описывать царство мертвых как ‘невидимое для представителей верхнего мира’ (Цивьян 1978. С. 53–54).

Реальную основу для мифологизации Киммерии, ее сокрытия за пеленой ночи и мрака, усматриваем в двух названиях Черного моря – индоар. **Tam-* / **Tem-aruna-* (вычленяемом из индоар. **Tam-* / **Tem-arun-da*) и скиф. **Axšaina-zraya-*.

Название **Temarunda** отмечено у Плиния Старшего:

Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris (сам Танаис скифы называют Sinu-, (a) Метотиду – Temarunda, что (на их языке) означает «Мать моря») (Трубачев 1999. С. 9).

Это историческое свидетельство позволило О.Н. Трубачеву объяснять пелагоним на индоарийской почве как **Tam / *Tem-arun-da* ‘мать / кормилица Черного моря’ ~ др.-инд. *támas* ‘темнота, мрак’ + индоар. **aruna* ‘море’, родственное хетт. *aruna* ‘то же’ (ср. др.-инд. *árṇa* ‘водная стихия, бурное море’ < **aruna*) + *-da* < *dhe-* ‘сосать (грудь)’ (Трубачев 1999. С. 283). При этом синонимичным скифским названием Черного моря выступало **axšaina-zraya-*, первый компонент которого со значением ‘черный, темный’ отражен, согласно М. Фасмеру, в греч. пелагониме Πόντος Ἀξείνος (Трубачев 1999. С. 9), со временем переосмысленном как Πόντος Εὐξείνος – море гостеприимное.

В реконструкции О.Н. Трубачева нам важна семантика первых двух компонентов, т.к. именно они составляют интересующее нас название **Tam- / *Tem-aruna-*.

Так, говоря о реконструкции компонента ***Там-** в трубачевском **Tam- / *Tem-arun-da*, в дополнение к др.-инд. *támas* ‘темнота, мрак’ логично привести и отсутствующее у О.Н. Трубачева др.-инд. *tama* ‘темнота’ (Monier-Williams 1899. С. 438).

Также необходимо обратить внимание на важное в семантическом отношении др.-инд. *tamasá* – название впадающей в Ганг реки (Monier-Williams 1899. С. 438), в основе которого, полагаем, лежит «темная» цветохарактеристика. Весьма интересно также, что это же слово имеет и значение ‘колодец’ (Там же), т.е. обозначает водоем *глубокий* и потому – *темный*. Полагаем, такая характеристика вполне применима и к *Черному морю*.

Анализ же компонента **aruna** позволяет полнее раскрыть образ *Черного моря* в восприятии его индоарийскими насельниками Северного Причерноморья.

В дополнение к этимологии О.Н. Трубачева следует указать, что несинкопированной форме индоар. **aruna* (Трубачев 1999. С. 31) родственно не только др.-инд. *árṇa* ‘волна, поток, струя’, но и др.-инд. *árṇas* – ‘волна, поток, струя’, ‘пенистое море’, ‘океан воздуха’, ‘река’. Ряд весьма интересных значений имеет и др.-инд. *árṇava* ‘море’, в частности – ‘волна, поток’, ‘пенистое море’, ‘океан воздуха’ (Monier-Williams 1899. С. 90).

Приведенный материал позволяет высказать следующие предположения.

1. Исходя из семантики др.-инд. *árṇas* ‘волна’, ‘пенистое море’ и *árṇava* ‘пенистое море’, ‘море’ можно предположить, что **Tam-* / **Tem-aruna-* – обозначение Черного моря как моря *пенистого* и *бурливого*. В этом отношении характерно и название одной из крымских легенд – «Почему Черное море бурливое», дающей весьма своеобразное объяснение этого факта (Легенды Крыма 1961. С. 36–37, 41).

2. Обозначение словами *árṇas*, *árṇava* воздушного океана, в совокупности со значениями этих же слов ‘поток’, ‘струя’, дает основания думать, что и водный океан мог осмысляться индоариями как ‘текущий’, что определенным образом роднило бы их представления с представлениями древних греков о текучести Океана и о Черном море как о Северном океане. Здесь уместно привести замечание А.И. Зайцева о сходстве индийских и греческих представлений о больших реках (у Гомера это Сперхей, Скамандр, Нил), якобы берущих начало в небесах, что обусловлено неизвестностью истоков этих рек большинству жителей их побережий (Зайцев 1989. С. 54–55). Ср. также представление индийцев о Ганге: воды его сперва ниспадают с небес на вершину горы Меру и оттуда четырьмя потоками текут в окружающие миры (Monier-Williams 1899. P. 833).

Таким образом, у нас выкристаллизовывается специфически индоарийское обозначение (*Черного*) моря как *бурливой*, *пенистой* и *текущей темноты* / *бездны*.

Полагаем также, что **Axšaina-zraya-* – название Понта, данное ему скифами на берегах Киммерийского Боспора в период, когда за *Черным морем* уже прочно закрепилось его предельно точное название – **Tam-* / **Tem-aruna-*. Придя в земли, населенные индоарийскими племенами, скифы в своем названии калькировали самый общий смысл индоарийского онима, используя при этом собственное обозначение моря как непроточного водоема: ср. младоавест. *zrayah-* ‘озеро, море’ (Bartholomae 1904. С. 1701).

* * *

В связи со всем вышесказанным полагаем, что в основе гомеровского упоминания о *тьме* и *ночи безотрадной*, скрывающих Киммерию, могут лежать весьма смутные представления греков о том, что землю эту от них укрывало море, известное у

индоариев и скифов как *Черное*. Осмысление же Черного моря как Океана и мифологическое осмысление Океана как мира по-тустороннего лишь способствовало тому, что вход в подземное царство Аида, в итоге, был помещен именно в Киммерии.

Анализ же отраженного у Плиния индоарийского названия *Черного моря* – *Temarunda* – позволил нам выявить общность в восприятии индоариями и греками его как моря *текучего*, что лишь подтверждает (если не объясняет) греческие представления об *Океане*.

Литература

- Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского М., 1967. (Библиотека всемирной литературы; Т. 3).
- Зайцев А.И. Реки индоевропейской прародины // Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования) / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. Л., 1989. С. 53–56.
- Иванчик А.И. Аргонавтика, Океан и Черное море // Аверинцевские чтения. К 70-летию со дня рождения акад. С.С. Аверинцева. М., 2008.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1: Греческие писатели.
- Легенды Крыма / Ред. Г. Таран. Симферополь, 1961.
- Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков в связи с путешествиями аргонавтов, Геракла и Одиссея // Аристей: Вестн. классической филологии и античной истории. 2012. Вып. 5. С. 72–113.
- Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Цивьян Т.В. *А-ид-* < **p-uid-* и рефлексy этого образа на Балканах // Античная балканистика. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. Предварительные материалы. М., 1978. С. 53–55.
- Bartholomae Ch. Altiranische Wörterbuch von Christian Bartholomae. Strassburg, 1904.
- Homeri Odyssea. Cum potiore lectionis varietate. Edidit Augustus Nauk. Berolini, 1874.
- Monier-Williams M., Sir. A Sanscrit-English dictionary etymologically and philologically arranged. With special reference to cognate Indo-European languages. Delphy, 1899.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОСНОВАНИИ РИМА В «СОБРАНИИ ДОСТОПАМЯТНЫХ ВЕЩЕЙ» ГАЯ ЮЛИЯ СОЛИНА

Содержание компиляции Солина под заглавием *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достопамятных вещей», III в.) довольно разнообразно: наряду с изложением географических описаний и исторических легенд читатель встречает этнографические пассажи и наукообразные перечни удивительных обычаев и нравов различных народов (подробнее см.: Walter 1969; Schmidt 1995). Этногеографическое описание обитаемой части земли, или ойкумены, Солин начинает с экскурса об основании Рима (I. 1–20), дополненного кратким очерком римской истории вплоть до принципата Августа.

Большая часть сведений компиляции Солина сохраняет информацию прежнего контекста и повторяет варианты неоднократно используемого античными авторами предания об основании Рима (ср., например, пассажи из произведений Ливия, Дионисия Галикарнасского, Плутарха и др.). Тем не менее тем, что Солин начинает с упоминания о Риме и его основании, он нарушает обычный порядок географического описания, что не сочетается с манерой его основных источников – Помпония Мелы и Плиния Старшего.

Отмечая двойственный смысл нарративов предшествующей традиции [ср. «то обстоятельство, что задолго до Ромула на этом месте, отправлялись некоторые культы, побуждает к противоречивым разысканиям» (I. 7)], Солин излагает легенду об аркадском царя Евандре, который переименовал уже существовавшую на Палатине Валентию (*Valentia*, «сила», «мощь») в греческую *Rhōmē*, использовав синонимичное по значению слово. Нельзя исключать, что Солин в данном случае следовал заявленному в Предисловии принципу: «читая эту книгу, ты скорее найдешь в ней стимул к познанию (*velut fermentum cognitionis*), чем сусальную позолоту красноречия» (praef. 2). Приведены и другие предания, ставшие со временем обязательными элементами «римского мифа», – о приплывших по Тибру после взятия Трои ахейцах, одна из знатных пленниц которых

по имени Рома «уговорила их сжечь корабли, построить себе жилища, заложить стены [города] и назвать его [именем] Рома» (I. 2); по другой версии, для называния Рима послужило имя дочери Аскания и внучки Энея. Солин сообщает также об одной из архаических форм религиозного ритуала, когда на произнесение вслух имени богини-покровительницы Рима действовал запрет, за нарушение которого полагалась смертная казнь (ср.: Plin. Nat. Hist. III. 65; Plut. quaest Rom. 61; Macrobian. Sat. III. 9.1).

Также противоречива информация о происхождении названия Палатинского холма: по одним сведениям, сообщает Солин, *Palatium* производят от *balatus* «блеяние овец и коз», по другим – от Палес, имени доримской богини пастухов, или же – от легендарной Паланто, дочери Гиперборея (I 15). Далее Солин говорит о доромуловом «четырёхстороннем Риме» на Палатине, его сакральной топографии (древнейшие храмы Ангеноры, Юпитера Инвентора, который заложил Геркулес, сразивший Кака, и пр.) и постепенном расширении города от подножия Палатина до «лестницы Кака» в верхней части холма, где находилась хижина Фаустула и где Ромул провел первые 18 лет жизни.

Помимо ссылки на авторитетные сведения Варрона о родителях Ромула – Марсе и Реи Сильвии (ср.: Plut. Romul. 1–2; Serv. ad Aeneid. VI. 774), Солин приводит менее известное предание (*nonnulli adfirmant* «некоторые утверждают») о Марсе и Илии, матери Ромула, по имени которой был назван календарный праздник Парилии (от *partus Iliae*), превращенный Адрианом в 121 г. в празднование дня рождения Рима (см.: Romer 2014. S. 80–81). По словам Солина, Ромул «после благоприятных ауспий заложил основания стен [города] на 11-ый день до майских календ (т.е. 21 апреля), между вторым и третьим часом, как с точностью вычислил прославленный математик [и астроном] Луций Тарруний» (I. 17). При этом ни слова не говорится об убийстве Рема, что обычно связывают с основанием Рима (ср.: Ovid. Fasti IV. 810–862): рассказ Солина об основании Рима включает компиляцию разновременных источников и обнаруживает стремление автора представить в «законченном» виде один из элементов мифа (Шайд 2006. С. 181).

По всей видимости, у Солина были веские соображения, чтобы предварить этногеографическое описание ойкумены преда-

нием об основании Рима: скорее всего, Солин задумал обозначить место Рима как центр мировой державы, демонстрируя авторитет и величие государства (Nicolet 1988. Р. 273–274). На это указывает, в частности, поясняющая фраза в Предисловии:

Подобно тем [sc. живописцам], которые подражают формам человеческого тела и начинают с головы, прежде чем приступить к остальным частям [тела], позволь и мне начать [повествование] с главы мира (*caput orbis (terrarum)*), то есть с города Рима: сколько бы нам ни оставили самые ученые авторы, нет ничего, что еще можно было бы добавить к его прославлению и почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах. Однако, чтобы вовсе уж не промолчать о нем [sc. Риме], я приложу все силы, чтобы проследить за началом Рима (praef. 7–8).

Здесь Солин обыгрывает разные значения слова *caput* («глава», «голова», «столица») с отсылкой к предшествующим текстам и связывает выражение *caput orbis (terrarum)* с политическими коннотациями (ср. приводимые Ливием слова Ромула в его божественной ипостаси Квирина: «угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира» – *caput orbis terrarum*. – Liv. I. 16.7, пер. В.М. Смирнина; Luc. II. 653–654: *caput mundi...* Roma – «глава мира...Рим»; Verg. Aen. VI. 851–853: энкомий римлянам и Риму как столице мировой державы; а также Ovid. Fasti II. 688–689: *gentibus est aliis tellus data limite certo: / Romanae spatium est urbis et orbis idem* – «земли народов других ограничены твердым пределом: / Риму предельная грань та же, что миру дана» (пер. Ф.А. Петровского); Hor. Carm. III 3.43–44: *possit / Roma ferox dare iura Medis* – «грозный Рим смог дать законы мидийцам»). В результате упорядочивания географического пространства империи и сложившейся ко времени Солина нарративной традиции тема об основании Рима, ставшего мировой столицей, приобрела характерную для топоса устойчивую форму (см. подробнее: Данилевский 2018. С. 206–207).

Литература

- Данилевский И.Н. Историческая текстология. М., 2018.
Шайд Дж. Религия римлян. М., 2006.
Nicolet Cl. L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origins de l'Empire romain. P., 1988.

- Romer F.E. Reading the Myth(s) of Empire: Paradoxography and Geographic Writing in the *Collectanea* // Solinus. New Studies / Ed. K. Brodersen. Heidelberg, 2014. S. 75–89.
- Schmidt P.L. Solins Polyhistor in Wissenschaftsgeschichte und Geschichte // Philologus. 1995. Vol. 139.1. S. 23–35.
- Walter H. Die ‘Collectanea rerum memorabilium’ des C. Iulius Solinus. Ihre Entstehung und die Echtheit ihrer Zweitfassung. Wiesbaden, 1969.

Т.М. Калинина

ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГОРОДОВ ХАЗАР В СОЧИНЕНИЯХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ АВТОРОВ IX–X вв.

В арабских письменных источниках по отношению к городам Востока используются специальные термины. В Коране фигурируют *мадина* (город), *карийа* (город, а также селение), *балад* (страна, земля, а также город). В сочинениях встречаются обозначения *миср* (столица), *кура* (округ), *махалла* (селение, квартал, пригород). Часты случаи взаимозаменяемости терминов, что демонстрирует неясность для самих восточных авторов понятия «город» (Большаков 1984. С. 48). Если указаны соборная мечеть, мимбар, медресе, то это может означать административно-политический характер населенного пункта (Беленицкий, Бентович, Большаков 1973. С. 164; Большаков 1984. С. 59). Имело значение наличие торговли, характер застройки, плотность населения (Большаков 1982. С. 180–196; Большаков 1984. С. 10–11, 83, 102–103). Исчерпывающую информацию о старинных и новых городах Востока (с обилием указанных черт) невозможно сравнивать со скудными данными о населенных пунктах Хазарии. Тем не менее, термины применялись со всей возможной доступностью материалов для арабских писателей.

«Книга путей и стран» Ибн Хордадбега содержала раздел о дороге между Джурджаном (Гирканией) и *мадиной* хазар – Хамлиджем; перечислены города (*мудун*) хазар – Хамлидж, Баланджар, ал-Байда⁴ (Kitab. P. 124). Хамлидж – *мадина* хазар упомянута ниже при рассказе о торговых путях русов, которые отдавали здесь десятину сахибу хазар (Ibid. P. 154); это важный

пункт на пути из страны славян в море Джурджана (Каспия) (Ibid. P. 155). Тем самым автор подчеркивал значимость этой *мадины* как торгового центра. *Мединой* назван также Самандар, который, как и Баланджар, был построен, по мнению Ибн Хордадбега, Хосровом Ануширваном в VI в. в областях Кавказа. Все города, построенные здесь этим правителем, как и его отцом Кубазом, названы *мадина* (Ibid. P. 123–124).

Из «Книги драгоценных ожерелий» географа Ибн Руста (предположения о времени написания: 903–925 гг.) сохранилась лишь седьмая глава, содержащая сведения о народах Восточной Европы. Они восходят к единому неизвестному источнику: «Анонимной записке» (Lewicki 1977. P. 11–13) или несохранившемуся произведению ал-Джайхани (Göckenjan, Zimonyi 2001; Мишин 2002. С. 50–53). Эти известия в кратком или переработанном виде повторяют более поздние арабские и персидские ученые X–XV вв. («Худуд ал-‘Алам», Гардизи, ал-Бакри, ал-Марвази и др.); здесь они не рассматриваются, т.к. более поздние сочинения должны анализироваться с учетом характера произведения, изменений и временных рамок.

В труде Ибн Руста по отношению к двум населенным пунктам Хазарии употребляется термин *мадина*: Сари‘ш.н и Хаб.н.л‘ (Kitab al-A‘lak an-nafisa. P. 139). Исследований на тему названий очень много; на основании предположительных аналогий с древнерусскими, византийскими, древнееврейскими именами, с привлечением массы археологической литературы обсуждаются вопросы их статуса и расположения. Я не касаюсь здесь этих проблем, поскольку источник не может подтвердить ни одну гипотезу. Ряд востоковедов для *мадины* Сари‘ш.н предпочитали значения «столица» (Lewicki 1977. S. 29), «главный город» (История татар 2006. С. 701). Информация об этих *мадинах* минимальная: это стационарные стоянки хазар, о чем свидетельствует присутствие мечетей, имамов, муэззинов и школ. О торговле упоминаний нет.

В X в. арабские писатели расширили терминологию, относящуюся к городам Хазарии. «Классической школой» арабских географов считаются ал-Истахри, Ибн Хаукал и Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси.

В известиях о хазарах ал-Истахри и Ибн Хаукал (основой книги второго был трактат первого; иногда Ибн Хаукал, писавший на 30 лет позднее, точно пересказывал его информацию, в других случаях изменял и дополнял ее) называли городом (*ба-лад*) и столицей (*миср*) Итиль, расположенный в русле одноименной реки. Было отмечено плохое благоустройство ее и бедность, отсутствие округов (*расатик* – мн.ч. от *рустак* – по ал-Истахри) или селений (*карийа* – по Ибн Хаукалу), богатства казны (по ал-Истахри) или наличия обширных пашен (по Ибн Хаукалу) (Viae regnorum. P. 10; Opus geographicum. P. 392). Итиль был также назван столицей области (*иклим*), но применен термин *касаба* (Viae regnorum. P. 220; Opus geographicum. P. 389). В подробном описании Итиля употреблен термин *ал-балад*: он состоял из двух частей – западной, где проживал царь (*малик*), и восточной по имени Итиль; обе части окружала стена с четырьмя воротами; внутри были деревянные или глиняные постройки, покрытые войлоком; царь же имел дворец из обожженного кирпича. В городе имелись базары, бани, мечети (Viae regnorum. P. 220–221; Opus geographicum. P. 389–390). В Хазаран, восточную часть города, привозились русами товары; там они отдавали десятину (Opus geographicum. P. 392).

Как видим, в информации о главном городе хазар эти авторы использовали три термина, обозначающие столицу с административно-политическими и торговыми функциями.

Рассказ о хазарской *мадине* Самандар, обильной садами и виноградниками (перевод [«главный» город] [История татар 2006. С. 749] не кажется мне обоснованным. – Т.К.), с мечетями, церквями и синагогами; деревянными постройками (Viae regnorum. P. 223; Opus geographicum. P. 393–394), дополнен сведениями Ибн Хаукала, который упоминал о разорении русами *мадин*: Самандара, а также Хазарана и Итиля (Opus geographicum. P. 15, 392, 394).

Шамс ад-дин ал-Мукаддаси, автор книги «Лучшее разделение для познания климатов», называл Итиль *касабой* и *баладом*, т.е. столицей. Говоря об области (*кура*) хазар, он утверждал, что *касаба* его – это Итиль, а города – Булгар, Самандар, Сувар, Баганд, Кайшава, Хамлих, Баланджар и ал-Байда' (Descriptio. P. 51, 355). В числе хазарских городов, подчиненных столице

Хазарии, оказались не только известные из других источников хазарские *мадины*, но также города Волжской Булгарии, что свидетельствует о недостаточной информированности автора. Большая *касаба*, расположенная на окружающей город реке Итиль, стала городом (*балад*), названным по имени реки. Он был окружен стеной с четырьмя воротами, там была плотная застройка жилищами из дерева, глины и войлока или каркасными палатками, с замком «султана» из обожженных кирпичей и населением из большого количества мусульман (Ibid. P. 360–361). Эти известия заимствованы из произведения ал-Истахри. Оригинальные сведения: в городе (*касаба*) были деревья, автор характеризует его как «суровый, сухой, неприятный»; он такой же, как Джурджан, или больше (Ibid. P. 361). Еще раз ал-Мукаддаси упоминает о некоем населенном пункте (без определения) Хазар, который лежал на одном из берегов какой-то другой реки, охарактеризован как обширный, со здоровым климатом. Население, бывшее ранее иудеями, приняло ислам. Автор отметил, что жители его некоторое время назад уехали из него к берегу моря, но затем вернулись (Ibid.), что напоминает известия Ибн Хаукала о бегстве населения при нападении русов. Здесь ни разу не упомянут термин для определения этого пункта; идентифицировать его затруднительно: либо автор обладал индивидуальной информацией, либо здесь имеет место сплетение разных сюжетов из трудов ал-Истахри и Ибн Хаукала.

Упомянут Самандар – большой приморский город (*балад*), расположенный между рекой Хазар и Дербентом (*Баб-ал-Абваб*). Отмечено много мечетей, сады и виноградники, жилища – палатки и дома из дерева, переплетенного камышом. Ал-Мукаддаси писал, что этот *балад* больше неизвестного нам Хазара (см. выше) (Ibid.).

Обыгрывая фрагмент (Ibid. P. 51) из Корана о скале Моисея, где был убит юноша (Коран 18: 73/74), ал-Мукаддаси упоминал селение (*карийя*) Хазаран на побережье Каспия. Имя известно из сочинения Ибн Хаукала, который, однако, считал Хазаран *мадиной*.

Энциклопедист ал-Мас‘уди применял термины *мадина*, *дар* и *касаба* по отношению к столице хазар Атиль (так у автора) (Maçoudi. P. 7); он писал о ней как о расположенной на реке (не называя ее имени); о трехчастном делении; о месте пребывания *мали-*

ка и судей для людей разной веры; о соборной мечети с минаретом и мечетях со школами. *Мадинами*, некогда бывшими, по мнению ал-Мас'уди, столицами (*дар*) хазар, обозначены Самандар и Баланджар (Ibid. P. 7–13; 20, 24; Kitab at-tanbih. P. 62).

Все вышеназванные авторы утверждали, что летом жители уходили в степь, возвращаясь лишь осенью.

Материалы арабо-персидских источников не совпадают с данными археологии. Термин «степные» города или таможенно-торговые крепости был предложен для выросших из кочевых ставок (стойбищ) знати населенных пунктов (Плетнёва 2002. С. 123), возможно, при переходе к оседлости. Кочевнический же образ жизни противоречит самому понятию «город» (Флёров 2011, С. 203–208). Арабские ученые X в. называли населенные пункты Хазарии теми же терминами, что применялись для крупных и мелких городов Востока. Хотя сама дефиниция понятия «город» не укладывается в точные рамки, скудная информация о населенных пунктах Хазарии показывает их административно-политические, религиозные и торговые функции. Соотнесение их с данными археологии или нумизматики, по-видимому, – предмет будущих исследований.

Источники и литература

- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры. М., 1982. С. 156–214.
- Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2006. Т. 2.
- Мишин Д.Е. *Сакалиба* (славяне) в исламском мире. М., 2002.
- Плетнёва С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. 2002. № 1. С. 110–124.
- Флёров В.А. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М., 2011.
- Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dîn Abû 'Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn Abî Bekr al-Bannâ' al-Bashshârî al-Mokaddasî / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.
- Göckenjan P., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ġaihānī-Tradition. Wiesbaden, 2001.

- Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdbeh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.
- Kitab al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
- Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masûdi... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
- Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. T. 2, cz. 2.
- Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861, 1863. T. 1, 2.
- Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi) ... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.
- Viae regnorum... Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Leiden, 1870.

С.М. Каишанов, Л.В. Столярова

СКРИПТОРИИ И ПРОТОКАНЦЕЛЯРИИ В СТРУКТУРЕ ДОМОНГОЛЬСКОГО ГОРОДА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Начальный этап в истории книги Древней Руси тесно связан с особенностями городской культуры. В записях писцов на рукописях XI–XII вв. в качестве места создания книг указываются духовные корпорации, расположенные преимущественно в городах и ближайшем пригороде: новгородские монастыри св. Лазаря (рубеж XI–XII вв.) и Юрьевский (?) (1129), Михаило-Выдубицкий монастырь под Киевом (1116), новгородские церкви св. Иоанна Предтечи (1148–1155), Вознесения Господня (1175–1185 гг.) и св. Власия (XII в.), а также церковь св. Апостолов (1164), местоположение которой неясно. Записи XIII в. сообщают об изготовлении рукописей при соборе св. Богородицы Успения в Ростове (1219, 1220), новгородских церквях св. Константина и Елены (1226), Михаила Архангела (1229), св. Дмитрия (1271) и св. Иакова (1282), а также в перемышльской (или холмской?) церкви св. Иоанна (1281). В XIV в. книгописание все чаще осуществлялось в монастырях (суздаль-

ском Спасо-Евфимьевом, подмосковном Троице-Сергиевом, серпуховском Богородицы Зачатия, новгородских Святотроицком на Видогощи и Лисицком, переславском Богородицы Введения), хотя скриптории при церквах (псковских св. Николая, Воздвижения Честного креста на Княжем дворе и пресв. Богородицы, а также новгородского Софийского собора) по-прежнему действовали (Столярова 1998. С. 19, 42). В XI–XIII вв. книжный фонд Древней Руси только формировался. Создавались первые книжные собрания, по крайней мере, до конца XIV – начала XV в. оставшиеся (за редким исключением) минимальными богослужебными наборами, которые хранились в церкви. Наиболее последовательно по источникам прослеживается деятельность скрипториев новгородского Лазарева монастыря рубежа XI–XII вв. (Янин 2004. С. 159–170; Столярова 1998. С. 193–221; Гиппиус 2007; Уханова 2009) и ростовского Успенского собора начала–середины XIII в. (Столярова 1998. С. 222–233 и др.). Выявлены данные о существовании киевского великокняжеского скриптория конца XI – первой трети XII в. (Уханова 2008. С. 225–229). Будучи сосредоточено в церквах и монастырях, книжное дело XI–XIV вв. было в основном ориентировано на переписывание богослужебной и богословской литературы. Городская культура этого времени была связана с развитием ремесленных специальностей, обеспечивавших письмо книг и грамот в рамках немногочисленных скрипториев.

Наиболее ранние случаи предоставления иммунитетных привилегий монастырям в Древней Руси относятся к XII в. Первой подлинной русской грамотой на пергамене считается грамота вел. кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, относимая в литературе к 1130 г. (ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12; далее: МГ). Правда, В.Л. Янин высказал некоторые сомнения в ее подлинности, предположив, что она могла быть более поздней копией: сохранившаяся при ней (но отдельно от грамоты) печать принадлежит не князю Мстиславу Владимировичу, а одному из князей XIII в. Таким образом, само состояние источниковой базы делает вопрос о том, какие организационные формы принимало книгописание и письмо грамот в древнейший период русской истории, весьма туманным.

Об иммунитете на Руси до XII в. никаких определенных данных нет (Каштанов 2014. С. 80–81). Первые жалованные акты касаются Новгородской земли, в которой в XI–XII вв. шел процесс формирования крупного землевладения (Янин 1981. С. 272), сопровождавшийся возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. От первой половины и середины XII в. дошли четыре жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям (Юрьеву и Пантелеймонову). В подлиннике сохранилась только МГ. Текст остальных трех жалованных грамот XII в. дошел в списках (ГВНП. № 79, 80, 82). Необходимой предпосылкой пожалования иммунитета является формирование судебно-административной власти вотчинников по отношению к населению владений. В XI–XII вв. в Новгородской земле шел процесс складывания крупной земельной собственности, который, как и во Франкском государстве VI в., сопровождался возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. Такова общая закономерность, для которой наличие или отсутствие римского наследия – частный случай, хотя и существенно влияющий на время возникновения и правовые особенности иммунитета. Русский иммунитет появился много позднее франкского, поскольку процесс образования класса крупных землевладельцев начался здесь не раньше XI в., да и то сначала лишь в Новгородской земле (Каштанов 1970. С. 155–157, 190–199). После грамот Мстислава и Изяслава наступила длительная остановка в иммунитетной политике русских князей. Только с XIV в. выдача жалованных грамот с иммунитетными привилегиями монастырям и другим землевладельцам становится постоянным элементом внутренней политики – то, что во Франкском государстве произошло в VII в. Вообще, по темпам выдачи грамот и по охвату монастырей русские акты XIV в. имеют много общего с меровингскими дипломами VII в., хотя надо сказать, что иммунитетная политика меровингских королей, особенно во второй половине VII в., была более активной, чем политика князей Северо-Восточной Руси в XIV в. Из 23-х иммунитетных дипломов 635–700 гг., указанных в перечне М. Крёля, к аббатствам и монастырям относятся 18, к епископствам – 5.

Отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова – специальных государственных учреждений с

определенным штатом и иерархией чинов, в которых осуществлялось документирование, – обрекает историка на изучение не столько механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «протоканцелярского» периода, а точнее – на формулярный анализ. Отсутствие на Руси вплоть до второй половины XVI в. канцелярий европейского типа сделало возможным рождение актовой документации в скрипториях и позволяет говорить о внеканцелярской практике составления древнерусского акта на начальных этапах его истории. Наиболее раним образцом внеканцелярского происхождения акта, сохранившегося в подлиннике, следует считать экземпляр МГ 1130 г. МГ является единственным домонгольским актом, написанным по предварительно разлинованному пергамену. Не писались по разлиновке и позднейшие акты. Исключение составляет жалованная грамота вел. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг., сохранившаяся в пергаменном подлиннике, также предварительно разлинованном, и к тому же украшенная миниатюрой. Разлиновка пергаменных листов для письма в Древней Руси была исключительной прерогативой книжного, а не актового письма. Реконструкция разлиновки листа с текстом МГ до ее выделения из кодекса позволяет говорить о ее соответствии особенностям разлиновки новгородских пергаменных книг XI–XIII вв. (Столярова 1998. С. 206–207, 248). Разлиновка листа с МГ относится к тому же типу, что и разлиновка новгородских служебных миней XII в. – июньской (ОР РНБ. Соф. № 206) и ноябрьской (ГИМ. Син. № 161). Вероятная минимальная площадь листа МГ до усечения полей – $[517,32 \text{ см}^2]$ – ближе всего к площади листа Минеи служебной на июнь XII в. (ОР РНБ. Соф. № 206) – $513,76 \text{ см}^2$; Минеи служебной на сентябрь – октябрь (ОР РНБ. Соф. № 188) – $526,75 \text{ см}^2$ и Стихиаря минейного 1156–1163 гг. (ОР РНБ. Соф. № 384) – $490,25 \text{ см}^2$. Первоначальный формат листа с текстом МГ до усечения полей был не меньше $24,7 \times 18,5 \text{ см}$, нынешний – $18,5 \times 18,7 \times 15,7 \text{ см}$.

Внешние признаки МГ во всей их совокупности позволяют предположить, что сохранившийся ее экземпляр предназначался Юрьеву монастырю. Вероятно, он был скопирован с другого

экземпляра той же грамоты, принадлежавшего либо вел. кн. Мстиславу Владимировичу (что вероятнее), либо его юридическому соавтору кн. Всеволоду Мстиславичу, т.е. является одним из подлинников этого акта. Юрьевский экземпляр МГ был вписан в пергаменный кодекс, имевший отношение к книжному собранию (=богослужебному набору) этого монастыря. Этой рукописью определенно не было Юрьевское евангелие 1119–1128 гг. (ГИМ. Син. № 1003), формат которого несколько превышал теперешний, установившийся после обрезания полей в 1858 г., – 31x25 см.

Примеры помещения в рукописных кодексах земельных актов, а также записей летописного характера, касающихся той или иной духовной корпорации, хорошо известны (Полоцкие грамоты 2016. С. VI, VII, LX–LXI, LXIII; Гимон 2012. С. 60, 291–295). Не исключено, что в этот неизвестный кодекс были вписаны (сверху и снизу от МГ) и другие записи или грамоты, касавшиеся Юрьева монастыря. Это объясняет отсутствие верхнего и нижнего полей МГ к моменту изъятия ее из кодекса, при том что письмо и разлиновка выдают ее явно книжное, а не канцелярское происхождение. Деформирующее текст прикрепление печати, не характерное для грамот, сохранившихся с буллами или без них, но со следами присутствия печати, свидетельствует о том, что позолоченного аргировула первоначально при МГ не только не было, но и не могло быть. То, что сохранившийся экземпляр МГ некогда был изъят из кодекса, в котором первоначально находился, подтверждают и следы обрезания его с четырех сторон практически без оставления полей.

МГ является одним из наиболее ранних памятников древнерусской хризографии и самым ранним древнерусским актом, написанным золотом. Среди древнейших восточнославянских рукописей XI–XII вв., фрагменты текста которых написаны золотом, следует указать еще Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., Куприяновские (Новгородские) листки XI в. и Мстиславова евангелие ок. 1117 г. Обращает на себя внимание любовь кн. Мстислава Владимировича к использованию золота при письме книг и грамот. Среди писцов сделанного по его заказу Мстиславова евангелия был специально обученный хризографии писец Жаден, написавший золо-

том заголовки чтений. От имени Жадена золотом составлена молитвенная запись с благопожеланиями заказчику: «О г(оспод)и, сп(а)си князя нашего Феодора, мъногы лѣта, а мирьскы Мьстислава. Жадѣнь пьсаль» (ГИМ. Син. № 1203. Л. 213а). Написанная золотом МГ демонстрирует не просто художественные вкусы старшего сына Владимира Мономаха, но и явное знакомство его с европейскими традициями оформления книг и актов, проявившееся, в том числе, и в особенностях формуляра МГ. Древнерусская кодикология не знает ни одной рукописной книги, целиком написанной золотом. Не известны и славянские «пурпурные кодексы», как нет и текстов, сделанных серебром. Тем более письмо золотом не типично для древнерусского акта, хотя характерно для канцелярской практики Священной Римской империи X–XI вв. Оживление искусства хрисографии в Европе произошло в каролингскую эпоху. В X в. «металлическое письмо» из книг исчезает. В это время письмо золотом и серебром в Италии, Германии и Англии из пурпурных кодексов перекочевало в дипломы. Известны золотые грамоты императоров Священной Римской империи Оттона I Великого (962 г.), Оттона II Рыжего (972 г.), Конрада II (1035 г.) и Генриха IV (1079, 1095 гг.). Возникнув на исходе этой традиции, памятники древнерусской хрисографии XI–XII вв. оказались слабым отблеском грандиозной роскоши пурпурных кодексов Византии и варварского Запада.

Известны еще, по крайней мере, четыре сохранившихся пергаменных акта, кроме МГ, составленные книжным писцом. Мы имеем в виду договоры Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг., которые, как показал А.А. Гиппиус, были написаны Тимофеем – писцом Лобковского пролога, второй части Софийского пролога и Апокалипсиса Никольского. Многочисленные признаки «книжного» происхождения обнаруживает и жалованная грамота вел. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг. Таким образом, даже более чем через 240 лет после написания МГ практика взаимодействия книжного и актового письма, когда составление грамоты требовало обращения в действующий скрипторий, была вполне жизнеспособна.

Источники и литература

- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гиппиус А.А. К вопросу о новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI–XII вв. // ДРВМ. 2007. № 1 (27). С. 36–44.
- Кашистанов С.М. Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М., 1970. С. 148–199.
- Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Подгот. А.Л. Хорошкевич (отв. ред.), С.В. Полехов, В.А. Воронин и др. М., 2015.
- Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Уханова Е.В. Об одном киевском скриптории последней четверти XI – начала XII в. // Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона. М., 2008. С. 225–229.
- Уханова Е.В. О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в. // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. С. 213–237.
- Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
- Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

С.А. Козлов

КАК СДЕЛАН ПАССАЖ DAI О ГОРОДАХ «ВНЕШНЕЙ РОССИИ»

Раскопки последних десятилетий породили новый виток дискуссий по проблеме археологической атрибуции упомянутых в *De administrando imperio* (далее: DAI) городов-крепостей «внешней России». С тех пор археологами и историками были предложены, пожалуй, все мыслимые атрибуции константиновских гапаксов Νεμοῦαρδάς (Новгород Великий? Рюриково городище? Старая Ладога?), Μιλνίσκων (Смоленск? Гнёздово?) и Τελοῦτζαν (Любеч? Лучин? Полоцк?). Несмотря на серьезные возражения, которые были выдвинуты против традиционной идентификации этих гапаксов с Новгородом, Смоленском и Любечем, значительная часть исследователей продолжает использовать ее как общепринятую. Так, И. Сорлен в своей специальной статье не только повторила эту идентификацию, но и

положила ее в основу карты «Руси X в. по данным Константина Багрянородного» (Sorlin 2000. P. 347–348. Fig. 2).

В результате сложилась парадоксальная ситуация: дискуссионные топонимы лежат в основе карт и интерпретаций, которые сами нередко служат аргументом в дискуссиях по этим топонимам. Наглядный пример – отождествление «Телиуцы» с Любечем, аргументируемое, среди прочего, общим представлением о географической систематичности «внешнеросского» перечня, который «последовательно называет центры, лежащие на Днепровском пути, от самого северного – Новгорода – по мере их приближения к Киеву» (Константин 1989. С. 310). Однако «систематичным» перечень во многом делает именно «Любеч», без которого системность не очевидна (Чернигов лежит в стороне от Волховско-Днепровского пути) и, во всяком случае, не объясняет, почему в перечне названы одни пункты и проигнорированы другие.

На наш взгляд, для методически корректной идентификации городов «внешней Руси», прежде чем строить догадки о том, *что* это за города, т.е. какому конкретному памятнику археологии они соответствуют, надо выяснить, *как* о них узнали византийцы, т.е. кто был непосредственным автором пассажа 9.4–7 и какая «ментальная карта» лежит в основе его географических сведений. Первым этапом такой работы должно быть изучение гл. 9 на предмет выявления исходных источников географической информации. Далее эти источники следует проанализировать с точки зрения лежащих в их основании эпистемологических установок и моделей пространства, (вос)производивших знание об этногеографии Руси как таковое. На втором этапе следует обратиться к тем письменным текстам, которые отражают аналогичные «страноведческие» модели, и сопоставить содержащиеся в них «списки городов» с «внешнеросским» перечнем. Предлагаемая ниже, вслед за другими исследователями, расшивка технологических швов гл. 9 основывается именно на такой процедуре, а конкретнее – на следующей цепочке рассуждений:

1. В дошедшем виде гл. 9 является частью условного «дидактического» раздела DAI (гл. 1–13), написанного / отредактированного лично Константином Багрянородным в период

между 948 и 952 гг. (Constantine 1962. Р. 5–7; Константин 1989. С. 5).

2. При написании / редактировании данной главы Константин опирался на служебные записки и материалы о Руси (условное «росское досье»), подготовленные чиновниками ведомства дрома (внешних сношений) или дворцовых канцелярий (ср.: Константин 1989. С. 27). На это указывает органичный византиноцентризм «росского досье» и его компетентная адаптация к восприятию византийским читателем (использование византийских технических терминов и константинопольских топографических реалий, подчеркивание инструментальной роли печенегов в русско-византийской дипломатии).

3. Византийский чиновник, ответственный за сбор «росского досье», лично посетил Русь и совершил плавание по Днепру (Constantine 1962. Р. 19; Константин 1989. С. 292). Об этом говорят, во-первых, детальность описания днепровских порогов и особенностей их преодоления русами, включая описание благодарственных жертвоприношений на Хортице (= острове Св. Григория DAI), выдающее наблюдения очевидца; во-вторых, точность использования греческой топонимии Поднепровья (переправа Крария, острова Св. Григория и Эферия, и т.д.). Иное предположение – этот византийский чиновник не посещал Русь и собрал свои сведения непосредственно в Константинополе со слов «крещенных русов» или членов делегации княгини Ольги 946 г. – менее убедительно. Прежде всего, кардинальные различия в пространственных картинах мира ромеев и русов должны были бы сказаться на *общем* содержании гл. 9. Как и в других «этнографических» главах, мы должны были бы увидеть здесь пространственные реалии, структурные элементы и мифологемы, характерные для местных информаторов.

4. Можно предполагать, что этим чиновником был императорский василик, посланный Романом I Лакапином в Киев для ратификации договора с князем Игорем Рюриковичем (Constantine 1962. Р. 19). Это предположение подтверждается, во-первых, прямым указанием ПВЛ, согласно которому «послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 53; Т. 2. Стб. 42); во-вторых, содержательной переключкой гл. 9 с сохранным ПВЛ под

6453 г. русско-византийским договором (см. ниже, п. 7); и, в-третьих, местом гл. 9 в композиционной структуре DAI, а именно ее помещением сразу после дидактических глав «о василиках» (гл. 7–8). Отсутствие в DAI упоминаний о военных столкновениях с русами объясняется тем, что «договор 6453 г.» был заключен не после, а до похода Игоря на Византию [Щавелев 2018. С. 309; ср. образ Игоря как клятвопреступника: Leo Diac. Hist. VI, 10 (106.5–6 Hase)]. Соответственно, учебно-дидактический характер гл. 9 в том и состоял, чтобы на примере миссии в Киевскую Русь показать будущему наследнику специфику работы василиков по предупреждению потенциальных угроз Константинополю (Мельникова 2009. С. 207–208; ср. аналогичную политику ромеев в отношении печенегов). Известное мнение о том, что гл. 9 находится не на своем месте, что она не соответствует дидактическим гл. 1–13 и скорее должна быть помещена во второй, «этнографический» раздел, включающий гл. 14–48 (Constantine 1962. P. 18; Константин 1989. С. 293), должно быть отвергнуто.

5. Исходя из содержания гл. 9 и целей предполагаемого посольства, путь византийской делегации пролегал по маршруту «Константинополь – Киев – Константинополь», причем в днепровском итинерарии DAI отразился лишь обратный путь, проходивший вниз по течению Днепра с выходом в Черное море. Конечным пунктом пребывания византийских послов был Киев, а города «внешней России» находились вне пути их следования.

6. Зафиксированные автором гл. 9 скандинавизмы и славянизмы, включая номенклатуру «внешнеросских» городов, указывают на получение им части сведений от местных жителей – выходцев из двуязычной среды Киева, вероятно, скандинавов-русов, владевших древнерусским языком (Constantine 1962. P. 19; Константин 1989. С. 293).

7. Имеющиеся данные не позволяют твердо установить, сопровождал ли василик торговый караван русов или, наоборот, некий знатный рус присоединился к византийскому посольству, возвращавшемуся в Константинополь по Днепру, как предполагают отечественные комментаторы DAI (Константин 1989. С. 293). Исходя из содержания гл. 9, первая гипотеза кажется более вероятной. Иначе придется допустить, что византийская делегация, состоявшая из высокопоставленных чиновников, в полном составе отправилась

в «мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» (9.102–104), что противоречит не только путевому описанию DAI, но и соображениям элементарной безопасности. Скорее всего, основная часть византийских дипломатов возвращалась тем же путем, которым прибыла в Киев: сначала морским от Константинополя до Херсон(ес)а, затем сухопутным вплоть до Киева. Ключевым опорным пунктом на этом пути, очевидно, выступал Херсон – форпост Ромейской империи в Северном Причерноморье, важность которого для ромеев неоднократно подчеркивается в DAI (гл. 1.26–28; 6.3; 7; 8.8; 11) и, что характерно, в тексте русско-византийского договора (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 50; Т. 2. Стб. 39). Опорный статус можно предполагать и для Березани (= острова Св. Эферия DAI), византийский интерес к которому раскрывается в двух статьях договора, фиксирующих запрет для русов зимовать «в Белобережье и у Святого Елферья» и чинить препятствия для промышлявших там херсонских рыбаков (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 51; Т. 2. Стб. 39).

8. Перечень городов «внешней Росии», таким образом, составлен целиком со слов местных информантов и без личного посещения этих городов византийскими послами. Можно осторожно предположить, что «внешними» в посольском донесении эти города были названы именно по отношению к посещенным ромеями центрам Руси, прежде всего, Киеву и его округе (ср.: Назаренко 2010. С. 294–301).

9. Содержательно и формально «внешнеросский» перечень, следовательно, должен сохранять следы пространственного воображения скандинавских / русских информантов. Исходя из такой логики, поиск соответствия для городов «внешней Росии» следует вести на материале близких по времени древнерусских и древнескандинавских источников.

10. Искомые тексты должны удовлетворять как минимум трем условиям: а) их датировка должна быть максимально близкой времени создания DAI, т.е. середине X в.; б) в них должны фигурировать все или большая часть городов, зафиксированных во «внешнеросском» перечне; в) географическая атрибуция этих городов (в тех случаях, когда она надежно устанавливается) не должна противоречить археологическим данным.

Таким образом, ПВЛ не подходит для наших целей по первому условию: все списки городов, помещенные в ее погодной сетке ко

времени до середины X в., контаминируют реалии разного времени и несут следы вмешательства летописца начала XII в. (Lind 1984. Р. 362–370). Это касается упоминания Смоленска и Новгорода в статье под 6390 (882) г. среди городов, взятых Олегом: *Смоленск, Любеч, Киев, Новгород* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23–24; Т. 2. Стб. 16–17, без Смоленска); Смоленска и Переяславля в числе городов, получающих византийскую дань по русско-византийскому договору 6415 (907) г.: *Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч* (Там же. Т. 1. Стб. 31; Т. 2. Стб. 22); и, наконец, того же Переяславля среди городов, указанных в русско-византийском договоре 6453 (945) г.: *Киев, Чернигов, Переяславль* (Там же. Т. 1. Стб. 49; Т. 2. Стб. 37).

Напротив, как минимум один скандинавский текст о городах Руси указанным условиям удовлетворяет. Речь идет о географическом трактате «Какие земли лежат в мире», включенном в древнеисландскую компиляцию 1323–1329 гг. («Книгу Хаука»), но сведения которого, судя по упоминанию Гнёздовского комплекса, восходят примерно ко второй половине X в. В этом трактате перечислены следующие города: *Morammar, Rostofa, Surdalar, Holmgarðr, Syrnes, Gaðar, Palteskia, Kænugarðr*. Согласно Т.Н. Джаксон, этот порядок не случаен и соответствует строгому принципу подачи географической информации: регион описывается с востока через северо-запад на юго-запад. «Восточную» группу здесь составляют Муром, Ростов, Суздаль, «северо-западную» – Новгород, *Sýrnes, Gaðar*, Полоцк, «юго-западную» – Киев. Данное наблюдение позволило Т.Н. Джаксон связать пару *Sýrnes* и *Gaðar* с Центральным Гнёздовским городищем, расположенным на мысу правого притока Днепра – р. Свинец (> **Sýrnes-garðr*, «Город свиного мыса») в 12-ти км от Смоленска (Древнерусские города 1987. С. 124–125). Что характерно, тот же набор городов «западной» группы зафиксирован в трактате «Описание земли I», датируемом 1170–1180 гг. (со Смоленском вместо «Сюрнесгардра»): *Kænugarðr, Holmgarðr, Pallteskia, Smaleskia*. Если считать, что соответствие между «списками городов» здесь не номинальное, а географически структурное, т.е. отражает характерную для скандинавов ментальную карту «западной» Руси, то гипотетически аналогичная структура должна была бы отразиться и на «внешнеросском»

перечне. Как видим, в обоих скандинавских трактатах месту константиновской «Телиуцы» структурно соответствует Полоцк: [Νεμογαρδᾶς – Μιλίνισκαν – Τελιούτζαν] = [Holmgarðr – *Sýmnes-garðr – Palteskia] = [Holmgarðr – Pallteskia – Smaleskia] (о полоцкой атрибуции «Телиуцы» см. уже: Мельникова, Петрухин 1986. С. 73; впервые в византийской традиции Полоцк в форме Πολοτζίκων надежно зафиксирован в перечне епископий «Великой России» второй половины XII в.: Not. episc. 367.763). В свою очередь, Любеч скандинавской традиции не известен.

11. Археологические данные не противоречат изложенным соображениям. На археологической карте городищ середины – второй половины X в. константиновской триаде [Νεμογαρδᾶς – Μιλίνισκαν – Τελιούτζαν] соответствуют [Рюриково городище – Гнёздово – Полоцкое городище]. С этими древнерусскими центрами, наряду с Киевом, связаны находки византийских вислых печатей-моливдовулов X в., свидетельствующие о налаженных торговых и дипломатических контактах, а также значительная часть известных византийских монет и товаров: от тарной (амфоры) и столовой керамики, тканей, украшений, изделий из стекла и кости до грецких орехов (Леонтьев, Носов 2012. С. 399, с библиографией).

Литература

- Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон. М., 1987.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 382–401.
- Мельникова Е.А. Россия и росы в De administrando imperio Константина VII Багрянородного // ВЕДС-XXI. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 201–209.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5. С. 63–77.
- Назаренко А.В. Ἡ ἔξω Ρωσία: к политической географии древнерусского государства середины X века // Gaudeamus Igitur: Сб. в честь А.В. Подосинова / Ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 294–301.

- Щавелев А.С.* Датировка договора князя Игоря Рюриковича Старого с императором Романом I Лакапином: хронологические ориентиры // Специальные исторические дисциплины. М., 2018. Вып. 2. С. 304–319.
- Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio: A Commentary* / Ed. R.J.H. Jenkins. L., 1962.
- Lind J.H.* The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. 62/3. P. 362–370.
- Sorlin I.* Voies commerciales, villes et peuplement de la Rôsia au Xe siècle d'après le De Administrando Imperio de Constantine Porphyrogénète // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient: Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. by M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. P., 2000. P. 337–355.

Е.Л. Конявская

О НАЧАЛЕ ТВЕРСКОГО ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ: ЛЕГЕНДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Тверской Отроч монастырь располагался на левом берегу р. Волги при впадении в нее Тверцы. Сейчас это территория Тверского речного вокзала. Из построек обители сохранился лишь поздний Успенский собор 1722 г., построенный на месте древнего. О времени основания монастыря до сих пор ведутся споры.

Следует полагать, что именно об Отроче монастыре упоминают летописи под 1289 г. Говорится, что игумен Андрей «отъ святыя Богородица изъ общего монастыря» (ПСРЛ. Т. 18. С. 82) был выбран княжеской семьей (вел. кн. Ксенией и юным Михаилом Ярославичем) в совете со священническим чином кандидатом на епископскую кафедру в Твери. Существует и иная точка зрения, что речь шла об Астраганском Богородичном монастыре на Шоше (Назаренко 2001). Данная позиция зиждется на том, что впоследствии Андрей, покинувший епископскую кафедру, преставился «въ своемъ ему монастыри на Шешѣ, оу святыя Богородица» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 42). Тем не менее логично полагать, что монастырь на Шоше был основан Андреем в бытность владыкой или после ухода с кафедры и именно поэтому назван по отношению к нему «своим». Отроч же мона-

стырь, очевидно, имел высокий статус, по крайней мере, такими данными мы располагаем по источникам XIV в.

В частности, он будет иметь привилегии по княжеским грамотам (начиная с жалованной грамоты Василия Михайловича и других членов тверского княжеского дома 1362–1364 гг., дающей широкие финансово-экономические полномочия его архимандриту), к нему «тягнут» многие другие тверские монастыри. В той же летописной статье, где сообщается о поставлении игумена Отроча монастыря тверским владыкой, говорится, что Андрей «бѣше родомъ Литвинъ, сынъ Ерденьвъ, Литовскаго князя», личности известной; он княжил в Полоцке. Само же название «Отроч» указывает на особый характер обители: по видимому, здесь принимали постриг представители элиты, по разным причинам ушедшие с политической арены или княжеской службы.

Характерно, что вскоре такого рода монастырь, но женский, будет основан сестрой Михаила Ярославича Софьей. В Симеоновской летописи, отразившей за эти годы тверское владычное летописание (Конявская 2011), этот монастырь назван «девичьим». Она была пострижена в 1393 г. вышеупомянутым епископом Андреем, и в известии приведена дата пострижения – с указанием числа, церковной памяти, дня недели, что должно свидетельствовать о его современности. Все эти хронологические данные подтверждаются Житием Софьи Ярославны, создание которого датируется 1305–1306 гг. (Кучкин 2002. С. 114). В агиографическом памятнике о подвизании Софьи повествуется подробно, и мы узнаем, что сначала она постриглась в мужском Архангельском монастыре и лишь затем начала строить женский монастырь св. Афанасия «на поли».

И пострижение, и подвизание до построения женского монастыря в мужской обители дают основание для определенных заключений и по поводу Отроча монастыря. В летописях Отроч монастырь назван «общим». Имел ли в виду летописец, что монастырь был общежительный или хотел сказать, что в нем могли пребывать монахи обоих полов? История пострижения Софьи склоняет ко второму варианту. Кроме того, монастырь, где постригались представители элиты (князья и бояре), с большей вероятностью должен бы быть особножительным.

Самым же спорным вопросом, связанным с этим известным тверским монастырем (впоследствии – архимандритией), является время его основания. Явно ошибочная дата, фигурирующая в ряде справочных изданий, 1205/06 г., появилась из-за того, что тверской монастырь был спутан со смоленским Отрочем монастырем. Но чаще всего возникновение монастыря датируют последней третью XIII в., или указывается 1265 г., на основании Повести о Тверском Отроче монастыре. Таким образом, данные об основании обители черпаются из поздней (списки XVII в.) легенды об отроке Ярослава Ярославича Тверского (в варианте Сказания Пискаревского летописца речь идет о Михаиле Ярославиче) Георгии, который на почве несчастной любви удалился от мира и при содействии князя устроил эту обитель.

Уже в заглавии Повести в качестве даты основания монастыря указан 1265 г. А далее говорится, что это случилось на четвертое лето после заключения брака Ярослава и Ксении. Однако 1265 год по летописным данным и есть год заключения второго брака великого князя. Женился Ярослав Ярославич в Новгороде, взял в жены дочь отнюдь не пономаря (как в легенде), а влиятельного новгородского боярина. Повесть, как отмечает С.А. Семячко, содержит топографические подробности, но они «характерны не для 2-й пол. XIII в. (время действия П[овести]), а для 2-й пол. XVII в.» (Семячко 1998. С. 197).

В Повести говорится и об основании в монастыре Ярославом и Ксенией каменного Успенского собора. Если считать, что эти сведения верны, то храм должен был быть построен до 1271 г. (до смерти князя). Тогда нужно допустить, что каменный храм монастыря будет заложен значительно раньше, чем тверской каменный кафедральный собор Спасо-Преображения. В Повести фигурирует митрополит Петр, причем уже в качестве почитаемого святителя, который назван здесь «митрополитом московским». Есть в ней и другие анахронизмы.

Определенным подтверждением основания монастыря во второй половине XIII в. служат drobницы с перегородчатой эмалью, нашитые на епитрахиль из Отроча монастыря, которые характеризуются исследователями как относящиеся «к последнему этапу высокого искусства перегородчатой эмали на Руси» (Макарова, Николаева 1976. С. 106) и датируются этим временем.

В отношении создания первого каменного храма однозначный вывод археологами пока не сделан. Первоначальные оценки его строительства разнились более чем на два столетия. По фрагментам древнего белокаменного собора, обнаруженным при раскопках, А.М. Салимов и другие исследователи считали наиболее вероятной датировку 90-ми годами XIII в. (Булкин, Иоаннисян, Салимов 1989). В последних работах он дает более широкую дату – вторая половина XIII в. (Салимов 2015. Т. 1. С. 52–73, 456–469).

По мнению Е.Л. Хворостовой, эти строительные работы осуществлялась в первой половине XVI в. Однако позже исследовательница допустила существование сменявших друг друга разновременных соборов, первый из которых мог относиться к последней трети XIII в. (Хворостова 2001).

Таким образом, поздняя легенда, при всех ее анахронизмах, сохранила смутные воспоминания о начале одного из важнейших монастырей Твери – Отроча монастыря – и аристократическом происхождении его основателей и первых насельников.

Литература

- Булкин В.А., Иоаннисян О.М., Салимов А.М. Успенский собор тверского Отроча монастыря по археологическим данным (предварительные итоги) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 97–107.
- Конявская Е.Л. Тверское владычное летописание конца XIII – XIV в // СР. 2011. Вып. 9. С. 139–152.
- Кучкин В.А. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 106–116.
- Макарова Т.И., Николаева Т.В. Из истории культуры Тверского Отроча монастыря // СА. 1976. № 4. С. 100–110.
- Назаренко А.В. Андрей // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 358.
- Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. XII–XVI вв. В 2 т. Тверь, 2015.
- Семячко С.А. Повесть о Тверском Отроче монастыре // Словарь книжности и книжников Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 194–201.
- Хворостова Е.Л. Успенский собор Отроча мон-ря в Твери: (проблемы реконструкции) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4, т. 2. С. 343–351.

ОСАДА ГОРОДОВ В *BELLUM IUGURTHINUM* САЛЛЮСТИЯ

Осада крепостей была как важной частью ведения войн в античности, так и интереснейшим сюжетом в исторических сочинениях античных авторов. Не исключение в этом и смысле и «Югуртинская война» Саллюстия. И подобно другим батальным сюжетам, рассказы о них являются отражением не столько военно-исторических реалий, сколько моральных и политических воззрений автора. Рассмотрим три осады, ход которых описан в *Bellum Iugurthinum*.

Первая из их числа – осада Цирты, где Адгербал оборонялся от Югурты. Последний «окружил город и приступил к его осаде с помощью крытых щитов, башен и разных машин (*oppidum circumsedat, vineis turribusque et machinis omnium generum expugnare adgreditur*), торопясь все закончить еще до возвращения послов, которых, как он слышал, Адгербал отправил в Рим еще до сражения» (21.3; пер. В.О. Горенштейна). По мнению Э. Кёстермана, Югурта действует как «способный ученик римлян», перенявший их опыт под Нуманцией (Koestermann 1971. S. 101), однако в самом тексте ничто на использование именно нумантинского опыта не указывает. В 25.9 мы читаем, что Югурта, узнав о готовности влиятельных римских политиков помешать ему, интенсифицирует осадные работы: «Окружив Цирту, он старается ворваться в нее с возможно большими силами, главным образом надеясь на то, что, заставив врагов разделиться, либо силой, либо коварством найдет путь к победе». Взять же город удастся потому, что Адгербала принудили к капитуляции италийцы, на которых, если верить Саллюстию (26.1), держалась вся оборона (*Italici, quorum virtute moenia defensabantur*).

Совершенно очевидно, что хотя война идет между нумидийцами, главную роль в ней играют италийцы. Об их *virtus* не без гордости пишет Саллюстий (Büchner 1953. S. 25), давая понять, что именно они являлись главной силой обороны Цирты (Koestermann 1971. S. 113), хотя в действительности город был

неприступен сам по себе, т.к. располагался на скале, соединенной с равниной лишь узким перешейком (Gsell 1928. P. 148). По всей видимости, причиной капитуляции стала нехватка продовольствия (Koestermann 1971. S. 113). Но Саллюстий упоминает об этом лишь вскользь (Iug. 23.2), предпочитая сосредоточиться на роли италиков. Если проследить дальнейшее, то ситуация получается довольно противоречивая и оттого особенно интересная: италики вынуждают Адгербала капитулировать, рассчитывая, что авторитет римского народа защитит их от Югурты (*confisi deditione facta propter magnitudinem populi Romani inviolatos sese fore*). Однако тот сначала расправляется, вопреки обещанию, с Адгербалом, а затем со взрослыми нумидийцами и с италиками, «кто только ни попадался с оружием в руках (*quisque armatus obvius fuerat*)» (26.3; именно об италиках, а не римлянах, пишет и Диодор: XXXI. 34). Ученые по-разному оценивали эту ситуацию – одни отрицали, что такое вообще имело место (литературу см.: Koestermann 1971. S. 114), другие считали, что царь поддался гневу (Gsell 1928. P. 152), третьи – что убивали только тех италиков и нумидийцев, которые не прекратили сопротивления даже после капитуляции (Morstein-Marx 2000. P. 470–472; Vössing 2008. S. 164). Нас сейчас интересует не столько истинная картина происшедшего, сколько взгляд на нее Саллюстия. Но последняя из перечисленных трактовок важна тем, что в ней учитывается вполне определенная дифференциация – убивали лишь вооруженных. Правда, в предыдущей части фразы Саллюстий, напротив, представляет случившееся как массовую резню, *omnes... promiscue* (Vössing 2008. S. 168), которой в действительности явно не было (Morstein-Marx 2000. P. 471–472). Тем не менее Саллюстий, очевидно, намекает на то, что италики стали жертвой капитуляции, за которую сами же и выступали (Morstein-Marx 2000. P. 472). С другой стороны, они имели основания рассчитывать на умеренность Югурты, ибо их защищала *magnitudo populi Romani*. Можно, конечно, считать, что царь презрел величие римского народа необдуманно, но Саллюстий, постоянно подчеркивая бесстыдство и продажность *rauci* в сенате, скорее подразумевает, что он действовал по расчету, т.к. имел веские основания рассчитывать на покровителей в Риме. В то же время писателя мало интересует судьба самих

италиков, к тому же всего лишь *negotiatores*, хотя он и признает их носителями *virtus* (а это он делает весьма скупое). Об их избиении, обличая продажных *pauci*, не упоминает (естественно, в изложении Саллюстия) даже плебейский трибун Меммий (Morstein-Marx 2000. P. 473).

Следующий эпизод – осада Замы (будущая резиденция Юбы I: Gsell 1928. P. 198). Писатель сравнительно подробно описывает сам город: он, «расположенный на равнине, был защищен не столько природой, сколько человеческим искусством (*magis opere quam natura munitum erat*), ни в чем не испытывал нужды и был богат оружием и людьми» (Iug. 57.1). По мнению Э. Кёстермана, «Саллюстий предусмотрительно указывает на сильные возможности для обороны, имевшиеся у жителей, чтобы изначально представить в более благоприятном свете неудачу», которая постигла Метелла (Koestermann 1971. S. 223), хотя, с другой стороны, это является и комплиментом весьма нелюбимым Саллюстием нумидийцам. Называет писатель и причину атаки на Заму – она была оплотом этой части царства (*arx regni*), но важна она была не сама по себе, а лишь как приманка для Югурты – он неизбежно придет ей на помощь и вступит в сражение с римлянами (Iug. 56.1).

Поскольку здесь были задействованы римские войска, рассказ об осаде куда более подробен, чем в случае с Циртой. Рассказывается о действиях как полководцев, так и простых бойцов (воины поднимаются по лестницам, обстреливают врага из пращей, делают подкопы, обороняющиеся скатывают камни, бросают дротики и колья, льют горящий деготь). При этом автор отпускает замечание, которое Э. Кёстерман называет саркастическим (Koestermann 1971. S. 225), но равным образом его можно считать и философским: при обстреле со стен «как храбрые, так и трусы, хотя их слава неодинакова, подвергались одинаковой опасности (*nam plerosque iacula tormentis aut manu emissa vulnerabant, parique periculo, set fama impari boni atque ignavi erant*)» (Iug. 57.6). Далее следует подробное описание сражений вокруг Замы, в которых с лучшей стороны показывает себя Марий, но кульминация происходит именно в боях за город. Саллюстий признает, что противники были достойны друг друга: «Обе стороны наносили одна другой удары с большим пылом,

чем от них защищались» (60.1). Не обходится и без «театральной» сцены: нумидийцы со стены наблюдают за боем своей конницы с римской кавалерией, и «в зависимости от того, как шли дела у Югурты, на их лицах можно было заметить то радость, то испуг (eos, uti quaeque Iugurthae res erant, laetos modo, modo pavidos animadverteres)» – явная реминисценция рассказа Фукидида (VII. 71.3) о том, как наблюдали афиняне за морским боем с сиракузянами (Petrochat 1949. P. 19). Воспользовавшись тем, что внимание врага оказалось отвлечено, Марий наносит мощный и неожиданный удар по городу. Зама почти уже в его руках, но упорное сопротивление сбежавшихся горожан и то, что лестницы начинают подламываться под тяжестью воинов, решает исход дела не в его пользу. В итоге Метелл принимает решение отступить (Iug. 60–61).

Саллюстий не порицает Метелла ни за напрасные потери, ни за сам отход (Werner 1995. S. 78. Anm. 290), а К. Бюхнер даже считает, что решение прекратить осаду демонстрирует нам новую сторону его *virtus* (Büchner 1953. S. 42). Поскольку сам писатель никак не комментирует случившееся, то такую оценку вряд ли можно принять (см.: Leeman 1957. S. 15, Anm. 2). Тем не менее само его молчание весьма красноречиво.

И наконец, третья осада – мулуккской цитадели, случившаяся после дерзкого захвата Капсы, считавшейся недоступной. Саллюстий дает описание не самой крепости, а того места, где она расположена: «Неподалеку от реки Мулукки, разделявшей царства Югурты и Бокха, посреди равнины была необычайно высокая скалистая гора, достаточно обширная для постройки небольшой крепости, к которой вел лишь один очень узкий проход; вся гора была настолько крутой, словно ее сделала не природа, а искусство и руки человека (nam omnis natura velut opere atque consulto praeseps)» (Iug. 92.5 – вспоминается Цирта, описание местоположения которой Саллюстий, впрочем, не дал). Здесь налицо явное противопоставление Заме, причем возведенные человеком укрепления ставятся выше природных условий – возможно, потому, что Заму, в отличие от мулуккской цитадели, взять не удалось. Налицо и другое отличие от Замы – если та была важна для Метелла как средство вызвать Югурту на бой, то мулуккская крепость важна сама по себе как хранилище

царских денег (*quem locum Marius, quod ibi regis thesauri erant, summa vi capere intendit*) (92.6).

Однако атаки на цитадель терпят крах: осадные орудия, подведившиеся к ней по тропе, уничтожались. Места для размещения воинов перед осадными машинами не было, да и для того, чтобы действовать, прикрывшись щитами, тоже; самые храбрые солдаты были ранены или убиты, остальных охватывал всё больший страх – еще один контраст с описанием осады Замы, ибо там, напротив, говорилось, что опасность была одинаковой и для смельчаков, и для трусов (92.7–9).

Есть и еще одно, или, точнее, даже два отличия. Неудача римлян при попытке взять Заму оказывается результатом вполне осмысленных действий защитников города. Напротив, овладению римлянами мулуккской цитаделью, по мнению Мария, «помог не столько расчет, сколько случай (*ea res forte quam consilio melius gesta*)» (92.6): некий лигурийский воин, собирая улиток, неожиданно нашел неохраямую тропинку, которая вела на вершину горы, к самой крепости, что и позволило Марию организовать штурм и овладеть ею (92–94; совершенно очевидно, что тропинка была разведана по приказу командующего, а не найдена случайно, но нас сейчас интересует трактовка Саллюстия). Таким образом, если Метелл под Замой, оказавшись в безвыходном положении, отступил, то Марий проявил упорство и добился успеха (Büchner 1953. S. 58, 63; Werner 1995. S. 78). Однако если первый поступил так, склонившись перед неизбежностью, т.е. повел себя разумно, то второй положился на удачу, что недостойно *vir bonus*. Собственно, именно после «чудесного» взятия мулуккской цитадели Марий в описании Саллюстия перестает полагаться на волю Фортуны и вновь обретает черты идеального героя (Короленков 2008. С. 110–113). Именно в этом, надо думать, и состоял в глазах писателя смысл осады мулуккской цитадели – Марий осознал, сколь опасно полагаться на удачу, и в его поведении происходит перелом.

Подведем итоги. Для Саллюстия сами по себе города почти не важны: для него это, говоря современным языком, лишь точки на карте, даже их описания, если таковые даются, имеют лишь военное значение. В военном отношении рассказы об их осадах носят достаточно стандартный характер, но зато порой

находится место для «театральных» сцен, и сами осады оказываются важны не только для хода войны, но и для изображения нравственного облика героев. Всё это вполне вписывается в картину мировоззрения Саллюстия.

Литература

- Короленков А.В. Образ Мария у Саллюстия // ВДИ. 2008. № 4. С. 94–114.
- Büchner K. Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum. Wiesbaden, 1953.
- Gsell S. Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1928. T. 7.
- Koestermann E. Kommentar // *Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum*. Heidelberg, 1971. S. 23–389.
- Leeman A.D. Aufbau und Absicht von Sallusts Bellum Iugurthinum. Amsterdam, 1957.
- Morstein-Marx R. The Alleged “Massacre” at Cirta and Its Consequences (Sallust Bellum Iugurthinum 26–27) // *Classical Philology*. 2000. Vol. 95. P. 468–476.
- Perrochat P. Les modèles grecs de Salluste. P., 1949.
- Vössing K. Sallust und das ‚Massaker von Cirta‘ 112 v.Chr. (Sall. Iug. 26) // *A Roman Miscellany. Essays in Honour of Anthony R. Birley on his Seventieth Birthday* / Ed. V. Hirschmann, A. Kriekhaus, H.M. Schellenberg. Gdańsk, 2008, S. 157–174.
- Werner V. Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995.

Д.М. Котышев

КИЕВ В X ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Когда говорится о возникновении столичного центра, то речь идет не столько о возникновении Киева, сколько о превращении существовавшей на Подоле и киевских горах группы поселений в единый комплекс. Вплоть до конца X в. киевские поселения существовали как автономные единицы. Современные исследования показывают, что поселение на Подоле, возникшее в самом начале X в., динамично развивалось. Об этом говорит содержание выявленных в ходе исследований Подола строительных горизонтов (Гупало 1971–1972. С. 7; Гупало, Толочко 1973. С. 29–30; Гупало, Ивакин, Сагайдак 1974. С. 6–11; Гупало, Ивакин, Сагайдак 1975. С. 5–7; Сагайдак 1987. С. 90–91; Сагайдак 1991.

С. 82–83). Это вполне объяснимо, потому что главным объектом киевской инфраструктуры X в. была гавань в Почайне (Сагайдак 2005. С. 94–104; 2007. С. 102–104), где формировались торговые караваны для отправки в Византию.

Первоначальная резиденция киевских князей располагалась, вероятно, на Замковой горе (Сагайдак 2001. С. 1–16), а не на Старокиевской, как это пытались представить в большинстве предшествующих исследований. Исследования, проведенные вокруг Десятинной церкви в 2005–2010 гг., показали, что древнейшие укрепления, возведенные на рубеже IX–X вв., прекратили свое функционирование и были разобраны в первой половине X в. (Козюба 2004. С. 139–152; Михайлов 2010. С. 314). Вместо них на большей части территории Старокиевского плато располагается курганный могильник (Ивакин 2001. С. 245, 249). Эта ситуация продолжает сохраняться до конца X в. Данный вывод был сформулирован М.К. Каргером (1940. С. 61–63; 1958. С. 112), и он полностью выдержал проверку временем. Попытки ряда историков опровергнуть это утверждение (Рыбаков 1980. С. 47; Толочко 1981. С. 59) на сегодняшний день нельзя до конца признать убедительными (Котышев 2014).

Рассуждая о политическом центре в Среднем Поднепровье в X в. (во всяком случае, во второй половине столетия), следует принимать во внимание, что это понятие связывалось с местопребыванием князя; данное положение хорошо иллюстрируется сюжетом о попытке Святослава перенести свою резиденцию из Киева на Дунай (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67). Подобная практика была характерна для Восточнофранкского, а затем Германского королевств X–XII вв., когда управление страной принимало форму объезда монархом своих резиденций, разбросанных по территории королевства. Эта система управления в современной европейской медиевистике получила определение *Wanderkönigtum*: «разъезжающая королевская власть» (Назаренко 2009. С. 103).

В условиях подобной «сецентричности» власти отпадала необходимость в политическом центре классического типа. Поэтому преобладающее значение Киева заключалось в другом: комплекс поселений на Подоле и окрестных горах располагался в ключевой точке днепровской магистрали, запирая собой весь верхнеднепровский бассейн. Это удачное положение Киева оп-

ределило его значение как редистрибутивного центра, где концентрировалась и перераспределялась собираемая росами славянская дань.

Редистрибутивные и военно-административные функции обусловили возвышение Киева над остальными территориями. Это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что сыновья Святослава – вначале Ярополк, затем Владимир – выбирают Киев местом своего пребывания. За прошедшие с 945 г. тридцать лет система эксплуатации русами славян обновилась и окрепла. Концентрация в Киеве всех основных доходов, получаемых как от славянско-земледельческой, так и от военно-дружинной экономики, дала киевским правителям в руки значительные средства. Их можно было вкладывать не только во внешнеторговую деятельность, но и в развитие собственно славяно-русского социума, его экономики и инфраструктуры. Немаловажную роль в деле консолидации Русской земли сыграло принятие Русью христианства. Крещение Руси, осуществленное по инициативе Владимира Святославича, на мой взгляд, следует рассматривать гораздо шире рамок религиозных и конфессиональных взаимодействий. Принимая крещение, Владимир не просто укреплял свою власть посредством новой религии, но и конструировал «Русскую землю» подобно Византии как христианскую державу со всеми ее атрибутами: церковной организацией, законодательством, налоговой системой и т.д. Созданная в конце X – начале XI в. административно-территориальная структура древнерусской митрополии (Щапов 1989. С. 34–44) стала одной из цементирующих основ «Русской земли».

Как столица Киев в эпоху Владимира Святославича формировался вокруг нового сакрального центра – возведенной посреди плато Старокиевской горы церкви Богородицы Десятинной. Сама топография строительства была далеко не случайна – Десятинная церковь была преднамеренно построена над компактно расположенной группой знатных захоронений; при этом сами захоронения были сохранены в процессе строительства. По вполне обоснованному предположению К.А. Михайлова, «на месте строительства храма Богородицы Десятинной мог находиться родовой погребальный участок представителей киевского княжеского дома или членов рода Рюриковичей, умерших до

официального принятия христианства в 988 г.» (Михайлов 2004. С. 42). Все остальные постройки Старокиевской горы были возведены вокруг Десятинной церкви как планировочного центра (Богусевич 1957. С. 16; Ёлшин 2008. С. 154, 230; Красовский 1998. С. 153). По времени своего возведения они не выходят за нижние границы сооружения храма; новейшие исследования исторического ядра «города Владимира» показали, что о монументальной архитектуре довладимирового периода на сегодняшний день говорить не приходится. Новейшие исследования, посвященные анализу строительных материалов предполагаемых «довладимировых» сооружений («капище», «дворец Ольги» и «пантеон»), позволяют говорить о достаточно позднем времени их возведения: некоторые строительные материалы, синхронные постройке Десятинной церкви, были употреблены здесь уже вторично.

Планировка сооружений и одновременность их возведения (во всяком случае, в пределах конца X – начала XI в.) позволяет согласиться с мнением, что «размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра» (Ёлшин 2008. С. 178–180). Город «Владимира» как новый градостроительный центр, с одной стороны, отчетливо противопоставляется Подолу, а с другой стороны – объединяет существующие поселения в одну коммуникативную структуру.

Строительная деятельность князя Владимира Святославича обозначила превращение Киева из редиистрибутивного центра в центр религиозный и административно-политический не только для ближайшей округи, но и для всей Русской земли.

Литература

- Богусевич В.А. Про феодальні двори Києва XI–XIII ст. // Археологія. 1957. Т. 11.
- Гупало К.М. Звіт про розкопки на трасі Подольської лінії Київського метрополітену в 1971–1972 рр. // НА ІА НАНУ. Ф. 1971–1972/34д. Ед. хр. 6421.
- Гупало К.М. Толочко П.П. Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а. Ед. хр. 7473.

- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Археологические исследования Подола в 1974 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28. Ед. хр. 7485.
- Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а. Ед. хр. 7571.
- Єлишин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
- Ивакин В.Г.* Киевские погребения X в. // *Stratum plus*. 2001. № 5.
- Каргер М.К.* К вопросу о Киеве в VIII–IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. 5.
- Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Козюба В.К.* Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.
- Котышев Д.М.* Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII–X вв. // Труды Ин-та российской истории РАН. Т. 12. М., 2014.
- Красовский И.С.* О плане Десятинной церкви в Киеве // РА. 1998. № 3.
- Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // РА. 2004. № 1.
- Михайлов К.А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1.
- Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009.
- Рыбаков Б.А.* Город Кия // ВИ. 1980. № 5.
- Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов Киевского Подола (Киев, 1987) // НА ІА НАНУ. П.т. № 149.
- Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ: проблемі топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.
- Сагайдак М.А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум: Археологічні студії. Київ, 2001. Вип. 6.
- Сагайдак М.А.* Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Перейслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16.
- Сагайдак М.А.* К истории градообразования на территории Древней Руси (VI – первая половина XI века) // История русского искусства. В 22 т. М., 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII в.
- Толочко П.П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГОРОД КРИТЕРИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?*

Принципиально важное значение для понимания роли городов в формировании государственности имела знаковая статья Г. Чайлда о «городской революции». Он выделил 10 признаков **цивилизации**: появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Понятно, что работа Чайлда была посвящена не столько урбанизации, сколько описанию того, как процесс формирования классов и государства может быть материализован в археологических источниках (Smith A. 2003. P. 187). Концепция городской революции дала понимание, как по археологическим данным можно показать процесс формирования самых ранних цивилизаций. Нельзя не согласиться с мнением, что концепция «городской революции» и выделенные признаки «цивилизации» оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith M. 2009. P. 22).

Список Чайлда неоднократно уточнялся и пересматривался. Существует много влиятельных работ, в которых перечисляется широкий набор признаков цивилизации (Adams 1966; Renfrew 1972; Haas 1982; Archaic states 1998; Maisels 1999; Smith A. 2003; Flannery, Marcus 2012; Smith M. 2016). Среди признаков, которые встречаются чаще, чем другие, обязательно присутствует **город**. В связи с этим важно указать, что понимается в современной науке под городом. Этот вопрос является предметом давних и бесконечных споров среди специалистов самого разно-

го профиля, от архитекторов до археологов. Все существующие интерпретации можно условно сгруппировать по двум разным подходам – **демографическому** (по численности) и **функциональному** (Cowgill 2004. Р. 526). Согласно первому, в самых общих чертах город характеризуется как поселение с высокой плотностью населения (Stoddart 1999. Р. 909). Подобные дефиниции наиболее часто применяются и в наши дни. Действительно, для современных географов это очень удобно. Можно смело использовать сведения статистики, данные переписи. Нужно только определиться с тем, каково должно быть минимальное число жителей города. Удобно это и для археологов. В качестве условного эквивалента нередко называется цифра в 5000 чел. (Массон 1976. С. 141; Stoddart 1999. Р. 911; Urbanism 2006. Р. 22).

Однако здесь есть несколько существенных проблем. Количество и плотность населения не всегда жестко связаны с теми функциями, которые выполняли те или иные поселения. Плотность населения, например, мезоамериканских городов доколумбового времени была несоизмеримо ниже в сравнении с другими доиндустриальными городами, и они совершенно не соответствовали данному критерию (Smith M. 2008). Знаменитый Чатал-Гююк, согласно Я. Ходдеру, являл собой «просто очень большую деревню» численностью до 8 тыс. чел. (Hodder 2006. Р. 98).

С данной точки зрения, казалось бы, функциональный подход предпочтительнее демографического. Следует согласиться с Б. Триггером, что город выполнял особые, специализированные задачи в отношении окружающих территорий и тем самым отличался от негородских поселений (Trigger 2003. Р. 120). Однако и в данном случае можно столкнуться с рядом проблем. Самая распространенная точка зрения предполагает понимание города как торгово-ремесленного центра. Она восходит к классическим концепциям урбанистики начала XX в., идущим от М. Вебера, для которых образцом было становление западноевропейского города. Постепенно выкристаллизовалось устойчивое понимание города как экономического центра, где концентрируется человеческий капитал и средства, которые обеспечивают сосредоточение промышленности (т.е. несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969).

В противовес этому мнению сформировалась другая точка зрения, согласно которой город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960). Большую роль в развитии последнего мнения сыграли археологи, которые изучали феномен генезиса и становления ранних городов. Так, Р. Адамс уже давно обратил внимание на то, что город – это место, где располагаются центральные учреждения и производится обмен ресурсами (Adams 1966). Схожая полемика велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946. С. 8–9; Сахаров 1959. С. 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983).

Попытка уйти от дихотомии (что важнее – административные или экономические функции города?) была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х годов О.Г. Большаковым совместно с В.А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001. С. 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций, но поставило новую задачу – выяснить соотношение между урбанизацией и политогенезом. Если город представляет собой, главным образом, центр перераспределения прибавочного продукта, то теоретически это значит, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции как вождество, поскольку редистрибуция (т.е. перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества.

В результате возникает другая проблема – насколько процессы урбанизации и политогенеза шли синхронно? Далеко не все склонны считать, что государство возникает параллельно с городами. Так, Д. Вэнгроу (Wengrow 2015) опубликовал специальное исследование, в котором обосновывает, со ссылкой на Г. Поссела, негосударственный характер городских центров архайческой Индии III тыс. до н.э. (Possehl 1998). Сам Вэнгроу

приводит еще один пример «городов без государства» – поселения трипольской культуры в Дунайско-Днепровском междуречье. Моника Смит также согласна с выводами Поссела в том, что нет никакой прямой логической связи между плотностью населения и появлением централизованных управленческих структур (The Social Construction 2003. P. 12).

Не так давно Дж. Дженингс и Т. Эрл (Jennings, Earle 2016) усомнились в том, что процесс происхождения государства и урбанизация протекали синхронно. Они приводят два других примера, которые не укладываются в данную схему. Первый пример представлен городской общиной Тиуанако в Андах, на территории современной Боливии. Авторы приходят к выводу, что государство в области оз. Титикака было создано спустя 300 лет после того, как началось строительство масштабных монументальных сооружений. Второй пример – хорошо известные Эрлу Гавайи, где, по его мнению, возникает государство в условиях полного отсутствия чего-либо похожего на города. Свое и без того авторитетное мнение авторы подтверждают дополнительной ссылкой на Р. Хоммона (Hommon 2013. P. 129). С данной точки зрения, классические кочевые империи также попадают в число исключений. Их политическая система (супер-сложные вождества) не соответствует критериям государства, тогда как существование городов подтверждено широкомасштабными археологическими раскопками (Крадин 2007; 2011).

Проверим, насколько вышеприведенные гипотезы соответствуют статистическим корреляциям между политогенезом и урбанизацией. Для этих целей воспользуемся «Атласом культурной эволюции» П. Перигрина по 289 первобытным и раннегосударственным обществам (*Atlas of Cultural Evolution*; Peregrine 2003). Там суммированы данные из девятитомника «Энциклопедия доистории» (Encyclopedia of Prehistory 2001–2002). Перегрин с коллегами собирал и структурировал сведения, которые содержались в статьях, написанных для этой книги. К работе над энциклопедией было привлечено более 200 исследователей из 20 стран. В издание были включены данные по всем наиболее важным и известным археологическим культурам эпохи первобытности. Хронологический охват работы – 500.000–500 гг. до н.э. Столь представительная выборка вполне репрезентативна

для проведения как синхронных, так и диахронных кросс-культурных исследований обществ периодов первобытности и политогенеза (Peregrine 2004).

Напомним соответствующие признаки:

4. Урбанизация (крупные поселения)

1 = до 100 человек

2 = 100–399 человек

3 = 400 и более человек

9. Политическая интеграция

1 = автономная локальная община

2 = 1–2 уровня над общиной

3 = 3 и более уровня над общиной

Политическая интеграция и урбанизация

		Урбанизация			ВСЕГО
		Крупные поселения < 100 чел.	Крупные поселения 100–399 чел.	Крупные поселения > 400 чел.	
Политическая интеграция	Автономные локальная община	112	4	0	116
	1 или 2 уровня над общиной	37	64	15	116
	3 и более уровней над общиной	0	6	51	57
ВСЕГО		149	74	66	289

Линейная корреляция Пирсона $R=0,833$ и ранговая корреляция Спирмена $R=0,822$ показывают очень высокие значения, что свидетельствует о сильной связи между урбанизационными процессами и формированием политической иерархии.

Однако для нас в данном случае важнее качественный анализ. Третья колонка во втором ряду показывает, что в 15 случаях в обществах с одним или двумя уровнями иерархии (т.е. в вождествах) существовали крупные поселения с населением более 4000 чел. Другой вывод – вторая колонка в третьем ряду свидетельствует, что в 6 случаях комплексные общества с

трехуровневой и более иерархией (суперсложные вожества и ранние государства) не имели городов.

Таким образом, вышеприведенные гипотезы о возможности существования городов «без государства» и ранних государств без городов подтверждаются статистическими данными. Подобных примеров не должно быть много – всего 6 и 15 случаев, соответственно, из выборки в 289 обществ. Однако вероятность существования подобной ситуации не следует игнорировать. Так или иначе, урбанизация тесно связана с происхождением государства.

Примечание

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00464 «Историческая динамика политических институтов».

Литература

- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М., 2001.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983.
- Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 66–83.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Крадин Н.Н.* Города в средневековых кочевых империях монгольских степей // СВ. 2011. Т. 72, № 1–2. С. 330–351.
- Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 4–36.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1946.
- Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society: Urban Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966.
- Archaic states* / Ed. by Feinman G., Marcus J. Santa Fe, 1998.
- Childe V.G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21, N 1. P. 3–17.
- Cowgill G.* Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // Annual Review of Anthropology. 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- Encyclopedia of Prehistory* / Ed. by P. Peregrine, M. Ember. N.Y., 2001–2002. Vol. 1–9.

- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge (Mass.), 2012.
- Haas J.* The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982.
- Hodder I.* The leopard's tale: revealing the mysteries of Çatalhöyük. L., 2006.
- Hommon R.* The Ancient Hawaiian State. Oxford, 2013.
- Jacobs J.* The economy of cities. N.Y., 1969.
- Jennings J., Earle T.* Urbanization, State Formation, and Cooperation: A Reappraisal // *Current Anthropology*. 2016. Vol. 57, N 4. P. 474–493.
- Maisels Ch.* Early Civilizations of the Old World. L.; N.Y., 1999.
- Peregrine P.* Atlas of Cultural Evolution // *Journal of Comparative and Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 14, N 1. P. 2–88.
- Peregrine P.* Cross-Cultural Approaches in Archaeology: Comparative Ethnology, Comparative Archaeology, and Archaeoethnology // *Journal of Archaeological Research*. 2004. Vol. 12, N 3. P. 281–309.
- Possehl G.* Sociocultural complexity without the state: the Indus civilization // *Archaic states* / Ed. by G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998. P. 261–291.
- Renfrew C.* The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millennium B.C. L., 1972.
- Sjoberg G.* The Preindustrial City. N.Y., 1960.
- Smith A.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley, 2003.
- Smith M.E.* Aztec city-state capitals. Gainesville, 2008.
- Smith M.E.* Review of the Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World // *American Anthropologist*. 2009. Vol. 111, N 4. P. 537.
- Smith M.E.* How can archaeologists identify early cities: definitions, types, and attributes // *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Cambridge, 2016. P. 153–168.
- The Social Construction of Ancient Cities* / Ed. by M. Smith. Washington (D.C.), 2003.
- Stoddart S.* Urbanization and state formation // *Comparative Encyclopedia of Archaeology* / Ed. by G. Barker. N.Y., 1999. P. 908–949.
- Urbanism in the Preindustrial World* / Ed. by G. Storey. Tuscaloosa, 2006.
- Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations: A comparative Study. Cambridge, 2003.
- Wengrow D.* Cities before the State in Early Eurasia. Goody Lecture. Halle, 2015.

О ДОСТОВЕРНОСТИ ЛЕТОПИСНОГО ИЗВЕСТИЯ ОБ ОСНОВАНИИ ГОРОДЦА

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях (далее: *Л*, *И*), наиболее близких по времени к ранней истории Городца, он впервые упомянут как существующий в 1172 г. В поздних белорусско-литовских Никифоровской и Супрасльской (*Никф*, *С*) летописях XV–XVI вв. указано: «А Кыдешышую церков постави *Борись Михальковичь*, сынъ брата Андреева Всеволозя, и *сыта город Кидешьку, тои же Городецъ на Волъзе*» (ПСРЛ. Т. 35. С. 19, 36).

Это сообщение, вместе с трудом Н.Н. Воронина о зодчестве Северо-Восточной Руси, позволило А.Ф. Медведеву датировать основание Городца 1152 годом (Медведев 1966. С. 158–159). Воронин доказывал, что Юрий Долгорукий заложил Кидекшу в 1152 г. Следовательно, по мнению Медведева, Городец был основан в 1152 г. В.А. Кучкин отметил, что дата основания Городца – 1152 г. – произвольно привязана А.Ф. Медведевым к сообщению *С* (Кучкин 1984. С. 92).

Главный аргумент в пользу версии об основании Городца Борисом Михалковичем составляет само его появление. Но упоминается он лишь в сообщении *С* и *Никф*. Борис Михалкович – сын Михалка, сына Юрия Долгорукого, брата Андрея и Всеволода Юрьевичей. В летописях впервые, косвенно, Михалко упомянут в 1155 г. «В то же веремя приде Гюргевая ись Суздаля Смоленську и с детми своими» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480). Детьми были Михалко и Всеволод. Михалко тогда был мал. Поэтому, если Михалко родился к 1152 г., то у него еще не было сына, а Борис Михалкович мог «сыпать Кидекшу, тои же Городец» позднее – после смерти Юрия Долгорукого в 1157 г.

Стать отцом Михалко, при смелых допущениях, мог лишь в первой половине 1160-х годов. Его жена упомянута впервые в 1175 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602). Дочь Михалка вышла замуж в 1179 г. (Там же. Стб. 612). Учитывая то, что свою дочь Всеволод Юрьевич выдал замуж в 8 лет (Там же. Т. 1. Стб. 405), дочь Михалка могла родиться в 1171 г. Если Борис был старше сестры,

то должен был родиться между 1165 г. и 1170 г. И в этом случае до 1174 г. ни Михалко, ни его сын Борис не могли появиться в Залесской земле. Там властвовал Андрей Юрьевич, в 1161 г. изгнавший родственников (Там же. Т. 2. Стб. 520, 521). Следовательно, «сыпание» Городца Борисом Михалковичем произошло позднее 1174 г. Но Городец впервые упоминается как существующий в 1171/72 г.

Указание *С* и *Никф* на «сыпание» Городца Борисом Михалковичем противоречит историческим, генеалогическим и биологическим реалиям. Следовательно, это известие не может учитываться при исследовании истории Городца.

Такой же вывод дает и текстологический анализ. Сообщение о «сыпании Кидекши той же Городца на Волзе» в *Никф* и *С* находится в тексте, получившем название «Сказание о верных святых князеи русьских». А.А. Шахматов датировал его 1446 г. и считал первичным по отношению к статье «А се князи Русьстии» (ПСРЛ. Т. 3. С. 467–469; Т. 16. Стб. 309–312), созданной в 1448 г. (Шахматов 2001. С. 844). Однако в другой работе ученый датировал статью «А се князи Русьстии» 1417–1425 гг. (Шахматов 1901. С. 61). Вторая датировка сейчас признана в науке. Это обстоятельство меняет «генеалогию» текстов: сначала «А се князи...» (без Кидекши, Городца и Бориса Михалковича), а затем «Сказание о верных...».

При создании «Сказания о верных...» исходный относительно логичный текст «А се князи...» был замутнен произвольным вставками. Домонгольская часть статьи «А се князи...», созданная, вероятно, во второй половине XIV в., представляет собой полемическое произведение и доказывает древность ростовских святынь перед владимирскими (Кузнецов 2010; 2011). Авторы «Сказания о верных...» исказили тенденцию и текст. К искажениям относится сведение о Борисе Михалковиче. Конвой известия о «сыпании Кидекши, той же Городца» (между столкновениями Всеволодичей в 1212–1216 гг. и прибытием во Владимир из Новгорода Андрея [правильно – Александра Ярославича]) позволяет датировать его события между 1210 и 1240-ми годами. Источник искажения обнаруживается в летописях, вероятно, известных авторам «Сказания о верных...». Их стремление включить в «Сказание» максимум сведений привело к тому, что

не всегда понятые известия вводились в текст. Результатом стало «появление» Бориса Михалковича.

Оно объясняется трудностями чтения и толкования сведений о Кидекше, о Борисе Юрьевиче, Михалке Юрьевиче, их женах и дочерях. В *Л* и *И* читаем под 1159 г.: «Преставися Борисъ князь Дюргевичъ месяца мая в 20 день и положиша и братья къ церкви святою мученику юже бе создалъ отецъ его Дюрги на Нерли в Кидекши идеже бе становище святою мученику Бориса и Глеба» (без даты постройки храма – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Т. 2. Стб. 493). В *И* указано место этой церкви Бориса и Глеба – Кидекша.

Она есть в летописях XV–XVI вв. – под 1152 г.: «Тогда же Георгий князь в Соуждале бе... и церковь постави каменоу на Нерли, святыхъ мученикъ Бориса и Глеба» (Там же. Т. 24. С. 77; Т. 4. С. 153; Т. 42. С. 102). В этих летописях есть и сообщение о захоронении Бориса Юрьевича в 1159 г. в церкви Бориса и Глеба на Нерли, созданной его отцом на месте становища святых мучеников (нет в *Л*, *И*). К указанному в летописях XV–XVI вв. местоположению храма Бориса и Глеба на Нерли добавлено: в Кидекше (Там же. Т. 24. С. 78 и др.). Сочетание сведения о церковном и городском строительстве (в том числе и церкви Бориса и Глеба на Нерли в Кидекше) Юрия Долгорукого в 1152 г. и известия о смерти и погребении Бориса Юрьевича в Кидекше есть в Тверском сборнике, Московском летописном своде, Воскресенской летописи и др. Нарративная связь сведений 1152 и 1159 г. в летописях XV–XVI вв. очевидна: Юрий Долгорукий поставил церковь Бориса и Глеба на Нерли, затем там был захоронен Борис Юрьевич.

Сообщение о смерти Бориса Юрьевича 1159 г. в летописях XV–XVI вв. стало исходным для известия *С* и *Никф* о «сыпании» Кидекши «тои же» Городца Борисом Михалковичем. Расширяя текст «А се князи...», авторы «Сказания о верных...» обратили внимание на храм Бориса и Глеба в Кидекше. Косвенно это предположение подкрепляется тем, что летописной статье о смерти Бориса Юрьевича предшествует сообщение о закладке Андреем Юрьевичем каменной церкви Успения святой Богородицы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348, 349; Т. 2. Стб. 491, 493; Т. 24. С. 78; Т. 23. С. 41 и др.). Это же известие имеется в Рогожском летописце (*Р*): «Въ лето 6668 [1160/61] съвершена бысть церкви

Свята Богородица въ Владимири Андреомъ княземъ и врѣхы ея позлати» (Там же. Т. 15. Стб. 22), похожее – в Летописи Аврамки под 6666 (1158/59) г. (Там же. Т. 16. Стб. 45).

Вероятно, что в *Р* проявился промежуточный вариант текста: от традиционно летописного к повествовательному. Под подзаголовком «Начало великаго княженеа въ Владимири» сообщается о том, что град был поставлен великим Владимиром, а «потом – князь Андрей». Затем под 6666 г. говорится о вокняжении Андрея Боголюбского в Ростове и во Владимире, о закладке им «града Боголюбия» и церкви Святой Богородицы во Владимире. Далее сообщается о завершении в 6668 г. церкви Святой Богородицы во Владимире (Там же. Т. 15. Стб. 21–22). Похожие, вплоть до совпадения, строки имеются в статье «А се князи...» (Там же. Т. 3. С. 467–468; Т. 16. Стб. 309–311). Статья «А се князи...» была изменена авторами «Сказания о верных...». Кроме заверченного текста домонгольской части «А се князи...» в летописании имелись и его варианты с возможностью пополнения.

Этот потенциал был реализован в *С* и *Никф*. Редактирование в «Сказании о верных...» текста «А се князи...» расширило его за счет привлечения иных летописных данных (соединение статьи о строительстве храма Успения Богородицы во Владимире князем Андреем с отрывком о смерти Бориса Юрьевича и захоронении его в Кидекше). Видимо, сохранность имевшегося в руках сводчика летописного материала была плохой, и он стал домысливать события. Так Борис мог стать сыном Михалка и «ссыпать Городец»: «Михалка Богъ поялъ на Волзе на Городци» (Там же. Т. 1. Стб. 380).

Еще одним источником появления Бориса Михалковича стала интерпретация других сведений о Кидекше с упоминаниями Михалка и Бориса. В *Л* под 6710 (1201/02) г.: «преставися княгыни Михалкова Февронья», «Тое же зимы преставися Борисковна к Кидекши положена бысть в церкви Борису и Глебу» (Там же. Стб. 417). Борисковна – вдова Бориса Юрьевича, и ее положили рядом с мужем.

Такое сочетание имен Михалка и Бориса, Кидекши и церкви Бориса и Глеба сохранилось в летописях XV–XVI вв. Версия о «происхождении» Бориса Михалковича из этого массива подкрепляется и находящимся по соседству сообщением

1199/1200 г. о церковном строительстве Всеволода: «заложил благоверный князь великий Всеволодъ Гюргевич церковь каменную во имя святое Богородици Успенья в монастыри княгинине» (Там же. Стб. 415). Сообщение о закладке каменной церкви Всеволодом есть в летописях XVI–XVI вв. А в «А се князи...» читаем: «Сии же благоверный князь Всеволод Юрьевич приставил святей Богородици 4 верхи и позлати... А княгини его Мариа Всеволоджа Шварновна, дщи князя Чешьского, поставил церковь успения святыя Богородицы, новыи монастырь великимъ княгинямъ» (Там же. Т. 3. С. 468; Т. 16. Стб. 331–312). Похоже в «Сказании о верных...»: «Сии же князь велики приставил святей Богородици съборной 4 верхи и позолоти..., а княгини его Мара два Ориева, дщи чешского князя, поставил церковь камену святую Богородицу в новъм монастыри» (Там же. Т. 35. С. 19, 36).

Возможно, парные сюжеты 1152 и 1159 гг., 1199 и 1201/02 г. комбинированно «породили» Бориса Михалковича, «живучесть» которого обусловилась открытостью вопроса об основании Городца в нижегородском краеведении. Бориса Михалковича нет в историко-политических реалиях второй половины XII – начала XIII в. В 1152 г. он не мог вместе с дедом закладывать Борисоглебский храм в Кидекше, поскольку тот уже там высился, и «сыпать» Городец. Сам Борис Михалкович не проявился в брачных связях и в потомках. Всё это устраняет единственное источниковое основание для датировки появления Городца 1152 годом.

Литература

- Кузнецов А.А.* Летописная полемика о числе куполов Успенского собора // Вестн. Удмуртского ун-та. Вып. 1. Сер. 5: История и филология. Ижевск, 2010. С. 13–23.
- Кузнецов А.А.* К изучению летописных дат основания Владимира-на-Клязьме // Вестн. Нижегородского гос. гуманит. ун-та. Нижегородск, 2011. № 1. С. 3–14.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Медведев А.Ф.* Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге // Культура древней Руси. М., 1966. С. 153–162.
- Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV–XV веков // ЖМНП. 1901. № 11.

О ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ «СПИСКА ГОРОДОВ РУССКИХ ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ»

Одной из недостаточно изученных проблем истории средневековой Руси является судьба городов Среднего Поднепровья в годы монгольского нашествия (1239–1242), становления и существования здесь ордынского ига (середина XIII – XV в.). По этой теме сохранилось крайне мало письменных источников. Археологический материал времен ордынского ига еще нуждается в накоплении, а датировки – в уточнении с учетом региональных особенностей развития материальной культуры населения в разных областях страны (Кузьмин 2017. С. 7–64).

Определенную специфику Среднего Поднепровья в период окончательно сформировавшейся политической раздробленности Руси хорошо осознавали современники, в том числе и иноземцы. Так, еще в середине XII в. ал-Идриси, суммируя собственные впечатления и наблюдения с описаниями Руси своих исламских предшественников, совершенно сознательно «по отдельности описывает города Юго-Западной Руси, города Поднепровья, город Новгород, северные русские земли...» (Коновалова 2016. С. 544).

Деление Руси по регионам имеет и более поздний, чем сочинение ал-Идриси, список «А се имена всѣм градом Руским, далним и ближним» (далее – Список). Он давно привлекает внимание исследователей как памятник средневековой географической мысли, а также как источник, который отражает политические и территориально-административные изменения, произошедшие в Среднем Поднепровье в середине XIII – конце XIV в. (Тихомиров 1979. С. 83–137; Рыбаков 1953. С. 29–32; Рорре 1958. S. 251–300; Наумов 1974. С. 150–163; Седов 1974. С. 27–33; Пашуто, Флоря, Хорошкевич 1982. С. 146; Янин 1998. С. 61–70; Шеков 2018). Большинство исследователей, основываясь на ряде указаний Списка, считают, что он возник в период святительства митрополита Киприана (1377–1406). Место создания и цель составления Списка до сих пор остаются дискуссионными. Предполагалось, что его могли составить в Киеве, Смоленске, Новгородской земле и др. местах, а позднее редактировать вплоть до конца первой четверти XV в. Заказчиками Списка

могли быть новгородские торговые круги или, например, гости-сурожане (обзоры историографии см.: Дедук 2014. С. 129–141; Зайкоўскі 2015. С. 273–289).

Первыми в историографии на Список обратил внимание Г.Ф. Миллер, а издал его на немецком и русском языках А.Л. Шлёцер (Дедук 2014. С. 129). З.Я. Доленга-Ходаковский охарактеризовал Список как «Отрывок Географической 1430 г.» (Доленга-Ходаковский 1838. С. 33). В своей датировке он опирался на сведения отдельных перечней городов в Валашской, Польской (Подольской) и Смоленской землях. По его мнению, создание Списка должно относиться к правлению литовского великого князя Александра-Витовта Кейстутовича, а точнее, к 1396–1430 гг. (Там же. С. 97–99).

Н.М. Карамзин первым предположил разновременность отдельных частей Списка. Эта точка зрения была поддержана А.Н. Насоновым, который считал, что Список появился в тот период, когда «в Литве не теряли надежды видеть своего ставленника принятым в восточнорусских землях. А в Москве вели борьбу против фактического раздела единой митрополии “всей Русской земли”, добиваясь распространения власти московского митрополита на территорию Юго-Западной и Западной Руси», т.е. в конце XIV или в начале XV в. По мнению исследователя, в этом источнике была «также по существу выражена идея единства Юго-Западной и Западной Руси и Руси Северной и Северо-Восточной, собраны “русские” города “дальние” и “ближние”». Его «древние списки... ведут нас скорее всего к церковной среде» (Насонов 1969. С. 276).

Правда, в середине XX в. против выделения из Списка отдельных источников выступил М. Н. Тихомиров (1979. С. 84). Однако его точка зрения в историографии поддержки не получила; традиционно отдельно изучаются списки болгарских и валашских городов (Н.М. Карамзин, Ф.К. Брун, Ю.А. Кулаковский, А.Н. Насонов, А. Андроник, Е.П. Наумов и др.), рязанских (К.Ф. Калайдович, А.В. Дедук), киевских (Б.А. Рыбаков), галицких в Верхнем Понеманье (В.В. Седов) и литовских (О.И. Хоруженко).

По мнению К.А. Аверьянова, Список «преследовал задачи фискального обложения», а основой для него «послужил перечень русских городов, которые были обязаны платить дань Орде. Из Списка, по его мнению, были исключены указания раскладки сумм». Исследователь полагает, что источниками Спи-

ска, составленного в конце 1374 г. – первых месяцах 1375 г., являлись «дефтеры» (Аверьянов 2001. С. 177–186).

Объектом исследования в настоящей работе является список киевских городов (ПСРЛ. Т. 3. С. 475–476). Изучение памятника затрудняется тем, что почти из 30-ти его списков большинство еще не введены в научный оборот, не учтены их разночтения. Издание Списка по Воскресенской летописи устарело и также не имеет разночтений по всем спискам.

Накануне Батыева нашествия в Киевской земле насчитывалось не менее 80 городов. В середине – второй половине XIII в. их число серьезно уменьшилось. В это время «слои пожарищ составляют обычную картину погрома и разрушения, которую вскрывают археологи при раскопках Киева и многих других древнерусских городов Среднего Поднепровья» (Довженок 1978. С. 78). Обобщая выводы коллег по этому вопросу, накопленные к началу 1980-х годов, А.В. Куза также пришел к неутешительному выводу: «Особенно тяжелой была участь городов Среднего Поднепровья – экономически наиболее развитой области Древней Руси. Здесь погибло шесть и пришло затем в упадок и запустение еще пять городов. Но не выдержали последствий вражеского нашествия в первую очередь экономически самые слабые, малонаселенные города – центры небольших волостей» (Куза 1985. С. 60–61).

Поэтому неудивительно, что в источниках второй половины XIII в. встречаются лишь редкие упоминания о Киеве, Каневе, Переяславле-Русском, Копыле, Слуцке, городах Болоховской земли. В конце XIII – первой половине XIV в. военнополитическая ситуация здесь не изменилась. Поэтому восстановление старых и формирование новых городских центров в Среднем Поднепровье нередко происходило в слободах на порубежных землях, которые уже контролировали ордынцы. Попытки русских князей вернуть власть над ранее утраченными землями и принудить местное население к уплате ордынского «выхода», как правило, были неудачны. В 1289–1290 гг. об этом ярко свидетельствуют судьбы воргольского и рыльского князя Олега, его сыновей, липовичского князя Святослава, а в середине XIV в. – последнего правителя Киева из рода черниговских Ольговичей – великого князя Владимира Ивановича, внука черниговского и брянского великого князя Романа Михайловича Старого и его сына путивльского князя

Василия Владимировича. В их гибели косвенно или прямо были замешаны ордынцы. Выморочные владения последних, включая Путивльское княжение, были присоединены к Киевской земле, что нашло свое отражение в Списке (Кузьмин 2005. С. 220–223).

Включение в состав киевских многих городов Левобережного Поднепровья противоречит выводам Б.А. Рыбакова о том, что Список отражает время после окончания правления киевского князя Владимира Ольгердовича (по датировке исследователя – не ранее 1394 г.). Между тем, в 1377 г. многие из указанных выше городов достались его братьям: Чернигов – Константину, Брянск и Трубчевск – Дмитрию Старшему, Новгород-Северский – Дмитрию Корибуту. В 1392–1395 гг. после походов Витовта часть крупных удельных княжений в Левобережном Поднепровье действительно была ликвидирована. Однако Стародубское, Трубчевское и Новгород-Северское княжения продолжали существовать и в XV в., меняя только своих владельцев. Таким образом, список киевских городов отражает реалии более раннего времени, когда с помощью темника Мамай литовский великий князь Ольгерд сумел получить ярлыки почти на все княжения в Левобережном Поднепровье.

В конце XIV в., помимо названных выше городов, источники упоминают в Киевской земле Житомир, Овруч и Полонный, а с 1395 г. – Черкассы и Звенигород, находившиеся на степном подольско-киевском пограничье (ПСРЛ. Т. 35. С. 65). Два последних фигурируют в *Списке* как «польские».

Всего источник перечисляет 71 «киевский» город. Однако, в узком смысле, во второй половине XIII – конце XV в. многие из них таковыми не являлись, будучи фактически сельскими поселениями с незначительным населением (например, Белгород, Корсунь, Треполь, Пересечен, Милославици, Сновск, Смедин, большинство городов на р. Суле и др.). Коршев на Быстрой Сосне прекратил свое существование еще в 1363 г. Упоминание Тмутаракани является вставкой в первоначальный текст Списка. Если взять сведения конца XV – первой половины XVI в. то выяснится, что в Киевщине действовало всего лишь 11 городов и 10 местечек (Сас 1989. С. 23).

Поэтому неслучайно, что в ханских ярлыках, которые получали правители Великого княжества Литовского, перечень городов выглядит более скромным, чем в Списке. Так, в 1507 г. в

ярлыке Менгли-Гирея отмечалось: «Ино почонши отъ Киева и Днепром и до устья, и Снепород и Глинескъ со вьсими ихъ людьми, Жолважъ, Путивль зъ землями и з водами, Бирин, Синачъ, Хотел, Лосичи, Хотмишль, Ницяны со вьсими ихъ землями и водами, и данми, и выходы» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7. С. 90, № 28).

Все эти города, как и многие упоминаемые далее в источнике, можно найти в Списке. Поэтому возникает вопрос, не был ли в основу перечня киевских городов положен ярлык хана Мамаевой Орды третьей четверти XIV в., а не дефтерей, как утверждает К.А. Аверьянов? В последнем случае источник должен был бы содержать перечень всех городов княжения, а как раз такая детализация отсутствует в Списке.

О названии ряда других городов Великого княжества Литовского на русско-ордынском порубежье в Среднем Поднепровье можно узнать из посольской документации. Так, в декабре 1499 г. во время расспросов в Москве «Менли-Гиреевъ царевъ посоль Азии-Халель сказываль, что изстарины къ Перекопской Орде тянули Киевъ въ головахъ почень; а опроче Киева по темъ городкомъ дараги были и ясаки съ техъ людей имали, Каневъ, да Нестобратъ, да Дашко, да Яро, да Чонамъ, да Болдавъ, да Кулжанъ, да Биринъ Чялбашъ, да Черкасской городокъ, да Путивль, да Липятинъ, те городки и зъ селы все царевы люди, то язъ ведаю; а иное ведаеть царь братъ твой» (Сб. РИО. Т. 35. С. 291, № 62). Исключая Киев, Канев, Черкасы и Путивль, эти «городки» отсутствуют в Списке, отражая новую ситуацию, которая сложилась в Среднем Поднепровье в конце XIV – XV в.

Помимо князей, во второй половине XIII – первой трети XV в. доступ к текстам ярлыков имели высшие представители Русской митрополии. Они неоднократно выступали третейскими судьями в межкняжеских конфликтах. Эту важную социальную функцию киевских митрополитов следует учитывать при дальнейшем поиске источников, которые были положены в основу Списка.

Источники и литература

Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Дедук А.В. «Список русских городов дальних и ближних»: история изучения // Русский книжник, 2014. М., 2015.

- Довженко В.О.* Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- [Доленга-Ходаковский З.Я.]* Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. 1838. Т. 1, кн. 3.
- Зайкоўскі Э.[М.]* «Список городов Русских дальних и ближних»: датировка пратографа // Княжа доба. Львів, 2015. Вип. 9.
- Коновалова И.Г.* Средневековое страноведение: Русь в географическом сочинении ал-Идриси // Universitas historiae: Сб. ст. в честь П.Ю. Уварова. М., 2016.
- Куза А.В.* Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
- Кузьмин А.В.* Источники XVI–XVII вв. о происхождении киевского и путивльского князя Владимира Ивановича // ВЕДС-XVII: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2.
- Кузьмин А.В.* Социально-экономическая история Среднего Поднепровья (1240–1299). [Ч. 1] // Экономическая история. Ежегодник, 2016/17. М., 2017. [Вып. 17].
- Насонов А.Н.* История русского летописания. XI – начала XVIII в. М., 1969.
- Наумов Е.П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники, 1973 г. М., 1974.
- Паццото В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
- Рыбаков Б.А.* Древние Русы // СА. 1953. Т. 17.
- Сас П.М.* Феодалные города Украины в конце XV – 60-х гг. XVI в. Киев, 1989.
- Седов В.В.* К истории поселений Чёрной Руси // КСИА. 1974. Вып. 139.
- Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Шеков А.В.* Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
- Янин В.Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.
- Lietuvos Metrika.* Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7. Vilnius, 2011.
- Poppe A.[W.]* Gród Wołyń // Studia Wczesnosredniowieczne. 1958. T. 4.

ПРУССКИЕ ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Прусские укрепленные поселения эпохи раннего Средневековья в начале XIX в. еще не привлекали внимания местных ученых. Лишь лейтенант-топограф М. Гизе в 1826 г. составил краткий перечень прусских укрепленных поселений и создал альбом их схематических изображений. В предвоенное время основной массив этих памятников археологии был изучен и опубликован в виде краткой сводки Г. Кроме. С 1947 г. Ф.Д. Гуревич провела небольшие раскопки малой площадки городища *Craam* (Грачевка).

В 1994 г. автор этих строк предложил типологию прусских раннесредневековых городищ, сведя их в 4 типа: А — мысовые городища, Б — городища-святилища кольцевой планиграфии (по Эд. Штурмсу: *Alkhügel*), В — городища с множественными валами, Г — городища с двумя площадками.

Большая часть этих городищ существовала в XIII в. и, используя пруссами в ходе войны с крестоносцами, оказалась упомянута в «Прусской хронике» Петра из Дусбурга. Далеко не все городища, как, например, *Balga-2*, *Girmov*, *Conovedit* (все — тип А), были взяты крестоносцами после надлежащей осады. Городище *Lenzenberg* (тип А) (сдано без боя?) стало местом предательского сожжения прусских нобилей крестоносцами. Об обороне городища *Twangste* (тип А), рядом с которым в 1255 г. был заложен замок *Konuigsberg*, нам ничего не известно. Городища *Partegal* и *Schneckenberg* (тип А) были сооружены после 1239 г. пруссами и крестоносцами в ходе осады/обороны замка *Balga-1*.

В военных действиях были использованы исключительно городища типа А. Они же сооружались пруссами для осады орденских укреплений. При этом действия пруссов, не предпринимавших полного окружения орденских замков, тем самым были обречены на неудачу. Примечательно то, что и в поздней-

ших прусских источниках упоминаются лишь городища указанного типа. В событиях середины XIII в. упомянуто единственное городища типа В (место сбора прусского ополчения): *Girmov*.

Можно заключить, что многообразие типов прусских ранне-средневековых городищ не оказало положительного для пруссов влияния на ход военных действий в процессе орденской агрессии на западную окраину земли балтов.

И.Л. Кызласов

ГРАДООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ХРАМОВ (ЮЖНАЯ СИБИРЬ, СЕРЕДИНА VIII – НАЧАЛО XII в.)

Раскопки Л.Р. Кызласова в 1973–1980 гг. в Хакасии на Среднем Енисее и обнаружение невиданного скопления манихейских храмов, святилищ и монастырей VIII–XIII вв. являются выдающимся событием в науке. Не менее важным открытием для истории мировых религий, истории архитектуры и градостроительства стало неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений. Изумляет впервые подтвержденная археологией точность сообщений арабских ученых X–XIV вв. (ал-Масуди, аш-Шахристани и ад-Димешки) о конструктивном разнообразии сакральных сооружений, которая строго определялась посвящением тому или иному астрально-космическому божеству, а также – божествам основных стихий.

Особый интерес представляет планировочная обособленность храмово-монастырского квартала от жилых и производственных частей во всем геометрически правильно спроектированного города, возникшего благодаря сакральному комплексу. Этот городской и монастырско-храмовый центр, согласно археологическому исследованию, существовал около 500 лет. И всё это время вокруг него и рядом с ним развивалась храмовая и городская культура южносибирского общества.

БЕРГЕН В ИСЛАНДСКОЙ «ХРОНИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ОДДИ»

Анналы начали записываться в Исландии уже в конце XIII в., однако сохранившиеся тексты были созданы не ранее 1300 г. Все известные исландские анналы восходят к одной редакции, значительная часть информации которой так или иначе воспроизводится в каждом тексте. Они имеют единую хронологическую систему и общие источники (ИКС. С. 95; историографию исландских анналов см.: Naug 1997. Р. 266). В отношении древнейшей истории их источником были «Всемирная хроника» (*Chronicon universale*) Эккехарда и некоторые другие европейские хроники.

Исландские анналы являются замечательными показателями повествовательного стиля и уровня ученых знаний XVI в. Ими пользовались исландские ученые XVII, и особенно XVIII в. Финнур Йоунссон использовал сведения анналов для перепроверки информации источников после 1500 г., а Густав Сторм в 1888 г. впервые выпустил выдержки из них (*Islandske annaler* 1888). Единственное полное критическое издание двух из них, наиболее отличающихся от общей редакции («Анналов Одди» и «Хроники жителей Одди»), было сделано Эйрикюром Тормоудссоном и Гудрун Асой Гримсдоухтир в 2003 г. (*Oddaannálar* 2003).

«Хроника жителей Одди» (*Oddverjaannáll*) сохранилась в единственной рукописи второй половины XVI в. (AM 417 4to), являющейся прямым списком с оригинала. Рукопись заголовка не имела, а название «Хроника жителей Одди» было дано ей Аурни Магнуссоном (подробный палеографический анализ рукописи см.: *Oddaannálar* 2003. Bls. CLIX–CLX).

«Хроника жителей Одди» начинается с 3916 г. от сотворения мира (100 г. от Р.Х.) и заканчивается 1427 г. от Р.Х. «Хроника» не является записями, ведшимися из года в год, но она написана на исландском языке и имеет погодную сетку – подобно другим исландским анналам (Rowe 2002. Р. 235). «Хроника» была создана с гуманистических и морализаторских позиций в период поздней Реформации потомками Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133), который был священником на хуторе Одди в Полях

Кривой Реки. «Хроника жителей Одди» адаптирует материал всемирной и европейской истории для людей, незнакомых с латинским языком, и содержит множество ссылок на средневековую литературу. Исследователи предполагают, что она использовалась для обучения в исландских монастырских школах (Simek, Hermann Pálsson 1987. S. 12–14).

В первой части «Хроника» опирается на материал «Анналов Одди» (*Oddaannálar*), охватывавших время от Адама до 67 г. от Р.Х. В них упоминаются знаменательные события истории Древнего мира, деяния скифов, Александра Македонского и других легендарных и реальных правителей.

Во второй части, освещающей собственно исландскую церковную историю на общемировом фоне, «Хроника жителей Одди» продолжает «Анналы Одди»; записи начинаются от Р.Х. (в орфографии рукописи: *Anno Dominj XX* или просто *Anno XX / Aно XX*). В этой части используются саги и некоторые несохранившиеся древнеисландские исторические произведения, при этом прямые текстологические параллели с другими известными исландскими средневековыми анналами не прослеживаются. С 1394 г. изменяется характер погодных записей, они становятся пространными и занимают до одного листа.

Собственно исландские топонимы (любого типа, поскольку городов в средневековой Исландии не было) упоминаются в «Хронике жителей Одди», в большинстве своем, по 1–3 раза. На этом фоне резко выделяются только первый исландский монастырь Тингэйрар (17 упоминаний, с года его основания – с 1133 по 1421 г.) и епархии Скаульхольта (45 упоминаний, также с года основания – с 1056 по 1427 г.) и Хоулара (38 упоминаний, с 1077 по 1426 г.). Последние были, несомненно, центром внимания исландских анналистов, и уже на их фоне происходили события в остальном мире.

При описании событий мировой истории в «Хронике жителей Одди», естественно, встречаются названия античных и библейских городов: Трои, Александрии Египетской, Карфагена, Вифлеема (по одному упоминанию). Во второй части широко охвачены крупные средневековые европейские центры, такие как Болонья, Верона, Генуя, Милан, Неаполь, Реймс, Страсбург, Брюгге, Бранденбург, Вормс, Магдебург, Мейсен, Трир, Дуб-

лин, Цюрих, Франкфурт, Йорк, Лондон, Копенгаген, Новгород (по одному упоминанию).

В силу особенностей материала в «Хронике жителей Одди» встречается больше итальянских и немецких городов (5 итальянских и 12), которые служили резиденциями епископов и архиепископов (Гамбург – 4 упоминания, Бремен – 6, Париж – 7, Кёльн – 8, Майнц – 10), а также наиболее значимых центров мировой (в том числе церковной) истории: Рим (30), Иерусалим (20), Константинополь (14). Не удивительно, что в числе наиболее упоминаемых входят и норвежские города соответствующего статуса: Нидарос (16) и Осло (19).

Однако чаще всего в «Хронике жителей Одди» упоминается норвежский город Берген – 35 раз (из них 5 раз в пространных записях: под 1404, 1407, 1408, 1411 и 1412 гг. – Oddverjaannáll. Bls. 185. Fol. 60v; Bls. 187. Fol. 61v; Bls. 189. Fol. 62v; Bls. 190. Fol. 63v).

Упоминания Бергена в «Хронике жителей Одди»

Политические события	Церковные события			Пожары и природные явления
	Смерть епископа	Выборы епископа	Прочее	
1156 смерть конунга	1157			1172 пожар 1198 пожар
1206 битва биркенбейнеров и баглеров 1207 возвращение власти биркенбейнерами	1214	1215		
	1224	1226		
	1248			1248 пожар
	1256			1263 затмение

1264 Хакон послал армию	1264		1270 сгорел монастырь бенедиктинцев	
1271 Магнус созвал тинг		1278	1275 Магнус велел построить церковь	1302 комета
	1332 болезнь			1333 пожар
	1348	1342	1335 Снёлъв ездил к епископу	1348 чума
1349 приезд Магнуса		1349		
1368 изгнаны немецкие ландфлемдиры		1371 1379		
	1404	1407	1387 пилигримы	
			1408 приплыли шведские госпитальеры	1411 пожар
			1412 объезд епископом монастырей, епископ принял торговцев	
Всего упоминаний: 8	Всего упоминаний: 9	Всего упоминаний: 8	Всего упоминаний: 6	Всего упоминаний: 7

Ситуации, в которых фигурирует Берген, можно условно разделить на три группы. К первой, наиболее обширной, относятся церковные события бергенской епархии (23 упоминания). Сюда можно отнести смерть епископа и вслед за ней назначение нового, которые отражены в записях под 1157 г.: *Daudj Sygurdar byskups j Biorguin* («в Бергене умер епископ Сигурд». – Oddverjaannáll. Bls. 132. Fol. 36v); под 1214 г.: *Andlat Þorfinns abbota og Marteins byskups j Biorguin* («в Бергене умерли аббат Торфинн и епископ Марстейн». – Ibid. Bls. 141. Fol. 40r); под 1215 г.: *wijgdur Hauardur byskup til Biorguinar* («выборы епископа Хаварда в Бергене». – Ibid. Bls. 141. Fol. 40r); под 1256 г.: *Andlat Arna byskups j Biorguin* («в Бергене умер епископ Арни». – Ibid. Bls. 149. Fol. 43v); под 1278 г.: *Wijgdur Narfi byskup til Biorguinar og Þorfinnur byskup til Hamars* («выборы в Бергене епископа Нарви и в Хамаре епископа Торфинна». – Ibid. Bls. 155. Fol. 46v); и др. Также встречаются записи о постройке церкви (под 1275 г. – Ibid. Bls. 154. Fol. 46r), посещении города монахами нищенствующих орденов и пилигримами (под 1408 и 1387 гг. – Ibid. Bls. 181. Fol. 58r; Bls. 187. Fol. 61v) и т.п.

Вторая группа – это политические события, связанные с Бергеном (8 записей). Кроме смерти конунга Сигурда Харальдссона (запись под 1156 г. – Ibid. Bls. 132. Fol. 36v), созыва тинга конунгом Магнусом Исправителем Законов (1271 г. – Ibid. Bls. 153. Fol. 45v) и посещения Бергена конунгом Магнусом Эрикссоном с женой в 1349 г. (Ibid. Bls. 174. Fol. 54r) наибольшее внимание в «Хронике» уделяется политическому конфликту между биркенбейнерами («лапотниками») и баглерами («церковниками») в рамках норвежской смуты конца XII – начала XIII в. О сражениях биркенбейнеров за Берген говорится в двух погодных статьях, за 1206 и 1207 гг.: *Anno 1206 Slag hid mykla er Baglar weittu Birkibeinum: Hakon galinn slo Bagla j Biorguin* («в год 1206 большая битва между баглерами и биркенбайнерами. Хакон побил баглеров в Бергене». – Ibid. Bls. 139. Fol. 39v); *Anno 1207 Birkibeinar gafu wr Biorguin fyrir Bauglum* («в год 1207 биркенбейнеры вернули Берген от баглеров». – Ibid. Bls. 139. Fol. 39v).

Отражение этих событий в «Хронике жителей Одди» выглядит логичным, поскольку Берген с 1217 по 1299 г. был столицей

Норвегии, а до и после этого оставался видным политическим центром страны, и события, упомянутые в связи с ним, оказали значительное влияние на норвежскую историю. При этом коронация Магнуса Эрлингссона в 1164 г. в Бергене прошла мимо внимания исландских анналистов.

К третьей группе погодных записей, где встречается упоминание города Бергена, относятся сведения о пожарах и таких природных явлениях, как затмение и появление в небе кометы (7 упоминаний). И если в кратких записях отмечается только, например: *Anno 1302 Cometa sien j Biorguin* («в год 1302 видели комету в Бергене». – Ibid. Bls. 161. Fol. 49r); *Anno 1172 Brann Biorguin* («в год 1172 пожар в Бергене». – Ibid. Bls. 134. Fol. 37v) или *Anno 1198 Brandur bærinn j Biorgin* («в год 1198 горели дома в Бергене». – Ibid. Bls. 138. Fol. 38v), то в пространных даже про пожар говорится подробно: *Ano dominj 1411... Bæiar brunj j Biorguin ij nottum fyrir allra heilagra messu: kom fyrirst elldurinn j Enskra manna gard: þadan j Garpa strætíð: brann það allt vpp: og 7 kirkiur með og Postula kirkia* («В год 1411... горели дома в Бергене в ночь накануне Святой мессы; сначала огонь охватил усадьбу англичан, потом по городским улицам; тогда много сгорело: 7 церквей и апостольская церковь». – Ibid. Bls. 189. Fol. 62v).

При этом бергенские события зачастую рассматриваются на фоне собственно исландских, в одном ряду с ними, без отрыва и различия масштабов – для средневековых исландских анналистов они равнозначны: *Anno 1157 Daudj Sygurdar byskups j Biorguin: Snorre laugmadur:* («в год 1157 умер епископ Сигурд в Бергене; Снорри лагман». – Ibid. Bls. 132. Fol. 36v); *Anno 1172 Brann Biorguin: Brenna j Saurbæ* («в год 1172 пожар в Бергене; пожар в Саурбай». – Ibid. Bls. 134. Fol. 37v); *Ano 1342 Wijgdur til Hóla: Ormur byskup Aslakson: Jon Byskup Sygurdarson til Skalhóltz: Þorsteinn til Biorguinar...* («в год 1342 выборы в Хоуларе епископа Орма Аслакссона; епископа Йона Сигурдарсона в Скаульхольте; Торстейна в Бергене». – Ibid. Bls. 171. Fol. 53v); и пр.

Причиной такого внимания к бергенским событиям ни в коей мере не может служить тесная связь исландских священников именно с бергенским епископатом. Исландские епархии изна-

начально подчинялись лундскому архиепископу, а с 1153 г. (вскоре после основания первой собственно норвежской епископской кафедры) вошли в юрисдикцию Нидароса.

Однако Берген был (особенно на момент создания простран-ных погодных записей «Хроники жителей Одди») видным торговым центром, главным узлом импорта зерна и экспорта северных товаров: пушнины и, в первую очередь, сушеной трески, спрос на которую в материковых европейских странах к концу Средневековья невероятно вырос. Ганзейская контора появилась в Бергене в 1360 г., и все внешнеторговые отношения исландцы были вынуждены вести через нее. При этом Нидарос уже с XIII в. уступает торговое влияние Бергену.

Таким образом, получается, что торговое и политическое значение Бергена, как кажется, перевесило в глазах исландских анналистов роль Нидароса как епископской, а позднее и архиепископской кафедры. Кроме того, возможно, что присоединение Исландии в 1262 г. к Норвегии привело впоследствии к признанию исландцами столицы Норвегии как своей собственной. Возможно (хотя и маловероятно), что выдвижение Бергена на первый план было связано с тем, что бергенские анналы могли использоваться в качестве одного из источников при составлении «Хроники жителей Одди».

Источники и литература

- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. М., 2012.
- Haug E.* The icelandic annals as historical sources // SJH. 1997. Vol. 22, t. 4. P. 263–274.
- Islandske annaler indtil 1578* / Ed. G. Storm. Christiania, 1888 (reprint: Oslo, 1977).
- Oddaannálar og Oddverjaannáll* / Ed. Eiríkur Þormóðsson og Guðrún Ása Grímsdóttir. Reykjavík, 2003. (Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi; Rit. 59).
- Rowe E.A.* The Flateyjarbók as a Historical Source // Scandinavian Journal of History. 2002. Vol. 27, t. 4. P. 233–242.
- Simek R., Hermann Pálsson.* Lexicon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ: СЛУЧАЙ НОВГОРОДА И ВЕНЕЦИИ

В Новгородской I летописи младшего извода (далее: Н1мл.) рассказ о призвании варягов читается, как известно, несколько иначе, чем в «Повести временных лет» (ПВЛ). Одно из отличий – во фразе о появлении имени «Русь»: «И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска». В ПВЛ в редакции Лаврентьевской летописи и родственных ей (в Ипатьевской она отсутствует) эта фраза выглядит так: «[И] от тѣхъ [Варягъ] прозвася Руская земля. Новугородьци ти суть людье Ноугородьци от рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни» (ПСРЛ. Т. 3. С. 106; Т. 1. Стб. 20).

Проблема соотношения этих текстов и их смысла неоднократно обсуждалась в историографии (см.: Петрухин 2014. С. 180–184). Нас в данном случае будет интересовать не всё известие в целом, а только его фрагмент – фраза о происхождении новгородцев «от рода варяжска». Принципиально новую ее интерпретацию предложил А.А. Гиппиус. Исходя из мысли о первичности текста начальной летописи в Н1мл. по сравнению с ПВЛ, он считает, что в Начальном своде конца XI в. читался вариант Н1, но иначе трактует ее смысл. По мнению А.А. Гиппиуса, финальная часть данной фразы должна пониматься так: «...и до сего дня есть новгородские люди варяжского происхождения», что как бы снимает вопрос о довольно парадоксальном происхождении *всех* новгородцев от варягов. Спровоцировал появление таких представлений реальный факт скандинавского происхождения части новгородской элиты (Gippius 2014. Р. 391–392). Несколько ранее попытку реинтерпретации этой фразы предпринял А.А. Горский. По его мнению, предлог «от» имеет в данном случае временное значение, а указание на варягов говорит не о скандинавском происхождении, а о появлении соответствующих наименований со временем варяжских князей (Горский 2004. С. 39–41).

И та, и другая интерпретации представляются возможными, но вовсе не обязательными и не отвечающими принципу эко-

номности объяснения. Если мы посмотрим на близкие контексты, то увидим, что древние летописцы, употребляя подобные выражения, имели в виду, во-первых, происхождение, во-вторых, происхождение всей общности. Весьма похоже на фразу о новгородцах рассуждение о радимичах: «Бѣша же Радимичѣ от рода Ляховѣ; пришедшее ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозѣ везуть и до сего дни» (ПСРЛ. Т. 3. С. 131; Т. 2. Стб. 84; см. также: Петрухин 2014. С. 181).

В летописях новгородско-софийской группы этот фрагмент представлен в контаминированном виде: «Отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля; и суть Новгородстии людие и до дняшного дни от рода Варяжеска, прежде бо быша Словени» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 11; Т. 42. С. 25 (1-я выборка); Т. 6, вып. 1. С. 14). Вопрос о происхождении, характере и датировке общего источника (общих источников) летописей новгородско-софийской группы является спорным (см.: Шибаев. 2015. С. 130, 132). В составе этих летописей, вероятно, сохранились известия, восходящие к очень древнему источнику, но рассматриваемое здесь известие представляет собой контаминацию текстов из ПВЛ и Н1мл. В ней происхождение новгородцев от варягов понималось в самом прямом смысле – как происхождение этой общности от скандинавских «находников». Их появление на Северо-Западе Руси превратило бывших «словен» в «новгородских людей» варяжского происхождения. Такое понимание укоренилось в Новгороде, о чем свидетельствует присутствие этой фразы в Новгородской V летописи (ПСРЛ. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 11). Данный памятник – это, по видимому, осуществленная в Новгороде около 1447 г. по инициативе архиепископа Евфимия II переработка Новгородской IV летописи (Бобров 2001. С. 218–224).

В чем же заключалось содержание странной, на первый взгляд, идеи о происхождении новгородцев от варягов?

Одной из важнейших идеологических проблем средневековых республик была проблема легитимации их политического строя. Если монархический строй не нуждался в оправдании (его «естественность», богоустановленность, вытекала из общепринятого в Средневековье провиденциализма и подкреплялась ссылками на Св. Писание, сочинения «отцов церкви» и канони-

ческое право), то само существование республик необходимо было как-то оправдывать. Это, в частности, было очень характерно для Венеции, весьма деликатными проблемами которой были отсутствие преемственности с каким-либо античным политическим образованием и довольно позднее возникновение (Fortini Brown 1991. Р. 512). Нетрудно заметить, что те же проблемы были и у древнерусских республик. Как же Венеция выходила из этого положения?

Одним из путей выхода было конструирование «городской легенды» *de origine*, в частности троянской легенды – предания о происхождении венецианцев от жителей древней Трои. Несмотря на всю свою фантазмагоричность, эта легенда соответствовала чаяниям венецианской элиты. В приписывании себе троянского происхождения венецианцы в Средние века и раннее Новое время не были одиноки (только в самой Италии было не менее десяти городов с аналогичными притязаниями), и это не случайно. Троянцы рассматривались как люди, никогда никому не платившие дань и готовые жертвовать многим для сохранения свободы. Троянское родство обеспечивало древнее, престижное и благородное происхождение (в условиях туманности происхождения реального. – Muir 1981. Р. 67–68).

Троянская легенда также формировалась постепенно (Poucet 2003). Впервые она, по-видимому, появляется в анонимном историческом сочинении, которое его исследователь и публикатор Р. Чесси назвал *Origo civitatum Italie seu Venetiarum* (XI–XII вв.). Там рассказывается, что после падения Трои часть ее спасшихся жителей во главе с сыном царя Приама Антенором переселилась на западное побережье Адриатического моря и основала там город Аквилею. В другом варианте то же приписывается герою Энею, находившемуся во главе троянцев, пришедших из «древней и славной Трои». Они основали Аквилею и целый ряд других городов. Их жители по имени Энея стали называться «энетами», т.е. венетами (Chronicon altinate. Р. 7–8, 154). Сама Венеция не упоминается, поскольку в римское время ее не существовало, однако идея связи населения Адриатического побережья Италии с троянцами здесь уже присутствует. В написанном во второй половине XIII в. на старофранцузском языке сочинении Мартина да Канале «Истории Венеции» (*Les Estoires de Venise*) фигурирует и собст-

венно Венеция. После ухода из Трои спасшиеся троянцы заселили территории от Милана до Венгрии и построили там города. Однако когда туда вторгся Аттила, захватив эти земли и разрушив города, построенные троянцами, знатные мужчины и женщины из этих городов бежали к морю. На лагуне они основали новые города, а главным из них была Венеция, возникшая якобы в 421 г. (Martin da Canal. P. 6. I.III–IV).

Полного развития троянская легенда достигает в так называемой «Хронике Марко» (конца XIII – начала XIV в.). По ней, троянцы приплыли именно туда, «где ныне построен город Венеция», обосновались там и принялись возводить себе дома. Это место привлекло их, прежде всего, тем, что «оно было свободно от чьей-либо власти» (*ab omni exemptus dominio*). В дальнейшем троянская легенда менялась лишь в деталях. Основные ее несущие конструкции оставались прежними: иноземное и притом древнее и благородное происхождение, осознание которого образовывало фундамент гражданского самосознания; изначальная свобода, понимаемая как независимость от чьей-либо власти; право самостоятельно принимать политические решения и выбирать своих правителей.

Элементы представлений, во многом похожих на венецианский миф *de origine*, наличествовали, таким образом, и в Великом Новгороде как минимум в первой половине XV в., а может быть, и раньше. Идея иноземного и древнего происхождения была представлена варяжской легендой.

Несмотря на то, что объективная потребность в «изобретении» своего происхождения в Новгороде была, тем не менее, она не была полностью удовлетворена. Принципиальное признание Новгородом сюзеренитета владимирских (позднее – московских) великих князей, вероятно, было фактором, препятствовавшим развитию «автономной» республиканской мифологии, которая бы не связывала Новгород с князьями (как предания о Ярославле грамотах или идея о даровании вольностей Новгороду древними князьями), а противопоставляла бы его им. «Материал» для конструирования такой идеологии, как мы видели, в Новгороде имелся, и, думается, не случайно, что не вполне удачная попытка его актуализировать была предпринята именно в XV веке, в период острой борьбы с Москвой.

Источники и литература

- Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Горский А.А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.
- Шубаев М.А.* Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // НИС. 2015. Вып. 15 (25).
- Chronicon altinate et Chronicon gradense / A cura di R. Cessi.* Roma, 1933.
- Fortini Brown P.* The Self-Definition of the Venetian Republic // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy / Ed. by A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Ann Arbor, 1991.
- Gippius A.A.* A Scandinavian Trace in the History of the Novgorod Boyardom // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / Dir. P. Bauduin, A.E. Musin. Caen, 2014.
- Martin da Canal.* Les Estoires de Venise. Cronaca veneziana in lingua francese dale origini al 1275 / A cura di A. Limentani. Firenze, 1972.
- Muir E.* Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton, 1981.
- Poucet J.* Anténor et Venise dans les anciennes chroniques vénitiennes (Anténor, fondateur de Venise. III) // Folia electronica classica (Louvain-la-Neuve). 2003. Janvier–juin, № 5 (<<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/antenorter.html>> [31.01.2019]).

В.В. Майко

УБАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОГО КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

В течение первой половины X в. многочисленные археологические памятники салтово-маяцкой культуры Восточного Крыма из-за постоянной угрозы со стороны печенегов постепенно прекращают свое существование. Жизнь продолжается только в двух крупных городских прибрежных центрах: Сугдее и Боспоре. В настоящее время трудно однозначно сказать, какова была судьба населения, оставившего салтово-маяцкие объекты. Тем не менее совершенно логично, что жители многочисленных поселений, расположенных в ближайшей округе этих двух городов, переселяются под защиту городских крепостных стен.

Значительное увеличение числа горожан требовало перепланировки и расширения городской территории. Наиболее ярко эти урбанистические процессы удалось проследить при проведении раскопок средневековой Сугдеи (Майко 2014а. С. 53–85). Именно во второй половине X в. здесь наблюдается тенденция значительного увеличения заселенности города. Эти перемены, постепенно менявшие облик Константинополя и центральных городов Византии, в провинциальных городах, особенно расположенных на границах империи, ощущались гораздо сильнее. И на Боспоре, и в Сугдее рост городов проходил, в основном, в рамках старых крепостных стен. В Сугдее активному освоению незастроенных территорий за пределами крепостных стен мешало расположение тут крупных городских некрополей.

К середине X в. в столице и крупнейших городах Византийской империи были выработаны основные приемы, способствовавшие упорядочению внутригородской застройки. Это, прежде всего, попытки создания более или менее четких городских кварталов. Подобные тенденции достаточно ярко проявились и в византийских провинциях, в том числе в Сугдее и на Боспоре. Если в предшествующее, «хазарское» время застройка городища носила хаотический характер, то с середины X в. элементы квартальной планировки прослеживаются достаточно четко (Майко 2014б. С. 291–295). Как и в Херсонесе, городские кварталы Сугдеи в рассматриваемый период традиционно включали жилые и хозяйственные сооружения.

Основным типом построек являлись строения, представлявшие собой двухкамерные дома с хозяйственным двором, чаще всего обнесенным каменной оградой. В северо-западном или северо-восточном углах одного из помещений располагалась печь-тандыр. В некоторых случаях можно проследить последовательное возведение на одном и том же месте нескольких печей-тандыров. Иногда печь располагалась и на территории хозяйственного двора, примыкавшего к дому. Там же, чаще всего, размещались пифосы.

На сегодняшний день, исходя из слабой изученности Сугдеи второй половины X в., четко выделять жилые, хозяйственные и ремесленные постройки тяжело. При этом наверняка помещения, составлявшие одну усадьбу, были многофункциональными. Ряд простейших ремесленных операций, не требующих специальных ору-

дий и умений, выполнялись жителями самих усадеб. В рамках одной усадьбы повсеместно наблюдается совмещение мастерских с жилыми и подвально-кладовыми помещениями, что затрудняет определение приоритетного занятия жителей одного квартала.

Центрами городских кварталов являлись одноапсидные храмы, возле которых возникали небольшие некрополи – новый элемент исторической топографии. Необходимо отметить, что именно с этого времени в погребальный обряд активно проникают так называемые «афонские» черты, связанные с необходимостью освобождения места для новых захоронений, из-за постоянно увеличивавшегося числа жителей (Майко 2009. С. 31–32; 2013. С. 180–189). Вместе с тем в Сугдее эти квартальные храмы известны пока только на территории крупных городских некрополей, вынесенных за пределы крепостных стен. Существовали ли они в пределах городских кварталов, неизвестно.

Новой тенденцией явилось и появление крестово-купольных храмов. Именно они с этого времени образуют доминанты городских кварталов и способствуют перепланировке городской территории, включая направление улиц. В Сугдее подобный храм раскопан пока только в портовой части городища.

Характерной особенностью данного периода стало и появление вторых этажей зданий. При этом традиционно первый этаж использовался в качестве хозяйственного, а второй – жилого. Не исключено, что кварталы Сугдеи отличались количеством двухэтажных сооружений.

Особенности урбанистических процессов в Сугдее напрямую были связаны с географическим расположением города на склонах крепостной горы. Жилые дома возводились на искусственных террасах. При этом необходимо было учитывать и наличие предшествующей застройки «хазарского» времени. Характер использования ранних построек в каждом конкретном случае имел естественное своеобразие. Пока можно говорить о нескольких строительных приемах, применявшихся во второй половине X – XII в. Во-первых, это использование домов предшествующего времени с достройкой существующих стен, не нарушавших конструктивные особенности сооружений. Во-вторых, частичная перестройка существовавших домов, ремонт и перепланирование стен, заклады дверных проемов, укрепление покосившихся стен помещений в пределах одной

усадьбы, которые, в целом, в большей или меньшей степени меняли первоначальный облик.

Урбанистические тенденции в характере застройки внутри-городской территории Сугдеи и Боспора второй половины X в. можно пока восстановить только фрагментарно, в самых общих чертах. Например, на Боспоре большинство исследованных домов составляли городской квартал, разделенный перпендикулярными улицами и примыкавший к храму Иоанна Предтечи. В портовой части Сугдеи дома располагались на искусственных террасах южного склона Крепостной горы, спускавшихся к морю. Здесь в силу ограниченности пространства активно использовались сооружения (как фортификационные, так и жилые) более раннего времени. Активно практиковалось и сооружение домов на свободных террасах: таким образом происходило расширение застройки портовой части. Между террасами существовали небольшие переулки, повторявшие рельеф горного склона. Здесь, несмотря на сложный рельеф, строители максимально полно пытались применить элементы квартальной планировки. На территории внутри крепости существовала практика пристройки домов к существующей крепостной стене; стены жилых построек более раннего времени использовались только в качестве фундаментов. Вероятнее всего, здесь, как и на Боспоре, в полной мере использовалась квартальная застройка.

В качестве урбанистических тенденций, призванных упорядочить городскую застройку, можно рассматривать появление и общегородских зольников, становившихся важной составляющей городской инфраструктуры. Все они, известные в Сугдее, Алустоне, Херсонесе, располагались с внешней стороны городских стен.

В портовых городах Таврики важнейшим элементом становится порт. Именно он в данный хронологический период был важнейшей градообразующей составляющей, серьезно влиявшей на характер застройки по крайней мере портовой части Сугдеи.

Со второй половины X в. в городах Восточного Крыма наблюдается своеобразный строительный бум, связанный с увеличением числа горожан. Тем не менее все строительные процессы максимально полно подчинялись тем тенденциям, которые получили распространение в центральных городах Византийской империи.

Литература

- Майко В.В.* О времени появления элементов «афонского» погребального обряда в юго-восточной Таврике // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2009. С. 31–32.
- Майко В.В.* Середньовічні міста східної Таврики Х–ХІІ ст. Особливості урбаністичних процесів // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану П.П. Толочка з нагоди його 75 річчя. Київ, 2013. С. 180–189.
- Майко В.В.* Восточный Крым во второй половине X – XII вв. Киев, 2014. (а)
- Майко В.В.* Византийские города Таврики X–ХІІ вв. общее и различия // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. 3. С. 291–295. (б)

В.И. Матузова

УРБАНИЗАЦИЯ ПРУССИИ: XIII ВЕК

Проблема урбанизации Пруссии в XIII веке занимает заметное место в современной польской исторической науке и разрабатывалась в трудах таких известных историков, как М. Бискуп (1922–2012), З. Новак (1934–1999), М. Дыго, Р. Чая, Т. Ясиньский, А. Радзиминый и др. Обобщение результатов исторических исследований раннего этапа развития орденского государства в Пруссии (в том числе и начала урбанизации) было представлено в монографии М. Дыго «Исследования о начале государства Тевтонского ордена в Пруссии» (Dygo 1992). С тех пор появилось немало интересных работ. Цель данного доклада – показать картину урбанизации Пруссии в XIII веке на материале современной польской историографии.

В 2008 г. в Польше вышел коллективный труд «Государство Тевтонского ордена в Пруссии: Власть и общество», охватывающий период, известный по письменным источникам: с IX по XV в. Особое внимание уделено XIII веку – времени вторжения Тевтонского ордена в Пруссию, создания основ государства ордена на завоеванной им территории и его властной структуры, равно как начала колонизации Пруссии, появления постепенно расширявшейся сети городов, основанных, с одной стороны, на

владениях Тевтонского ордена, а с другой – на землях, принадлежавших епископствам и капитулам.

Процесс урбанизации развивался под воздействием нескольких факторов, среди которых прежде всего упоминаются действия территориальных князей Тевтонского ордена. (Влияние Тевтонского ордена на устройство больших прусских городов на раннем этапе их развития было полно представлено в работах М. Дыго [Dygo 1992. S. 159–187] и Т. Ясиньского [Jasiński 1993]. Процесс урбанизации и создания властных структур был подобен процессам, протекавшим в Германской империи, где в условиях образования территориальных княжеств их владельцы стремились увеличить финансовые доходы, ускорить экономическое развитие своих владений, рост населения и укрепление военного потенциала. Наряду с имперскими образцами на развитие урбанизации в Пруссии оказывал влияние общественно-экономический потенциал, связанный с процессом колонизации на немецком праве, в рамках которого сформировалась модель освоения обширных пространств, где большие города выступали центрами торговли, осуществлявшими сбыт излишков сельскохозяйственной продукции, а также административно-судебными центрами. Позднее к этим факторам урбанизации присоединились ганзейская дальняя торговля и деятельность нижненемецких купцов, принимавших участие в заложении крупных торговых городов по южному побережью Балтийского моря (Czaja 2008. S. 177–178).

На раннем этапе создания орденского территориального государства в Пруссии (до 80-х годов XIII в.) важнейшую роль играли факторы, связанные со становлением его властных структур. Основанные в то время города и замки заложили основы организации обороны, равно как служили опорными пунктами завоевания Пруссии, жители которых принимали активное участие в военных действиях.

В урбанизации Пруссии при активном участии Тевтонского ордена различают два этапа: первый из них приходится на 1231–1237 гг.; второй – на 1238–1283 гг. с появлением незначительного количества городов и в последующие годы, ознаменованные оживленным строительством (Jasiński 1993. S. 104, 105). На

основании состояния их экономики и политической роли в государстве Тевтонского ордена в Пруссии выделяют две категории городов (орденские и епископские), к которым в XIII в. относились Кульм (Хелмно), Старый Торн (Торунь), Старый Эльбинг (Эльблонг), Браунсберг (Старое Бранено) и Старый Кёнигсберг. Большую роль в развитии этих городов впоследствии сыграла ганзейская торговля.

На начальном этапе создания орденского территориального государства непосредственное участие в основании и строительстве городов принимали крестоносцы, прибывавшие из Польши и Германской империи. Поддержку возведению городов оказывали представители польской и немецкой знати. Князья из династии Пястов сотрудничали с крестоносцами при заложении таких городов, как Торн, Кульм и Мариенвердер (Квидзын) (строительству последнего оказывал помощь и бургграф Магдебурга Бурхард V [1209–1243/47]). В 1237 г. крестоносцы, оставленные с этой целью маркграфом Мейсена Генрихом III (1221–1288), заложили Эльбинг. На протяжении первых семи лет пребывания ордена в Пруссии было основано пять городов. Позднее король Чехии Пржемысл Отокар II (1253–1276) предоставил крестоносцам средства для строительства Кёнигсберга (1255 г.). В целом, к началу XV в. в орденском государстве в Пруссии по данным современной польской историографии были основаны 94 города: 71 на территории, принадлежавшей Тевтонскому ордену, и 23 на епископских территориях (начиная с 1280-х годов организаторами урбанизации были уже только прусские магистры и комтуры, а также прусские епископы и капитулы). До 1454 г. порядка 95% всех орденских и епископских городов составляли мелкие города, не игравшие заметной роли в политической жизни страны (Czaja 1999. S. 81; 2008. S. 199).

Появление первых городов на территории Пруссии было тесно связано с завоеванием ее крестоносцами. В 1234 г. во время похода на Помезанию рядом с построенной в 1233 г. крепостью был основан город Мариенвердер, место подготовки вооруженного вторжения в Помезанию и первый опорный пункт ордена в деле создания на завоеванных землях орденского территориаль-

ного государства. В 1237 г. в устье р. Эльблонг был заложен одноименный город, первый крупный порт будущего орденского государства на Балтийском море. М. Бискуп подчеркивал, что Эльбинг — наряду с епископским Браунсбергом и Данцигом (Гданьском) — «сыграл особую роль в географии и общественно-экономической структуре прусских городов, равно как и в политике Тевтонского ордена» (Biskup 1993. S. 113). Основанием Эльбинга закончилась первая фаза урбанизации Пруссии.

Основывая города, орден одновременно проводил политику колонизации с целью укрепления обороноспособности завоеванных земель. Инициатором этой политики был ландмейстер Тевтонского ордена в Пруссии Герман Балк (1229–1239). Вероятно, не случайно после его отбытия из Пруссии в 1237 г. строительство новых городов там приостановилось на долгие годы. И хотя в 1238–1283 гг. в источниках упоминаются города Новый Торн, Кёнигсберг, Шёнзе (Ковалёво) и Мариенбург (Мальборк), современные польские историки не считают правомерным говорить о них как о вполне сформировавшихся городах. Так, в случае Нового Торна речь идет не о новом городе, а скорее о расширении уже существовавшего. Первая попытка основания Кёнигсберга не удалась; окончательно город был заложен в 1286 г. Зато к числу городов причисляется основанный в 1276 г. Мариенбург (Jasiński 1993. S. 105).

Города, возникшие в Хелминской земле на первом этапе создания территориального государства ордена — Торн, Кульм, Кульмзе (Хелмжа), — в основном служили для обороны от набегов пруссов. Результаты урбанизации первых лет пребывания Тевтонского ордена в Пруссии почти полностью исчезли в ходе второго прусского восстания (1260–1274 гг.). Уцелел только Эльбинг. В 1280-е годы, уже завоевав Пруссию, крестоносцы стали заново создавать городскую сеть.

В городах, одновременно выполнявших функцию церковных центров и способствовавших христианизации Пруссии, формировались и основы правовой системы. В 1999 г. в монографии «Прусские города и Тевтонский орден» профессор Р. Чая, подчеркивая важную роль прусских городов в создании, развитии и рас-

паде орденского государства в Пруссии, одновременно отмечал, что в современной немецкой и польской историографии, посвященной данной проблематике, она еще не была всесторонне изучена с учетом правовых и социально-экономических условий взаимоотношений между городами и государством (Czaja 1999. S. 5). В настоящее время в польской исторической науке заметное место занимают исследования правового статуса основанных в Пруссии городов. Большинство городов (87) были основаны на кульмском праве (за исключением Старого и Нового Эльбинга, Мемеля (ныне Клайпеда), Диршау (Тчев) и Хеля, а также городов Фрауенбурга (Фромборк) и Браунсберга епископа вармийского Генриха Флеминга, основанных на любекском праве). Кульмское городское право представляло собою сочетание магдебургского права и двух редакций (1233 и 1251 гг.) привилегий, полученных городами Кульм и Торн. Кульмскому праву отдавалось предпочтение, особенно выходцами из Вестфалии, Рейнской земли, Тюрингии, Мейсена и Силезии, поскольку оно создавало для них гораздо более благоприятные условия, чем бытовавшие на родине, важнейшим из которых было предоставление городам самоуправления (Nowak 1993. S. 132). Выходцы из Любека принесли с собою любекское (типично городское) право, гарантировавшее городам широкую автономию от территориальных властей и не отвечавшее орденской модели сильного территориального государства. Поэтому орден, согласившись с предоставлением любекского права семи вышеуказанным городам, ограничил его в сфере гражданской и судебной юрисдикции (Czaja 2008. S. 196–197). Так, в Эльбинге Тевтонский орден оставил за собою право высшего суда. Городской совет Кёнигсберга впервые документально упомянут в 1286 г., когда ландмейстер Тевтонского ордена в Пруссии Конрад фон Тирберг (1283–1288) пожаловал горожанам кульмское право (Czaja 1999. S. 24).

Таким образом, изучение польскими историками процесса урбанизации Пруссии в XIII в. способствует как созданию картины формирования орденского территориального государства и его властных структур, так и расширению представления о колонизации Пруссии и о типах прусских городов на раннем этапе завоевания Пруссии Тевтонским орденом.

Литература

- Biskup M.* Der Deutsche Orden und die Freiheiten der großen Städte in Preußen vom 13. bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts // Stadt und Orden / Hrsg. U. Arnold. Marburg, 1993. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 44). S. 112–128.
- Czaja R.* Miasta pruskie a zakon krzyżacki: Studia nad stosunkami między miastem a władzą terytorialną w późnym średniowieczu. Toruń, 1999.
- Czaja R.* Urbanizacja kraju // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach: Władza i społeczeństwo. Warszawa, 2008. S. 177–199.
- Dygo M.* Studia nad początkami władztwa zakonu niemieckiego w Prusach (1226–1259). Warszawa, 1992.
- Jasiński T.* Die Rolle des Deutschen Ordens bei der Städtegründung in Preußen im 13. Jahrhundert // Stadt und Orden / Hrsg. U. Arnold. Marburg, 1993. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 44). S. 94–111.
- Nowak Z.H.* Neustadtgründungen des Deutschen Ordens in Preußen. Entstehung, Verhältnisse zu den Altstädten, Ende der Eigenständigkeit // Ibid. S. 129–142.

Е.А. Мельникова

РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ СКАНДИНАВИИ*

В IX в., вскоре после возникновения крупных торгово-ремесленных центров в Балтийском регионе, в них обнаруживаются рунические памятники, связанные с одной стороны, с торговой деятельностью жителей эмпориев (два деревянных стержня из Хедебю: Sl 9, 10) и их повседневной жизнью (надписи на костях из Бирки [Nyström 1992], деревянный стержень из Старой Ладogi, два амулета оттуда же), с другой – с местными правителями, основывавшими поблизости от эмпориев свои резиденции. Если первые – случайные надписи на деревянных стержнях и костях животных, то вторые представляют собой мемориальные стелы, призванные увековечить память о правителе и его деяниях. Таковы два памятника из Хедебю (DR 2 и 4) второй четверти X в., установленные в память о датском конунге Сигтрюнге сыне Гнупы его матерью Асфрид, и два памятника из Еллингa, воздвигнутые датскими конунгами Гормом (DR 41) и Харальдом Синезубым (DR 42, в надпи-

си прославляется деятельность самого Харальда) третьей четверти X в.; памятники XI в. в Novgården на о. Адельсё вблизи Бирки и в самой Бирке (U 4, 11).

Привнесенное вместе с христианством латинское письмо, адаптированное для передачи фонетической системы скандинавских языков, к XII в. занимает доминирующее положение в церковном обиходе, а также в зарождающемся делопроизводстве, официальной переписке правителей Скандинавских стран с Ватиканом и другими государствами, в раннем историописании (Nedkvitne 2004. Р. 36–105). Сферы использования латинского письма (и латинского языка) тесно связаны с центрами политической и церковной власти, сосредоточенной в городских центрах Дании (Роскилле, Лунде), Норвегии (Бергене, Нидаросе), Швеции (Сигтуне, Скаре и др.). Однако в повседневной жизни горожан руническое письмо в полной мере сохраняет свое значение. Деревянные стержни и кости в городах Норвегии и Швеции (в Дании руническое письмо выходит из употребления к XIII в.) служат бытовым целям. На стержнях представлены письма разного содержания, молитвенные тексты, заговоры, бирки и владельческие надписи, алфавиты и силлабарии и т.п. – в подавляющем большинстве на национальных языках. Содержание надписей показывает, что руническое письмо широко используется купцами (бирки – наиболее распространенный предмет, немногочисленные письма), а также простыми горожанами (Мельникова 2014).

Руника, по-видимому, остается в это время главным способом письма и для представителей норвежской знати: сохранилось, по меньшей мере, три письма, написанных представителями враждующих партий в период гражданской войны в Норвегии (1130–1240) и отражающих перипетии политической жизни. Особенно показательно одно из них – секретное обращение к не названному по имени адресату перейти на сторону автора письма (B368) – в двух отношениях. Во-первых, оно свидетельствует, что руника была использована как обычное, прагматическое письмо, а не как тайнопись: вырезанная в углублении деревянной щелы, надпись была покрыта слоем воска, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Во-вторых, автор письма просит адресата «вырезать письмо» (*snið rit*) и послать его третьему лицу. Не менее ярко свидетельствуют о естественности использования рунического, а не

латинского письма другое из этих посланий, в котором сын провозгласившего себя конунгом Норвегии Сверрира Сигурд Лавард (ум. 1200 г.) заказывает бергенскому кузнецу оружие, а также сделанная несколько раньше, возможно в 1184 г., надпись на косяке портала деревянной церкви в Винье (Норвегия) противником Сверрира: «Сигурд сын Ярла вырезал эти руны в воскресенье после мессы Ботольва, когда он бежал сюда и не хотел заключить соглашение со Сверриром, убийцей своего отца и братьев» (NlyR 170).

Как показывают приведенные материалы, владение руническим письмом было общераспространенным в городской среде и охватывало все слои общества.

Примечание

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00519.

Источники и литература

Мельникова Е.А. «Я помню тебя...»: бытовая руническая письменность в Скандинавии // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 1–11.

B – Database of the Bergen inscriptions // <<https://www.nb.no/baser/runer/efunnliste.php>>.

DR – Danmarks runeindskrifter / Udg. L. Jacobsen, E. Moltke under medvirkning af A. Bæksted og K.M. Nielsen. København, 1941. Bd. 1: Text.

NlyR – Norges innskrifter med de yngre runer / M. Olsen med hjelp i forarbeider av S. Bugge. Oslo, 1941–1960. Bd. 1–5.

Nedkvitne A. The Social Consequences of Literacy in Medieval Scandinavia. Turnhout, 2004.

Nyström St. Runes and Runestones from Birka // *Birka studies*. Stockholm, 1992. Vol. 1: Investigations in the Black Earth. S. 64–70.

U – Upplands runinskrifter / Udg. E. Wessén, S.B.F. Jansson. Stockholm, 1940. Bd. VI, del 1, h. 1–2. (Sveriges runinskrifter; Bd. VI).

**МНОГО ЛИ В НОВГОРОДЕ ДОМОК?
(О ПИСЦАХ ГРУППЫ НОВГОРОДСКИХ РУКОПИСЕЙ
РУБЕЖА XI–XII вв.)***

Доклад посвящен происхождению комплекса пергаменных рукописей, связанных с новгородским женским монастырем св. Лазаря. Три из этих рукописей – служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь – содержат записи, позволяющие уверенно датировать их 1090-ми годами. Пять из восьми интересующих нас миней в XVII в. принадлежали Лазареву монастырю, еще две сохранили более ранние записи о принадлежности этой обители, а восьмая минея написана почерком, который встречается в других четырех томах.

Сходство формата и оформления лазаревских миней [РГАДА. Ф. 381 (Синодальной типографии). № 84, 89, 91, 99, 103, 110, 121, 125] было отмечено давно. Почерки писцов этих рукописей недавно обстоятельно изучила Е.В. Уханова (2009. С. 222–225, с указанием литературы). В работе над восемью минейными рукописями принимали участие восемь писцов и один ученик, который переписал некнижным почерком всего пять строк на л. 42 об. сентябрьской минеи. Имена четверых писцов известны из их выходных записей и маргиналий. Это были (1) безымянный первый писец, переписавший только первую тетрадь сентябрьской минеи, (2) Яков Домка, который писал тома за сентябрь и октябрь, (3) Михаил, переписавший первую половину ноябрьской минеи и шесть строк в октябрьском томе, (4) безымянный второй писец, переписавший вторую половину ноябрьской минеи, (5) безымянный третий писец ноябрьской минеи, который переписал только 16 строк на л. 39 об., (6) первый писец январского тома, (7) Матфей, переписывавший минеи за январь, февраль, апрель, июль и август (последнюю – единолично), и, наконец, (8) Лаврентий, участвовавший в написании февральской, апрельской и июльской частей.

Н.В. Волков обратил внимание на написание Милятина евангелия (ОР РНБ. Ф.п.1.7) попом *св. Лазаря* Домкой (Волков 1897. С. 33). В свою очередь В.Л. Янин без проверки предложил ото-

ждествить писца сентябрьской и октябрьской миней Якова Домку с первым писцом Милятина евангелия попом Домкой (Янин 1982. С. 57–61). На несомненное различие их почерков указывали Л.В. Столярова и Н.Н. Розов (Столярова 1998. С. 208–209; Розов 1999. С. 66, примеч. 20). В действительности первый почерк Милятина евангелия идентичен другому почерку типографских миней, а именно первому почерку январской минеи: ср. характерные начерки букв *а, д, ж, з, м, р, х, w, иц, а* (тот же почерк обнаруживается и еще в одной лазаревской рукописи – Сковородском паремейнике [РГАДА. Ф. 381. № 50]). Это отождествление позволяет не прибегать к сложным гипотезам, предлагавшимся в работах Л.В. Столяровой (1998. С. 193–221; 2010. С. 169–207) и А.А. Гиппиуса (2007), которые вслед за В.Л. Яниным связывают Милятино евангелие с типографскими минеями, однако считают его переписанным с древней рукописи Якова Домки в конце XII – начале XIII в.

Для какой церкви были написаны тома за январь–август? Выходная запись Матфея в конце июльского тома гласит:

Азъ грѣшныи Матѣѣи начахъ писати · кѣнигы | сил · а Лаврѣн-
ти · доконьца · не азъ бо своею хждост[и]ю написахъ · и братъ · нъ
силою сѣѣа Трѣца · оѣа · и сѣа и сѣго дѣа | нына и присно и въ вѣкы
въмъ аминь · игѣмениа повелѣнїемъ · а сѣѣмъ Лаз[а]рь^м млт[вою] · а
Бѣѣ · [и] стою Бѣѣю сѣѣжано.

(Я, грешный Матфей, начал писать эту книгу, а Лаврентий закончил. Не я своим ничтожеством написал [ее] с братом, но благодаря силе святой Троицы: отца и сына и святого духа (ныне и присно и во веки веков, аминь), по повелению игуменъ и [благодаря] молитве святого Лазаря (*или*: святому Лазарю). Богом и святой Богородицей оплачено).

Из этой записи следует, что тома миней за январь–август предназначались для женского Лазаревского монастыря.

Для какой церкви было написано Милятино евангелие? На последнем его листе сохранилась выходная запись попа Домки:

Помощию Хѣю напѣсашася · сѣѣи | бѣвѣдцы апѣли · дѣ · еу-
аѣѣгѣисти · Ёѣанъ · | и Матѣѣи · Лоука · и | Маркъ · Аминь · Въ |
голодьное лѣто напѣсашъ еуаѣѣгѣие · и | апѣль · обоѣою · лѣѣ ·
Дѣѣѣ · поѣ · оу сѣѣго | Лазѣра · пол · а повелѣнїемъ · Мѣлатино[мъ]

Лоукиницѣмъ и | криль обоѣ книги | на сїсение собѣ ꙗ на | съдравие аминѣ.

(С помощью Христовой была написана [эта книга] – святыя боговидцы апостолы, четыре евангелиста: Иоанн и Матфей, Лука и Марк. Аминь. В голодный год написал я евангелие и апостол (обе [книги] – за один год), Домка, священник, поющий у святого Лазаря, а по повелению Миляты Лукинича, и он оплатил обе книги себе на спасение [в будущей жизни] и на здоровье [в этой]. Аминь).

Здесь упоминается только одна церковь – св. Лазаря, поэтому у нас нет оснований думать, что евангелие было написано для какого-то иного новгородского храма, как предположил А.А. Гиппиус (2007. С. 40). Упоминаемый в записи Милята Лукинич, вероятно, был ктитором Лазаревского монастыря.

Где были написаны тома за январь–август и Милятино евангелие? Учитывая участие лазаревского попа Домки в работе над январской минеей и евангелием, нельзя исключать, что они были созданы в Лазаревом монастыре. Впрочем, поп св. Лазаря мог переписывать книги для своей церкви и где-то в ином месте, где были подходящие минеи. При этом важно, что Матфей в своей записи называет Лаврентия «братом», следовательно они были либо кровными братьями, либо монахами. Учитывая использование ими только христианских имен, предпочтительна вторая версия.

Когда были написаны тома за январь–август и Милятино евангелие? Орфографию и язык миней Матфея и Лаврентия изучил Р.Н. Кривко, который датирует их концом XI – началом XII в. (Кривко 2016. С. 138–142). В свою очередь палеография, орфография и язык Милятина евангелия были недавно рассмотрены Г.А. Мольковым, что позволило ему датировать этот памятник XI – первой половиной XII в. (Мольков 2014). Учитывая указание попа Домки на написание евангелия в *голодный год*, следует думать, что оно было написано в 1092 г., во время катастрофического голода 1127–1128 гг. или в 1137 г.

Для какой церкви были написаны в 1095–1097 гг. три первых тома миней? В выходной записи в сентябрьской минее Яков Домка сообщает, что он пишет «святой госпоже Богородице»:

Азь грѣшныи рабѣ бѣи недостойныи Дѣмька | написахъ кѣнигы
сиа · стѣи гжѣ Бѣѣ · лаѣче (?) | братиѣ Бѣ сѣ боаче · азь бо есмь
грѣшныи невѣжа · да написахъ бес показаниа въ своихъ грѣсѣхъ по-
гроужень · дажь въ нѣ поа обраще криво а всѣ.

(Я, грешный раб божий, недостойный Домка, написал эту книгу
святой госпоже Богородице. [А (?)] ведь я, о отец (?) и братия, боя-
щиеся Бога, – грешный невежа, да написал без наставления (*или:*
без руководства), потонувший в своих грехах. Если [кто], поя [по
ней], найдет в ней ошибку, то всё (?) *[пусть исправляет, а не кля-
нет меня]).

Судя по обращению к братии (и, вероятно, к отцу), Яков Домка
был монахом. От выходной записи Якова Домки в конце октябрь-
ской минеи сохранилось только начало, где он обращается с мо-
литвой к святой Богородице. По мнению В.Л. Янина, Яков Домка
имел в виду под «святой госпожей Богородицей» соседний с Ла-
заревым Зверин монастырь (Янин 1982. С. 57). Женский мона-
стырь Богородицы «в Зверинце» впервые упоминается под 1148 г.
Постоянное летописание появляется в Новгороде в 1110-е годы, и
уже с 1117 г. в нем регулярно отмечаются факты основания новых
монастырей, поэтому основание монастырей, впервые упоминае-
мых в летописи в XII в. как уже существующих, предпочтительнее
относить ко времени до начала регулярного ведения летописи.
Таких монастырей оказывается всего три: Юрьев, Богородицы в
Зверинце и Духов, который впервые упомянут в летописи под
1162 г. Последние две обители располагаются неподалеку от Ла-
зарева монастыря, на ограниченном участке между северными
окраинами Неревского конца и речкой Гзенью (древнее название –
Къземля). Все три древних монастыря из этой местности могли
уже существовать в 1090-е годы.

Где были написаны три первых тома? Для решения этого во-
проса существенно обращение Якова Домки к «отцу (?) и бра-
тии» (то есть, по-видимому, к игумену и монахам) в выходной
записи сентябрьской минеи. Если Яков Домка, Матфей и Лав-
рентий действительно были монахами, то проще всего будет
предположить, что они были постриженниками какого-то муж-
ского монастыря, располагавшего комплектом миней студий-
ской редакции, которые тиражировались там для других новго-

родских обителей. Это мог быть либо знаменитый Юрьев монастырь, либо расположенный неподалеку от Лазарева и Зверина монастырь Сошествия святого духа на апостолов – т.е. Троицы. В связи с этим соблазнительно вспомнить об упоминании св. Троицы в выходной записи Матфея в конце июльской минеи.

Итак, типографские минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь (№ 84, 89, 91), написанные в 1090-е годы, по всей вероятности, предназначались для женского монастыря Богородицы в Зверинце. Между тем, июльский том (№ 121) сохранил запись о его написании для небольшого соседнего женского монастыря св. Лазаря. По-видимому, минеи за январь, февраль, апрель и август (№ 99, 103, 110, 125) были написаны вместе с июльской, а основные писцы этого второго комплекта, Матфей и Лаврентий, вероятно, были монахами соседнего мужского Духова монастыря. При этом в написании январского тома кроме Матфея принимал участие писец Милятина евангелия лазаревский поп Домка, которого ранее ошибочно путали с Яковом Домкой, писцом сентябрьской и октябрьской миней первого комплекта. Если два комплекта миней и Милятино евангелие вышли из одного скриптория, то следует думать, что он находился в Духовом монастыре.

Примечание

* Исследование поддержано РФФИ (проект № 17-29-09015 «Новые источники по истории русского языка и письменности: Публикация, историко-филологический анализ и дигитализация древнерусских текстов»).

Литература

- Волков Н.В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV веков и их указатель. [СПб.], 1897. (Памятники древней письменности; 123).
- Гиппиус А.А. К вопросу о новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI–XII вв. // ДРВМ. 2007. № 1 (27). С. 36–44.
- Кривко Р.Н. Орфография рукописи как свидетельство текстологической преемственности // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2016. Вып. 9: История русского языка и культуры. Памяти В.М. Живова. С. 124–148.
- Мольков Г.А. Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.1.7): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.

- Розов Н.Н.* Русские мастера рукописной книги: (К 1000-летию русской книги). СПб., 1999.
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Столярова Л.В.* Центры изготовления книг в Древней Руси // *Столярова Л.В., Каишанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 169–244.
- Уханова Е.В.* О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в. // *Хризограф.* М., 2009. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Тр. междунар. конф., Москва, 5–7 сентября 2005 г. С. 204–237.
- Янин В.Л.* Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь // *АЕ* за 1981 год. М., 1982. С. 52–63.

Д.Е. Мишин

ГОРОД ХЙРА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР И ЦЕНТР ТОРГОВЛИ

Одна из важнейших проблем истории Древнего мира и раннего Средневековья – проблема отношений между империями, возникшими на основе оседлых цивилизаций, и так называемой варварской периферией. Во многих случаях империи стремились отгородиться от варваров, чтобы предотвратить их нападения. Города играли в этом процессе стратегическую роль, будучи центрами сосредоточения войск. Но в то же время они выполняли и функции центров товарообмена. Настоящий доклад имеет целью показать это явление на примере восточной истории для поиска параллелей в Европе.

Подобно современной Турции Сасанидская держава занимала земли Азии и Европы и едва ли не на всех своих границах сталкивалась с народами, от которых была вынуждена отгораживаться, – с тюрками на востоке, гуннами на севере, арабами на юго-западе. Из этих случаев наиболее известен последний, т.к. воспоминания о контактах арабов с Сасанидами сохранились во многих произведениях литературы исламского периода. Сасаниды пошли по пути создания буферного государства Лахмидов со столицей в Хйре (в районе современной

Куфы). Это государство существовало со второй половины III по начало VI в.; автор этих строк посвятил его истории отдельную монографию. Хйра не имела периметра укреплений и потому едва ли была важным стратегическим центром; ее три раза захватывали враги – два раза Гассаниды, один раз киндиты. В политическом отношении Хйра была столицей, резиденцией лахмидского царя, однако он бывал там далеко не всегда и немало времени проводил у сасанидского царя или в пустыне, у арабских племен.

Очень интересна экономическая роль Хйры. Арабский город обычно ассоциируется с рынком. В доисламской Аравии центрами торговли были ярмарки, которые проводились, каждая в свое время, в разных селениях. Известный в Средние века знаток древностей Хишām аль-Кальбī (род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) составил сочинение «Книга о ярмарках арабов» (*Kitāb асуāк аль-‘араб*). Эта книга не дошла до нас, но ее содержание сохранилось в передачах более поздних авторов – Ибн Хабйба (ум. в 860 г.) и аль-Марзūкī (ум. в 1030 г.). Ни тот, ни другой не упоминает о ярмарке в Хйре. Однако сведения об этой ярмарке сохранились в других источниках. Эти упоминания очень редки, но в то же время показательны. Абу-ль-Фарадж аль-Исфакхāнī (897/98–967 гг.) со ссылкой на более ранние источники рассказывает, что в правление лахмидского царя ан-Ну‘мāна III (579–601 гг.) представитель мекканского рода Омейядов аль-Хакам Ибн Абй-ль-‘Асй повез благовония на ярмарку в Хйре. Об этой ярмарке сообщается, что она проводилась каждый год и на нее собирались люди (Китāб аль-ағāнī ли ... *Абй-ль-Фарадж аль-Исфакхāнī* (Книга песен 1905. С. 95). Другой эпизод обнаруживается в более раннем источнике, одном из трактатов Абу ‘Усмāна аль-Джāхиза (ум. в конце 868 – начале 869 г.). Порица Мусайлиму, который в исламской традиции считается лжепророком, автор сообщает, что до начала своих пророчеств тот ездил по рынкам, которые были между землями персов и арабов, встречавшихся там для торговли. В числе таких рынков называются рынки в Убулле, Бақе, аль-Анбāре и Хйре (Китāб аль-хайауāн. Та’лйф *Абй ‘Усмāн ... аль-Джāхиз* (Книга о животных 1965. С. 369). Привязка этого сообщения к

жизни Мусайлимы, погибшего в сражении с мусульманами в 634 г., позволяет заключить, что сообщение аль-Джаҳиза относится к первой трети VII в., т.е. ко времени немногим позднее эпизода, описанного у Абӯ-ль-Фараджа аль-Исфакһанӣ. Речь, очевидно, идет о ярмарке в Хйре.

Хотя представленные сведения довольно скудны (мы не знаем, например, когда проводилась ярмарка), нельзя не отметить следующие аспекты. С одной стороны, на ярмарку съезжались и курейшиты из Мекки, и представители племени Бану Ханйфа из Йемамы (к которым принадлежал Мусайлима), и персы. Это не только говорит о важности хйрской ярмарки как торгового центра, но и указывает на то, что она выступала одним из центров торговли между Сасанидской державой и арабскими племенами. Правда, то, что Хйра была отделена от Аравии землями Йемамы, где было неспокойно, и нередко шли войны, а Хишām аль-Кальбӣ – по крайней мере, насколько можно судить, – не упоминает о хйрской ярмарке, говорит о том, что важность последней, отмеченную выше, не стоит и преувеличивать. Скорее всего, из арабов на нее собирались главным образом жители относительно близкой северо-восточной Аравии. С другой стороны, есть значительная вероятность того, что Мусайлима был на ярмарке в Хйре позже 601 г., когда закончилось правление последнего Лахмида – упомянутого выше ан-Ну‘мāна III. Из этого можно заключить, что ярмарка проводилась и в правление Лахмидов, и по окончании его. Традиция проведения ярмарки, следовательно, оказалась устойчивой к политическим изменениям, что также свидетельствует в пользу важности Хйры как центра торговли.

Источники

Книга песен Абӯ-ль-Фараджа аль-Исфакһанӣ / Изд. А. аш-Шинқйтӣ. Каир, 1905. Ч. 16.

Книга о животных. Сочинение Абӯ ‘Усмāна ... аль-Джаҳиза. Каир, 1965.

ГОРОДА И КРЕПОСТИ ХАЗАРИИ: ВЕРСИЯ А.С. УВАРОВА

В архиве Отдела письменных источников ГИМ хранится неоконченный труд одного из родоначальников российской археологии А.С. Уварова «Жители Таврических гор», в котором представлен обзор археологических памятников Горного Крыма (ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196). Эта рукопись является частью проекта (всего было опубликовано два выпуска: Т. 1. СПб., 1851; Т. 2. СПб., 1856) «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» и должна была стать основой четвертой главы «От Днепра до Таврических гор» третьего выпуска (гл. 4–7). Данное сочинение было подготовлено на основе Путевых заметок А.С. Уварова за 1848 г., которые он вел во время поездки на Юг России. В разделе, посвященном городищу Чуфут-кале (л. 48 об.–60 об.), А.С. Уваров поместил очерк истории крымских караимов (л. 49–56 об.), в котором присутствует сюжет об истории хазар:

(Л. 50 об.) Древнейшие сведения о Хазарах, дошедшие до нас, находятся у византийского писателя Никифора Патриарха... и относятся к 626 году по Р.Х. Все племена признали их остатками Гуннов, выгнанных из пределов Китая и поселившихся в I столетии Р.Х. на берегу Каспийского моря. Их прочие звали Коза и Хазары, Хотциры и Акатциры, и Косри... В VIII столетии мы встречаем Хазар в Бухарии, а в Аравии они основали город Амал (Ашал? – Ю.М.). Тут же встречаем первый раз сведения о Евреях, живших в этом городе вместе с Христианами, Магометанами и Идолопоклонниками. <...> В 680 году они победили Унгров, а в 702 император Юстиниан, удалившийся в Корсунь принужден скрыться к Кагану Хазарскому в крепости его Дарос или Дорос. Мы видим тут первое название крепости, бывшей во власти Хазаров, предположение что Дорос – это теперешний Инкерман, весьма правдоподобно. Далее мы видим, что Хакан дал Юстиниану город Фанагория для жития, следовательно, этот второй уже город, принадлежавший Хазарам. В 834 году, Хазары с помощью корсунского архитектора Петроны Каматира строят на Дону город Саркел или Белгород... Бросим же теперь взгляд на внутреннее состояние этого народа. Мы видим,

что в Бухарии и в Аравии они имели государство, коею столицею был Амал (Ашал? – *Ю.М.*). Правитель этого государства, был из еврейского народа, его главный визирь – Магометанин, а жители, как и весь народ Хазаров, состояли из Христиан, Магометан, Евреев и идолопоклонников. Из этого описания мы видим, всю веротерпимость Хазар, веротерпимость, которая допускала даже достигать высшую должность между ними. Заняв Тавриду, они продолжали действовать совершенно в том же духе, то есть покровительствовать всем вероятно, верованиям. Но, около IX столетия, Хазары увидели, что против набегов Русов и Печенегов, одна сила Византийцев могла противостоять, обратились в 858 году к императору Михаилу III прося его научить их (*л. 52*) вере Христианской. Сыновья Льва, чиновника богатого, Кирилл и Мефодий отправились в Хазарскую землю... Прологи и Минеи нам подробно описывают усилия обоих братьев к распространению Христианской веры. Хазары были тогда уже Еврейской веры, а, славянские языки были между ними общепринятыми... Следствием проповеди Кирилла и Мефодия было вероятно крещение Евреев из некоторых городов Хазарских и лишением некоторых льгот, которыми они прежде пользовались...

Как мы видим, в числе хазарских городов и крепостей А.С. Уваров упоминает некий Амал (Ашал), Дорос, Фанагорию и Саркел. К середине XIX в. хазароведческие исследования не были популярны в российской историографии. Д.И. Языков, опубликовавший в 1840 г. пространную статью о хазарах (Языков 1840. С. 155–240), в которой попытался собрать все имевшиеся на тот момент сведения о них, в историографическом разделе из русскоязычных работ упоминает только труды Н.М. Карамзина (1997. С. 62–65; первое издание – 1816–1817 гг.) и две статьи В.В. Григорьева (1876а; 1876б).

Также он указывает сделанный М.П. Погодиным русский перевод написанной на немецком языке статьи И. Эверса (Погодин 1826. С. 107–128). Среди исследований на европейских языках Д.И. Языков отмечает труды Х. Френа и К. Доссона (Языков 1840. С. 155–156). Кроме этого, можно упомянуть изданный в 1844 г. перевод П. Тяжелова немецкоязычной статьи Б. Дорна «Известия о хазарах восточного историка Табари» (Тяжелов 1844). В целом, А.С. Уваров, повествуя о хазарах, во многом ориентировался на работу Эверса–Погодина и, очевидно, на

иностранные публикации, в частности переводы средневековых арабских авторов.

Амал (Ашал). Откуда А.С. Уваров заимствовал информацию о хазарах в Аравии, до конца не ясно. Скорее всего, как справедливо считает Т.М. Калинина (устное пояснение), основными источниками послужили имевшиеся тогда комментарии к иностранным переводам арабских и еврейских авторов. Во-первых, здесь могла возникнуть аллюзия к Химиаритскому царству в Южной Аравии, правитель которого Зу Нуvas Юсуф Асар Ясар (Масрук) в начале VI в. принял иудаизм. Вслед за правителем иудеями стали и его подданные. Об этом знал и ал-Мас'уди. С другой стороны, истоки этой версии могут быть обнаружены в еврейско-хазарской переписке и являться некой интерпретацией известий о Хазарии из письма царя Иосифа, сохранившегося у Иехуды бен Барзилая.

Напомним, во вступлении Исаака Акриша к еврейско-хазарской переписке, впервые опубликованной в 1577 г. в Константинополе (Коковцов 1932. С. IX) и впоследствии неоднократно переиздававшейся, среди местностей, где живут иудеи, которые правят другими народами, упоминается «царство Темана, внутри Аравии» (Там же. С. 40). В любом случае, мы не нашли аналогов этой версии в русскоязычной литературе того времени. Поэтому, скорее всего, А.С. Уваров заимствовал эту гипотезу из каких-то иностранных трудов по хазарам или, что даже вероятнее, из комментариев к переводам арабских авторов (ал-Мас'уди?).

Хотя текст рукописи А.С. Уварова достаточно сложен для прочтения, вероятнее всего там написано именно «Амал». Возможно, хотя и маловероятно, прочтение «Ашал». Несомненно, несмотря на очевидную путаницу и достаточно поверхностное представление А.С. Уварова об исторической географии Хазарии, речь здесь идет об Итиле, столице Хазарского каганата. Локализация же этого города в Аравии – явная нелепая ошибка. Во-первых, хазары Аравийским полуостровом не владели. Во-вторых, у Н.М. Карамзина Итиль фигурирует как Ател (Карамзин 1997. С. 63), а у И. Эверса (в переводе Погодина) – как Ашель (Погодин 1826. С. 109). В-третьих, контекст упоминания Амала у Уварова полностью совпадает с рассказами арабских

авторов об Итиле. О жителях Итиля – мусульманах, христианах, иудеях и язычниках – писали ал-Истахри, Ибн Фадлан, ал-Мас‘уди, ал-Мукаддаси (Новосельцев 1980. С. 8–28; Калинина 2014. С. 8–100).

Дорос и Фанагория. Несомненно, что первоисточники Уваровской информации об этих городах – «Хронография» Феофана Исповедника и «Бревиарий» патриарха Никифора, в которых подробно описана известная история императора Юстиниана II (Чичуров 1980. С. 62–65, 163–166). Если подчиненность Фанагории хазарам очевидна, то в сочинениях византийских авторов не сообщается, что Дорос тогда находился под их контролем. Он являлся частью византийских владений в Таврике. Что касается локализации Дороса в Инкермане, то А.С. Уваров повторяет ошибочное мнение, восходящее к Тунманну (1991. С. 31) и бытовавшее во времена А.С. Уварова. В свете современных научных представлений не вызывает сомнений, что Дорос – это Мангуп.

Саркел. Первоисточником информации о строительстве Саркела несомненно выступает Константин Багрянородный («Об управлении империей», гл. 42). При этом А.С. Уваров ошибается, когда называет Петрону Каматира корсунским архитектором. Петроном к хазарам был направлен из столицы. Только после строительства Саркела и возвращения в Константинополь, тот был назначен стратигом только что созданной фемы Климатов в Крыму (Константин 1989. С. 173).

Литература

- Григорьев В.В. Обзор политической истории хазаров // Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 46–65. (а)
- Григорьев В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 66–78. (б)
- Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 8–100.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Ростов-н/Д, 1997. Т. 1.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1980.

- Погодин М.П.* О козарах (из Эверсовых исследований) // Северный Архив. СПб., 1926. Т. 6. С. 107–128.
- Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Тяжелов П.* Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис-Обру, Ибн-Аазем-Эль-Куфи и др. Статья Академика Дорна // ЖМНП. 1844. Т. 43. С. 1–25, 67–98.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.
- Языков Д.И.* Опыт истории хазаров // Труды Имп. Рос. Академии наук. СПб., 1840. Т. 1. С. 135–241.

В.Е. Науменко

МАНГУП-ДОРΟΣ СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ. ИСТОРИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ФУНКЦИИ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ*

Период VIII–XI вв. в истории крупнейшей средневековой крепости Юго-Западного Крыма – Мангупа-Дороса – остается слабо изученным в историографии. Он мало освещен в письменных свидетельствах, а группа археологических источников еще находится в стадии формирования (Герцен 2002; Герцен, Науменко 2018). Целью работы является реконструкция политической истории Мангупского городища в VIII–XI вв. на основе всего имеющегося фонда источников, а также систематизация археологических данных о топографии и характере его поселенческой структуры.

Политическая история Мангупа-Дороса в VIII–XI вв. Она по-прежнему реконструируется на основе немногочисленных и фрагментарных свидетельств нарративных источников и сводится к нескольким историческим сюжетам.

О Мангупе в начале VIII в. известно из сообщения Феофана и Никифора о бегстве в крепость Дорос отбывавшего в Херсоне ссылки императора Юстиниана II. Здесь, скрываясь от византийской администрации, он обратился к хазарскому кагану с просьбой о встрече, которая состоялась, очевидно, за пределами Дороса, в Хазарии, и завершилась договоренностью о браке ме-

жду опальным императором и сестрой хазарского кагана. Отсутствие упоминаний хазар применительно к Доросу и неслучайное замечание Никифора о нем как о крепости, лежащей «в готской земле», не позволяет рассматривать версию о хазарской принадлежности Мангупа в это время. Дорос сохраняет провинциальную ориентацию, хотя его автономия и фактическая неподконтрольность Херсону еще требуют специального анализа.

Еще один сюжет из истории Мангупа VIII в. – описание неудачного восстания населения Готии во главе с его господином («киром») и епископом Иоанном против хазар, овладевших около 786–787 гг. областью и ее главной крепостью Доросом, – сохранился в Житии Иоанна Готского. Он отражает наивысший этап экспансии хазар в Таврике, установивших к концу VIII в. свой контроль практически над всей территорией полуострова. Для Мангупа эти события важны в связи с началом непродолжительного хазарского периода в истории городища. Ретроспективно о нем как одном из опорных пунктов Хазарского каганата вдоль его западной границы в Таврике в конце VIII – начале IX в. позднее (в середине X в.) сообщает еще один источник – Пространная редакция письма хазарского царя Иосифа Хасдаю Ибн Шапруту.

С учреждением в Таврике весной–летом 841 г. фемы Климатов Мангуп вновь становится частью византийской провинции на полуострове. Однако о его истории в фемный период известно немного. В нотиции К. Де Боора, составленной, как мы полагаем, в начале 60-х годов IX в. (Науменко 2003), Дорос фигурирует как центр Готской митрополии – проекта Византии, призванного объединить в рамках одной церковно-административной единицы разрозненные христианские общины Хазарии и тех областей Таврики, которые оказались в зоне византийско-хазарского пограничья. Митрополичий статус подразумевал регулярные связи Дороса с Константинополем, в представлении которого крепость продолжала оставаться политическим и духовным центром региона.

На протяжении X в. Мангуп-Дорос являлся одним из укрепленных центров горной части Таврики, входивших в состав фемы Херсон. Вероятно, ближе к концу столетия эта часть фемы была выделена в особое подразделение – турмархию Готия

(Алексеев 2006). В 994–995 гг., судя по надписи с именем Цулы-бега, в Мангупской крепости находился византийский гарнизон во главе с топотеритом, под руководством которого выполнялись локальные работы по укреплению оборонительной системы городища (Виноградов 2009).

Фемный период в истории Мангупа завершается около середины XI в. Следы военной катастрофы выявлены в ходе раскопок цитадели на мысе Тешкли-бурун (Герцен, Науменко 2001). После этих событий городище вступает в полосу длительного упадка. До сих пор на его площади, как и в округе, не выявлены следы культурного слоя и комплексов XII–XIII вв. Находки этого времени немногочисленны. Однако представления о цезуре в истории Мангупа мы не склонны рассматривать как окончательные. Скорее, они отражают современное состояние изученности памятника.

Историческая топография и функции Мангупского городища хазарского и фемного времени. Основной ресурс для изучения этих вопросов лежит в области археологических исследований городища. Еще в 1990 г. А.Г. Герцен сформулировал гипотезу о Мангупе VIII–XI вв. как крепости-убежище с относительно небольшим населением, редкими усадьбами и винодельческими комплексами, сосредоточенными в основном в северо-восточной части Мангупского плато (Герцен 1990). Ее основные положения, как и главные проблемы изучения городища этого времени – отсутствие хорошо выраженного культурного слоя, неравномерность в распределении вещественных находок, среди которых преобладают материалы второй половины IX–X вв. и почти нет артефактов VIII и XI вв., – остаются актуальными, хотя и требуют некоторой корректировки в связи с результатами новых раскопок.

Хазарский период в истории Дороса археологически почти не изучен. Не выявлены участки жилой застройки и некрополь этого времени; редкими являются находки такого важного этнокультурного индикатора, как салтово-маяцкая керамика. Лучше всего присутствие хазар на городище видно при изучении его оборонительной системы, отдельные узлы которой были подвргнуты ремонту в конце VIII – начале IX в.

Начало фемного периода в истории Мангупа отмечено резкой сменой комплекса материальной культуры, в котором отныне доминируют артефакты византийского круга – различные типы амфор, бытовой керамики, монеты от Василия I (867–886) до Иоанна Цимисхия (969–976). Культурный слой и застройка городища второй половины IX – X в. зафиксированы в ходе раскопок многих разновременных объектов. Однако об элементах поселенческой инфраструктуры, планировке и характере городища этого времени мы можем пока говорить лишь в самом общем виде.

Несомненно, Мангуп-Дорос IX–X вв. сохранял характер крупной, хорошо укрепленной крепости, основная линия обороны которой, как и прежде, проходила вдоль внешней кромки Мангупского плато. Внутрикрепостное пространство делилось на две функциональные зоны – жилой и хозяйственной застройки (центральная и восточная часть плато; не более 30% от его общей площади) и свободной от застройки территории, которая могла использоваться в случае военной опасности как убежище для населения округа. Административный центр поселения предположительно тяготел к единственному храмовому комплексу этого времени – трехнефной базилике, кафедральному храму Готской епархии в Юго-Западном Крыму (Бармина 2008). По крайней мере, именно здесь, в центральной части городища, в ходе раскопок на месте церкви св. Константина XV–XVI вв. и княжеского дворца 1425–1475 гг. недавно выявлен ярус регулярной застройки IX–X вв., представленной каменными многокамерными зданиями (Герцен, Иванова, Науменко 2010; Герцен, Науменко, Душенко 2018).

На протяжении фемного периода население Мангупа продолжало заниматься скотоводством и земледелием, однако специализированной отраслью занятий постепенно становится товарное виноградарство и виноделие, ориентированное на экспорт в донские и приазовские районы Хазарского каганата. Занятия виноделием находились под контролем византийской администрации, о чем свидетельствуют находки стационарных скальных виноградодавилен внутри обжитой зоны крепости.

В фемный период истории Мангупа серьезные изменения происходят в его ближайшей округе. Перестают использоваться

многочисленные раннесредневековые грунтовые могильники. На их месте или, скорее, в непосредственной близости начинают функционировать сельские поселения (Науменко 1997) либо крупные храмовые комплексы – крестообразный храм (Мыц 1990) и так называемая «базилика Маркевича» (Науменко, Иोजица, Набоков 2017). Обращает на себя внимание византийский характер композиции этих храмов, что еще раз свидетельствует об усилении византийского компонента в идеологии и культуре населения Крымский предгорий в это время.

Примечание

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №19-09-00124. Выражаем признательность А.Г. Герцену за возможность использования материалов из раскопок памятника.

Литература

- Алексеев Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. 12. С. 564–570.
- Бармина Н.И.* Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. 2008. Т. 42: Византия в контексте мировой культуры. С. 305–313.
- Виноградов А.Ю.* Надпись из Табана-дере: пятьсот лет спустя // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 262–271.
- Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 87–166.
- Герцен А.Г.* Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 29–34.
- Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е.* Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X в.) // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 240–295.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 127–147.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е.* К изучению истории Мангупа VIII–XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований // МАИЭТ. 2018. Вып. 23. С. 615–640.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А.* Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Мат-лы науч. конф. Севастополь, 2018. С. 53–58.
- Мыц В.Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.

- Науменко В.Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 324–340.
- Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным *Notitiae Episcopatum*) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 123–145.
- Науменко В.Е., Иожица Д.В., Набоков А.И.* «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Археология средневекового храма. Матлы науч. конф., посв. 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 50–55.

И.М. Никольский

**МИКЕНЫ – «ФИВАМ СОСЕДНИЕ СТЕНЫ»:
СТРАДАЛ ЛИ ДРАКОНЦИЙ ТОПОГРАФИЧЕСКИМ
КРЕТИНИЗМОМ? (В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)**

В творчестве Драконция, римского поэта, жившего в вандальской Африке во второй половине V в., можно выделить большой блок так называемых эпиллиев, произведений, посвященных классическим античным мифологическим сюжетам, известным по эпосу и трагедии. Это, например, «Гил», «Похищение Елены», «Медей», «Трагедия Ореста». Помещая героев этих поэм в привычное для них пространство греческого полиса, автор позволяет себе некоторые топографические вольности, которые, в числе прочего, трактуются в литературе как результат плохого знания им географии. Один из наиболее ярких примеров – помещение Фив по соседству с Микенами, возникающее в «Трагедии Ореста», в монологе взывающего к фуриям Дорилая:

Не сомневаюсь и я, что по праву прошу наказания,
хоть и кровавого, – Фивам соседние стены надежду
мне подают, обреченные некогда Тартара мраку
и среди ясного дня лишённые света дневного
(«Трагедия Ореста», 490–493, пер. В.Н. Ярхо).

В.Н. Ярхо, комментируя этот фрагмент «Трагедии», действие которой разворачивается в Микенах, безапелляционно объяснил его безграмотностью автора: «Географические представления Драконция о Греции не отличались определенностью» (Ярхо 2001).

В общем виде этот тезис уже несколько раз был опровергнут исследователями с использованием следующей аргументации (Simons 2005. S. 191–192; Wasyl 2011. P. 47–49; Malamud 2012).

Драконций не ошибался, поместив Микены «по соседству» с Фивами. Это вполне сознательная отсылка к другой мифологической поэме, «Медее», в которой действие разворачивается всё в тех же Фивах и по тому же сценарию: измена – месть (неверность Клитемнестры и месть Ореста в «Трагедии»; неверность Ясона и месть главной героини в «Медее»). Фивы (а не «классический» Коринф) выбраны местом действия «Медее» тоже не случайно: это город, у которого сформировалась дурная литературная слава – места, где творятся дурные дела: инцест, братоубийство и т.п.

На мой взгляд, противники точки зрения Ярхо правы, но их позиция нуждается в некотором развитии: еще далеко не все возможные связи, способные помочь в интерпретации творчества Драконция, в ней выстроены. Например, не обсуждается вопрос, почему именно Микены, вкуче с Фивами, были важны Драконцию для изображения места действия трагедий, почему именно эти два города оказались «по соседству». В этом смысле привлекают особенное внимание строки «Гильдоновой войны», произведения Клавдия Клавдиана, поэта конца IV в., Драконцию безусловно известного. Это сочинение было приурочено к подавлению мятежа в Африке (тогда еще римской), поднятого собственно Гильдоном в 398 г. В нем среди прочего присутствует и такой пассаж:

ne consanguineis certetur comminus armis,
ne, precor. haec trucibus Thebis, haec digna Mycenis;
in Maurois hoc crimen eat.

(Да не восстанет отнюдь сокровныя брани стяжанье,
Да не случится, молю:
злых Фив и Микен се достойно
Маврам сей грех пусть преидет
(De Bell. Gild. 286–288; пер. Р.Л. Шмараква).

Он примечателен тем, что Микены возникают здесь в одном ряду не только с Фивами как символ дикости и жестокости (очевидно, языческой в противовес христианскому поведению), но и с мавританской Африкой. Последнее особенно актуализирует связанную с Драконцием политическую повестку.

Получается, что, располагая эти греческие города по соседству, Драконций отсылает к инвектике, связанной с ситуацией мятежа, – ведь именно его подавлению была посвящена «Гильдонова война». Как римлянин вряд ли он сам мог иным, чем мятеж, образом, воспринимать уже последующую оккупацию Африки вандалами, последствия которой он застал, и, вероятно, отсылка к тексту Клавдиана должна была работать для его читателей именно так. Место действия мифологических поэм Драконция «Трагедия Ореста» и «Медея», таким образом, можно трактовать не просто как символическое и общее пространство, но как пространство создания политической аллегории. Его Фивы и Микены – это в действительности Африка, в которой идет внутренний конфликт, как между римлянами и вандалами, так и между вандальскими группировками, борющимися за власть. Литературно этот конфликт, весьма вероятно, был выражен именно через традиционные мифологические сюжеты с той или иной историей семейной распри, подобно тому, как в греческой трагедии их же посредством могло передаваться меж-эллинское противостояние (о чем см. подробнее: Никольский 2014; 2016).

Литература

- Никольский Б.М. Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // ВДИ. 2014. № 4 (291). С. 20–40.
- Никольский Б.М. Пропаганда войны в «Троянках» Еврипида // ВДИ. 2016. № 2 (76). С. 286–314.
- Ярхо В.Н. Мифологические поэмы. М., 2001.
- Malamud M. Double, Double: Two African Medeas // Ramus. Critical Studies in Greek and Roman Literature. 2012. № 41, 1–2. P. 161–189.
- Simons R. Dracontius und der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike. Leipzig, 2005.
- Wasyl A. Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age. Kraków, 2011.

ДИНАМИКА ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ БЕРГЕНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. В РАМКАХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Согласно письменным документам и данным археологических исследований поселения городского типа в Норвегии стали появляться в XI в. Они развивались не только как торговые и ремесленные центры, но в значительной мере как королевские и епископские резиденции. Одним из важнейших городов в XI–XIII вв. был Берген, расположенный в Юго-Западной Норвегии (область Южный Хёрдаланд) на берегу Вогенской бухты.

Три типа письменных источников, относящихся к XIII в., позволяют судить о составе населения Бергена, организации городского пространства, управлении городом и взаимоотношениях между жителями. Это «Бюлов» («Городское право»), дипломы и исландские саги о норвежских конунгах от «Круга земного» до «Пряди о Магнусе Исправителе Законов».

В своем исследовании я ставлю вопрос о том, какое влияние оказывали занятия горожан на организацию городского пространства (городской застройки) Бергена второй половины XIII в. Главным источником для анализа стал отредактированный в королевской канцелярии судебник «Бюлов», принятый на тинге в Бергене 22 января 1276 г. Статьи раздела VI «Организация городской жизни» содержат информацию о ремеслах, которыми занимались жители Бергена, о правилах строительства домов, о ширине улиц, о городском совете, городской казне, поддержании общественного порядка в городе и прочих сторонах общегородской жизни.

В докладе ставится вопрос о том, как была организована застройка Бергена, по какому принципу? Что являлось центром города, периферией? Какую роль в географии города играла королевская резиденция Бергенхус, возведенная на месте земляной крепости Хольм между 1247 и 1261 гг. по приказу короля Хакона Хаконарсона? Как велось церковное строительство, и как оно способствовало организации городской топонимии? Какое

влияние на план и разрастание города оказывали географические особенности местности (море и скалистые горы вокруг)?

Далее, речь пойдет о том, какими видами деятельности занимались жители Бергена. Как это обусловлено особенностями географического положения города? Был ли Берген поделен на зоны (районы) в зависимости от того, что делали проживавшие там горожане? Занимались ли жители Бергена сельским хозяйством? За счет чего увеличивалось население города? Как взаимодействовал городской центр Бергена с сельской округой?

В заключение будут подведены итоги тому, какие функции города выполнял Берген во второй половине XIII в. Что позволило Бергену играть роль норвежской «столицы», и что подразумевается под понятием «столица» в средневековом государстве? Почему Берген уже в начале XIV в. утрачивает такую роль? Как сочетаются в городском управлении и какое влияние на жизнь горожан оказывают три типа власти: королевская, епископальная и муниципальная? Какая функция портового города была более важной для Бергена: торговая или военная? Являлась ли рыбная ловля и переработка рыбы существенной экономической составляющей городского бюджета?

Ответы на поставленные вопросы позволят проанализировать динамику развития городских функций Бергена в качестве центра власти, центра внутренней и внешней торговли, многофункционального порта, военно-морской базы, центра кораблестроения, ремесел, образования и увеселений. Быстрое и успешное развитие способствовало росту городского населения. Особенности географического положения ставили определенные границы росту города и определяли форму городской застройки и организации городского пространства в соответствии с занятиями горожан.

НАЧАЛО ГОРОДСКОЙ СЕТИ НА РУСИ И НАЧАЛЬНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

Начальная летопись увязывает в космографическом введении начало славянских городов в Восточной Европе с «доисторическим» процессом расселения славян: у полян возникает Киев, у словен – Новгород, у кривичей – Смоленск, где «племена» держат свои «княженья». Показательно, что основание градов приписывается именно славянам: поволжские финны – весь, меря, мурома, черемись, мордва – городов и княжений в космографическом контексте не имеют (ПВЛ. С. 10), в исторической части они оказываются лишь первыми насельниками городов, которые подчинили призванные из-за моря варяги (Там же. С. 13).

Этим варягам (князю Рюрику) приписывается и создание первых городов – Ладоги и Новгорода в Ипатьевской редакции «Повести временных лет» (далее: ПВЛ) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Это противоречие – в космографическом введении Новгород «сделан» словенами – очевидно представляло проблему для составителя Лаврентьевской редакции, который не мог решить, где была столица Рюрика (ср.: Вилкул 2008). Противоречие разрешается ссылкой на данные археологии – Рюрик основал не сам Новгород, а «срубил» крепостцу, которая получила в новгородской микротопонимии название «Городище». Данные археологии провоцируют и на буквальное истолкование легенды о призвании варягов, в особенности в редакции Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.) (см.: Носов и др. 2017. С. 18–33), где призванию предшествуют неурядицы – «люди, рекомии Словени и Кривици и Меря», которые «начаша владѣти сами собѣ и *города ставити*», затем «въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и *въсташа град на град*, и не бѣше в нихъ правды» (ПСРЛ. Т. 3. С. 106).

Летописный текст о неурядицах передает, однако, не местную традицию о «городах» – предшественниках новгородских концов, а библейский топос, донесенный до летописи не прямо книгой Паралипоменон, а псевдоэпиграфом Малое Бытие (Книга Юбилеев): на этом псевдоэпиграфе основываются и библей-

ские сюжеты космографического введения ПВЛ (ср.: Барац 1927. С. 789–790; Книга юбилеев. X; Vanderkam 1989. Р. 64; Петрухин 2018). Реликт космографического введения в Н1мл. вызвал давнюю полемику: при описании полянского Поднепроя составитель Н1мл. опирался на ПВЛ, ибо сразу вслед за главкой о начале Русской земли следует цитата из ПВЛ: «живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим» (и далее о Кие, Щеке и Хориве). А.А. Шахматов, вслед за А.И. Соболевским, отмечал невнятность такой фразы в качестве начальной (Шахматов 2003. С. 459–460), но ни тот, ни другой не обратили должного внимания на то, что фраза о живущих со своим родом по своим местам является парафразом из библейской Таблицы народов (Быт. 10).

Очевидно, что в Н1мл. космографическое введение было изъято (ср.: Петрухин 1998. С. 357–358; Гиппиус 2012. С. 54–56), а ПВЛ содержит иную редакцию описания распрей: «въста родъ на родъ» – выбран был «демографический» мотив описания неурядиц – «народ будет сражаться с народом, и город с городом» (Пар. 2.15.6; ср.: Книга юбилеев. X). Отвечала ли редакция Н1мл. («Начального свода» – первая редакция ПВЛ) специфике новгородской истории (формированию городских концов) – особая проблема.

Эта проблема, связанная с археологией начала городских напластований, остается наиболее дискуссионной. Новгородское Городище на сегодняшний день оказывается древнейшим новгородским урочищем, где концентрируются скандинавские древности IX–X вв. (Носов и др. 2017). Эта ситуация во многом напоминала ситуацию в Смоленске, где Гнёздово с концентрацией скандинавских древностей X в. представлялось предшественником Смоленска, исследованные городские кварталы которого датируются второй половиной XI в. Положение изменилось с началом работ Смоленской экспедиции Института археологии РАН, обнаружившей в Смоленске следы напластований, синхронных Гнёздову (Ершов и др. 2015; Кренке и др. [в печати]). Полемика, развернувшаяся по поводу хронологического первенства соседних памятников, естественно затрагивает проблемы начального летописания: отсутствие в Смоленске город-

ских напластований X в. (схожих с новгородскими) напоминает об отсутствии известий о Смоленске в летописании, его «упадке» (Кренке и др. [в печати]). Гнёздово же в X в. достигает расцвета, что провоцирует на его отождествление со Смоленском как столицей чуть ли не самостоятельного княжества (первенствующего на пути из варяг в греки – ср.: Ениосова, Пушкина, Мурашева 2013).

Между тем Смоленск упомянут под своим именем (Милински) Константином Багрянородным в середине X в. наряду с семью городов по пути из варяг в греки: в двух «столицах» сидят русские князья (архонты) – в Киеве «со всеми росами», в Новгороде – Святослав (Константин Багрянородный, гл. 9). Из Милински и перечисленных городов в Константинополь идут моноksилы – однодеревки, лес для которых рубят «в своих горах» и продают росам их подданные славяне (в том числе кривичи-кривитеины). Согласно ПВЛ, Смоленск оказывается под властью Олега (и Игоря), идущих из Новгорода в Киев, в 882 г. О конфликте Олега с местной властью (как это произошло в Киеве) летопись не сообщает: давно предполагалось, что русские князья «приняли» кривичский град, опираясь на *ряд* – соглашение о призвании князей, в котором участвовали кривичи. Был ли Смоленск, расположенный на горах, летописным кривичским градом? Открытие в Смоленске, в том числе на Соборной горе, ранних напластований, связанных с культурой длинных курганов (при практическом отсутствии следов этой культуры в Гнёздове) позволяет, вслед за А.А. Спицыным и др., доверять летописи и считать Смоленск центром кривичей. Большие скандинавские курганы середины X в. на погосте в Гнёздове могут принадлежать семье посадников княжеской династии, обосновавшейся в Киеве.

Рубеж X и XI вв. – время упадка Гнёздова и смутное время убоиц в русской истории. Тем не менее летописное известие проливает свет на место Смоленска в этой истории. По коварному вызову Святополка Глеб отправляется из Муром в Киев через Верхнюю Волгу и Смоленск. От Смоленска он следует вниз по Днепру, где «на Смядынѣ», «яко зрѣмо» от города его настигают убийцы; тут же Глеб получает информацию из Новгорода от Ярослава о заговоре Святополка (ПВЛ. С. 60): оче-

видно, что в начале XI в. путь из варяг в греки остается основной древнерусской магистралью, а Смоленск располагается на своем месте. Судя по тому, что убийцы поджидали Глеба на Смядыни, Смоленск подчинялся киевской администрации. Так понимало дело позднейшее летописание, поместившее в Смоленск некоего Станислава, среди прочих сыновей Владимира Святославича, которым тот раздал древнерусские города (под 988 г. – ПВЛ. С. 54). Вслед за этой административной «реформой» Ярослав, получивший Новгород, обосновался уже не на Городище, а на собственном дворе на Торговой стороне города, где кормил своих варягов.

Эта трансформация административных функций (доминантных в истории русского города) – превращение «племенных» городов в княжеские столы – очевидно затронула Смоленск и запустевавшее Гнёздово.

Литература

- Барац Г.М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Берлин; Париж, 1927. Т. 1.
- Вилкул Т.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. Vol. 16, No 2. P. 272–280.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 36–62.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А., Мурашева В.В.* Гнёздово – раннегородской центр Смоленской земли // *От Древней Руси к Российской Федерации: история Российской государственности* / Ред. В. Садовничий. СПб., 2013.
- Ершов И.Н., Кренке Н.А., Кулькова М.А., Олейников О.М., Сыроватко Н.А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова* / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда, 2015. С. 78–85.
- Книга Юбилеев или Малое Бытие* // *Ветхозаветные апокрифы* / Пер. Е.В. Витковского. М., 2000. С. 15–116.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В.А.* Смоленск и Гнездово (в печати).
- Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В.* Рюриково городище: новые этапы исследования. СПб., 2017.

- Петрухин В.Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура: памяти Н.И. Толстого / Отв. ред. Т.А. Агапкина и др. М., 1998. Т. 2. С. 354–363.
- Петрухин В.Я.* «Начаша владѣти сами собѣ и города ставити»: археология и источники варяжской легенды // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 120–125.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. The Book of Jubelees / Transl. by J.C. Vanderkam. Lovanii, 1989.

Н.И. Платонова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛАДОГА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

История Ладоги как городского поселения эпохи Начальной Руси, а затем и зрелого древнерусского периода, изучена на удивление слабо. В основе такого положения, вплоть до последнего времени, лежали, с одной стороны, особенности источниковой базы (крайняя скудость известий о Ладоге в древнерусских письменных источниках; плохая сохранность культурного слоя Ладожского поселения XI–XIII вв.), с другой – недостаточная публикационная активность исследователей, отсутствие традиции монографических изданий ладожских материалов. Дополнительным осложняющим моментом являлось то, что проблемы раннесредневековой Ладоги, отождествляемые с проблемами истоков и становления Руси, постоянно находились в «фокусе» внимания медиа-сообщества. Исторические интерпретации в такой ситуации нередко страдают односторонностью, явно опережая собой детальный источниковедческий анализ материала.

В 2018 г. коллективом исследователей ИИМК РАН, под руководством Е.Н. Носова, была предпринята попытка изменить сложившуюся ситуацию. Вышла в свет коллективная монография (Носов и др. 2018), задачей которой стали: а) новый анализ и обобщение полевых материалов и документации, хранящейся в архиве ИИМК РАН; б) сведение воедино результатов разработок частных сюжетов археологии и истории Ладоги, разбросанных во множестве статей и заметок.

Разумеется, указанное издание далеко не исчерпывает проблематику уникального археологического комплекса Старой

Ладоги. Книгу стоит рассматривать как *начало*, точнее – как первый результат работы в данном направлении. Тем не менее произведенный аналитический обзор данных о ладожском раннесредневековом ремесле, вкупе с исчерпывающей сводной публикацией комплекса ладожских сфрагистических материалов XI–XV вв., а также новые исследования стратиграфии Земляного городища и Посада, могильника у собора св. Климента, городища Любша и т.д. позволяют под новым углом зрения взглянуть на историю Ладоги как городского центра и на место ее в иерархии поселений Северной Руси.

Комплексный анализ археологических и сфрагистических источников в контексте письменных сообщений о древнерусской Ладоге показывает необходимость ревизии целого ряда устоявшихся представлений об этом памятнике.

Литература

Носов Е.Н., Платонова Н.И., Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Курбатов А.В., Лапшин В.А., Миляев П.А., Санкина С.Л. Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Отв. ред. Н.И. Платонова, В.А. Лапшин. СПб., 2018. (Тр. Ин-та истории материальной культуры РАН; Т. 53).

А.В. Подосинов

ПЕРЕЧЕНЬ ГОРОДОВ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНОГО МОРЯ НА ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЕ – СУХОПУТНАЯ ДОРОГА ИЛИ ПЕРИПЛ?

На Певтингеровой карте (*Tabula Peutingeriana*, далее – ТР), которая обычно датируется первыми веками н.э., написана на латинском языке и показывает сеть римских дорог, вдоль южного побережья Черного моря обозначена некая дорога, связывающая южнопоптийские города, лежащие между Фракийским Боспором (совр. пролив Босфор в Турции) и Трапезунтом (совр. Трабзон в Турции); в результате картографической аберрации юго-восточная часть дороги от Полемония (на ТР – самая восточная точка Черного моря) до Трапезунта проходит по восточному и северо-восточному побережью Черного моря (см. рис. 1).

Zygun (Lygun) fl. – 4	Lycos fl. – 100
Heraclea – 30	Heracleia – 80 – Metroon – 40 – Posideion – 45 – Tyndaridae – 15 – Nymphaion – 30 – Oxinas fl. – 90 – Sandarace – 60 – Crenidae – 30
Scylleum (Psylla?) – 12	Psylla – 90
Tium (Tios, Tium) – 12	Tios – 20
	Billaos fl. – 100 – Parthenios – 90
Mastrum (Amastris) – 20	Amastris – 60 – Erythinoi – 60 – Cromna – 90 – Cytoros – 60 – Aigialoi – 90 – Thymena – 120 – Carambis – 60 – Zephyrion – 150 – Abonuteichos – 150 – Aiginetes – 60 – Cinolis – 180 – Stephane – 150 – Potamoi – 120 – Lepte – 60 – Armene – 40
Tycae – 15	
Cereas – 15	
Mileto (Mileton) – 19	
Sinope – 7	Sinope – 150
Cloptasa	Carusa – 150
Orgibate	
Zacoria (Zagoria) – 25	Zagora – 30
Helega (Halys?) – 12	Halys fl. – 90
Nautagino (Naustathmos) – 20	Naustathmos – 50 – Conopeion – 120
Ezene (Eusene) – 8	Eusene – 160
Missos (Amisus) – 24	Amisos – 160
Ancon – 40	Ancon – 360
Heracleon – 30	Heracleion – 40 – Thermodon fl. – 90 – Beris fl. – 60 – Thoaris fl. – 30
Caena (Oenoe?) – 7	Oinoe – 40
Camila (Ameletus?) – 8	
Pytane (Phigamus?) – 20	Phigamus fl. – 150 – Phadisane – 10
Polemonio – 8	Polemonion – 130 – Iasonion – 90 – Boön – 90 – Cotyora – 60
Melantum (Melanthius) – 36	Melanthios fl. – 150 – Pharmatenos – 120
Carnasso (Cerasus) – 24	Pharnaceia (= Cerasus) – 150
Zepyrium (Zephyrium) – 11	Zephyrion – 90 – Tripolis – 20 – Argyria – 90
Philocalia – 30	Philocaleia – 100 – Coralla – 150 – Hieron oros – 40
Cordile (Cordyle) – 16	Cordyle – 45 – Hermonassa – 60
Trapezunte (Trapezus)	Trapezus

Как мы видим, списки пунктов южного побережья Черного моря практически совпадают, при том что Арриан называет немного больше топонимов.

В целом следует признать, что римская дорога от устья Дуная до Трапезунта – единственная, идущая вдоль западного и южного побережья Черного моря, показанная на ТР, – должна была быть важной транспортной (и не в малой степени – военной) артерией, связывающей огромные территории от Рейна до Дуная и идущей по побережью Черного моря до Трапезунта и далее до Евфрата (см.: Olshausen 1999: S. 98: «Die West- und die Südküste des Schwarzen Meeres zwischen der Donau-Mündung und Trapezus war für das römische Kaiserreich von besonderer strategischer Bedeutung»).

Но здесь возникает парадоксальный вопрос: существовала ли на самом деле такая сухопутная дорога вдоль южного побережья Черного моря?

Что касается изображения Западного побережья Черного моря на ТР, то на нем также нанесена римская дорога, огибающая все побережье от устья Дуная (станция Ad Stoma) до черноморского устья Босфора (рис. 2).

Рис. 2. Западное Причерноморье на ТР

Эта дорога связывает важнейшие города Западного Причерноморья, упомянутые на карте, – всего их 21 станция. Поскольку Черное море оказалось на карте узкой полосой, вытянутой с запада на восток, а Дунай впадает не в самый западный угол моря, а на значительном удалении на восток по северному побережью, то и путь от Дуная до Босфора оказался сначала ведущим на запад, потом на юг и затем на восток.

В вопросе же о существовании сухопутной дороги на южном побережье Черного моря, показанной на ТР, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями.

Во-первых, само побережье было, вероятно, непроходимым во многих местах из-за горных массивов и широких рек (Olshausen 1999. S. 94). Поэтому можно предположить, что сообщение между различными городами и поселениями на южном побережье Черного моря осуществлялось в основном по морю на кораблях, что было естественно для греков-мореходов.

Во-вторых, по свидетельству Е. Ольсхаузена, на побережье не осталось ни римских мостов, ни милевых столбов, которые есть в массе на дорогах внутриматериковых (Ibid. S. 109). И хотя в некоторых приморских городах, например, в Синопе, все же находят милевые столбы, установить, относятся они к предполагаемой прибрежной дороге или к началу дороги, уходящей в глубь материка (что часто очевидно), не представляется возможным. Если даже на столбе и указывается конкретное место, то, как правило, это – начало дороги, так наз. *caput viae*, например, «а Sinope», «ab Amasia», «ἀπὸ Ἀμαστρέως» (см.: French 1981. P. 149; 2013. P. 30–67; сам Д. Френч признает, по-видимому, существование сухопутной дороги вдоль побережья Черного моря).

В-третьих, *Itinerarium Antonini* IV в. н.э., содержащий список станций на дорогах Римской империи, представляет сухопутную дорогу Западного Понта от Дуная до Византия (227–230), но не дает для побережья Южного Понта никакой дороги, описывая в то же время дорогу, проходящую внутри материка через Себастиполис, Никополис, Саталу до Трапезунта (216, 4). Напрашивается вывод, что прибрежную дорогу для южного побережья придумал картосоставитель для полноты картины, опираясь на периплы и описательную литературу. При этом порты, устья рек

и мысы стали названиями станций. В представлении картографа, было бы логичным продолжение в Южном Причерноморье, имевшим для Римской империи большое стратегическое значение, той дороги, которая действительно существовала между Дунаем и устьем Босфора и была зафиксирована на ТР.

Уже высказывалось предположение, что в описании городов южного побережья Черного моря картосоставитель пользовался периплами типа Мениппова, описывавшими только прибрежные города, поселения, реки, мысы и порты (Gross 1913. S. 56 sq.; Gisinger 1938. S. 1410–1411). К. Миллер указывал на определенную зависимость составителя ТР от «Перипла Понта Эвксинского» Арриана (Miller 1916. S. 631).

И действительно, в этом можно убедиться, сравнив его, например, с текстом Арриана, который пишет: «Для плывущего направо от Гиерона река Рибас отстоит от Гиерона на 90 стадиев. За ней следует мыс Мелайна на расстоянии 150 стадиев. От мыса Мелайна до реки Артане... еще 150 стадиев». На ТР следующими за Гиероном (*Iovis Urius*) «станциями» на сухопутном пути оказываются мыс Мелена и река Артане, также с указанием дистанции, да еще с виньетками городов!

* * *

Показательно, как путешествовали по южному Причерноморью 10 тысяч греков, возвращавшиеся под руководством Ксенофонта в конце V в. до н.э. из Персии через Трапезунт в Грецию. С самого начала перед ними встал вопрос о том, как двигаться из Трапезунта к Босфору – на кораблях или пешком. Греки пешком дошли от Трапезунта на запад до Котиоры и предполагали идти далее через Пафлагонию до Синопы (Anab. V, 3–6). В это время в Котиору прибыло из Синопы посольство (заметьте, что в Котиору – колонию Синопы – синопцы прибыли не по суше, а по морю!). В своей речи синопец Гекатоним отвечивал греков идти пешим путем (V, 9–10):

(От Котиоры) вы придете к рекам, и в первую очередь к Фермондону, шириной в 3 плетра. Эту реку, по моему мнению, трудно перейти даже тогда, когда перед вами не стоят многочисленные враги и одновременно такое же их количество не преследует вас с тыла. Вторая река – Ирис, шириной также в 3 плетра. Третью реку, Галис, шириной не менее 2 стадий, вы не сумеете перейти без судов.

А кто вам их даст? Равным образом непроходим и Парфений, к которому вы придете, если переправитесь через Галис. (10) Итак, я считаю пеший поход не только трудным для вас, но и совершенно невозможным. Если же вы поедете морем, то отсюда вы сможете доплыть до Синопы, а из Синопы до Гераклеи. А из Гераклеи можно без всяких затруднений продолжать путь как пешком, так и по морю, так как в этом городе немало кораблей (пер. М.И. Максимовой).

Греки так и поступили – отправились на кораблях в Синопу и далее в Гераклею (VI, 1, 14). Таким образом, и во время Ксенофонта плавание по морю был предпочтительнее сухопутного пути.

Вероятно, также не видит здесь сухопутной дороги и А. Насц, автор современной (2014 г.) карты-реконструкции римских дорог, составленной по материалам «Итинерария Антони-на» и Певтингеровой карте (рис. 3).

Рис. 3. Карта-реконструкция римских дорог (Andrei Nacu)

Таким образом, можно предположить, что нарисованная картографом на ТР сухопутная дорога между Босфором и Трапезунтом на самом деле в большой степени – плод его собственных усилий, результат знакомства с данными периплов. Морской путь вдоль берега превратился в одну из сухопутных дорог, ради которых, собственно, и составлялась эта карта.

Литература

- French D.H.* Milestones of Pontus, Galatia, Phrygia and Lycia // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1981. Bd. 43. P. 149–174.
- French D.H.* Roman Roads and Miles of Asia Minor. Istanbul, 2013. Vol. 3: Milestones, fasc. 3.4: Pontus et Bithynia (with Northern Galatia). (Electronic Monograph; 4).
- Gisinger F.* Peutingeriana // *REA*. 1938. Bd. 19.2. S. 1405–1412.
- Gross H.* Zur Entstehungs-Geschichte der Tabula Peutingeriana. Bonn, 1913.
- Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916.
- Olshausen E.* Pontica IV. Das römische Straßennetz in Pontos. Bilanz und Ausblick // *Orbis terrarum*. 1999. 5. S. 93–113.

Б.Е. Рашковский

«ГОРОДА», «СТРАНЫ» И «НАРОДЫ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В еврейских источниках X–XII вв. сохранилось немало свидетельств об этнической номенклатуре и топонимии Восточной Европы, и, хотя эти данные неоднократно использовались в различных исторических реконструкциях, опыта обобщенного описания их терминологии в историографии еще не было.

В средневековых еврейских источниках, как и в арабской историко-географической литературе (Большаков 2001. С. 57–59), нет определения понятию «город», а также четкого терминологического разделения между городами и иными типами поселений. Наиболее общий термин для обозначения города – ивритское слово *ир* – в силу своей этимологии понимается как укрепленное поселение, отделенное стенами от незаселенной местности или сельской округи

(Otto 2001. Р. 52–55). Образ городских стен — важная, но не единственная определяющая характеристика города как особого типа поселений в источниках. Так, в написанном в Иерусалиме в X в. библейском словаре караима Дауда ал-Фаси слово *ир* переводится на арабский язык как *мадина* или *карийа*. Характерным (но необязательным) признаком города этот автор считает наличие укреплений (Alfasi 1945. Р. 392). Ивритское слово *кирийа*, в наиболее общем значении служащее обозначением деревни, ал-Фаси переводит арабским термином *дайа* — «древня, поселение или поместье», ссылаясь на библейский стих Пс. 48: 3, где оно служит эпитетом Иерусалима (Ibid. С. 576). Дополнительно усиливает эту терминологическую путаницу употребление слова *мдина*, означавшего в Библии (Эс. 1: 1; Дан. 11: 24) страну или область, но в Средние века превратившееся под арабским влиянием в синоним слова *ир*.

Упоминания городов Восточной и Центральной Европы встречаются в средневековых еврейских источниках в трех специфических контекстах: в еврейско-хазарской переписке и связанных с ней литературных памятниках, в связи с космологическими представлениями о происхождении и расселении народов мира в книге Иосиппон и в записках путешественников.

Начну с последней группы текстов. Два еврейских путешественника второй половины XII в. — Вениамин из Туделы и Петахия из Регенсбурга — оставили после себя сочинения с описаниями своих странствий. Правда, Вениамин не был в Восточной Европе, и его описание Руси и ее климатических условий содержит лишь упоминание названия ее столицы. В остальном же оно крайне малоинформативно, т.к. написано исключительно на основе слухов (Itinerary, 1907. Р. 80–81, 25). Петахия, напротив, проехал через Восточную Европу по пути на Ближний Восток, но его труд дошел до нас не в авторской версии. Оба автора упоминают лишь о двух городах — Праге и Киеве (Itinerary 1907. Р. 80–81, 25; Rundriesse 1904. Р. 2), бывших центрами единственных значимых иудейских общин региона. Оба автора отмечают приграничное положение Киева на краю русских земель. Вениамин специально подчеркивает, что речь идет именно о большом городе — *ир гдола* (Itinerary 1907. Р. 80–81, 25).

В Иосиппоне названия городов Восточной Европы встречаются в представляющем собою позднюю вставку списке славянских племен (Рашковский 2009. С. 12) и при описании Руси. Однако, в первом случае – искаженном названии Кракова (*Крак-к-р*) – речь идет не о топониме, а об обозначении этнического или территориального объединения, подобного полякам (*ляхин*) и славянскому населению Богемии (*боймин*) (Flusser 1978. Р. 8–9; Петрухин 1995. Р. 39–40). Существует мнение (Witczak 1993. S. 82–83), что данные Иосиппона о Кракове относятся ко времени правления в нем Болеслава I в качестве князя Малой Польши в 981–992 гг. Русь, согласно Иосиппону, располагается на впадающей в «Гирканское море» реке Кива, под которой следует понимать, не реальный Днепр, а полуводный торговый путь, соединяющий Приднепровье с Прикаспием.

Данные письма Иосифа о городах Восточной Европы не раз привлекались в источниковедческой критике этого документа (Коковцов 1932; Заходер 1962; Шапира 2010). В письме содержатся три списка различных географических наименований с перечислением зависимых от Хазарии народов: с севера – в Поволжье, на западе – в Таврике, на Боспоре и в Подонье, и к югу – на Северном и Восточном Кавказе. Некоторые из них, например, Баб ал-Абваб, С-м-к-р-ц или К-р-ц, отождествляются с реально существовавшими городами. Однако в письме все они называются еврейским словом *уммот*, т.е. народы. Слово *уммот* эксплицитно употреблено в тексте пространной редакции относительно первой группы. Оно же молчаливо подразумевается и в отношении двух других (Коковцов 1932. С. 31, 98–102). В краткой редакции письма все три списка заменяются словом *уммот* (Коковцов 1932. С. 25; 81–82). Следовательно, автор письма не делал строгого терминологического разделения между топонимами и этнонимами, принимая их все за названия различных этнополитических объединений.

Баб ал-Абваб упоминается в письмах Кембриджского Анонима и Хасдая, однако, из текстов обоих источников не ясно имели ли их авторы в виду город Дербент или Дербентский эмират (Коковцов 1932. С. 18, 69; Голб, Прицак 2003. С. 137,

142). С-м-к-р-ц же (или в написании Анонима – С-м-к-р-й) упоминается в Кембриджском документе именно как город (ивр. *мдина*) (Голб, Прицак 2003. С. 140).

Наиболее проблематично в письме Иосифа описание трех городов хазар, обычно считающееся в историографии описанием Итиля (ему посвящено большое число исследований, важнейшие из которых следующие: Артамонов 1962. С. 385–399; Якубовский 1948; Заходер 1962. С. 167–202; Новосельцев 1990. С. 128–130; Флёрв 2011. С. 83–119; Калинина 2015. С. 52–86). Автор письма не называет имени города, хотя слово «Итиль» было известно ему как название реки (Коковцов 1932. С. 31, 98).

Некоторые характерные черты описания Итиля у Иосифа имеют параллели в арабо-персидских источниках: двух- или трехчастная (у ал-Масуди) структура хазарской столицы, сезонная миграция части жителей вместе с царем, полиэтническое и многоконфессиональное население. Гигантские размеры указанных Иосифом городов (во всех трех случаях употребляется слово *мдина*) создают больше всего трудностей для интерпретации описания, поскольку размер первого них (50х50 фарсахов) превосходит размеры его страны (или личных владений? ивр. *эрец*) – 20х30 и 30х40 фарсахов (Коковцов 1932. С. 24–25, 32–33, 102–103).

Часть исследователей, столкнувшись с этим противоречием предполагает, что речь здесь может идти о целой области с более мелкими городками и деревнями, административно приписанными к районам хазарской столицы (Якубовский 1948. С. 260; Артамонов 1962. С. 394). Такое понимание текста, действительно, поддерживается краткой редакцией письма, сообщающей о том, что к первому из трех хазарских городов относятся, согласно переводу Коковцова (Коковцов 1932. С. 84), «пригороды» (*миграшим*) и «примыкающие к нему деревни» (*кфарим*).

С другой стороны, возможность того, что гигантские размеры хазарской столицы смущали средневековых читателей, представляется не менее правдоподобной. Тем более, что краткая редакция представляет собой именно интерпретацию первоначального текста письма, сокращающую или проясняющую его.

Еще одна трудность с описанием хазарской столицы в письме Иосифа связана с неясностью употребления слова *мдина* в значении «область» или «город» (Коковцов 1932. С. 84; Калинина 2015. С. 73–76). Тем не менее трудность эта – мнимая. Во всех случаях очевидно, что в тексте письма Иосифа (согласно пространной редакции) речь идет именно о трех городах (Коковцов 1932. С. 32, 102). Первый город (несмотря на размер 50х50 фарсахов) назван обоими терминами (*мдина* и *ир*). Следовательно, речь идет именно о городе. У третьего города площадью 3х3 фарсаха имеются стены. Следовательно, речь идет именно о поселении. Полагаю, что эти данные можно экстраполировать и на второй город.

Термин *мдина* в письме Иосифа постоянно используется в качестве синонима слова *ир*. В значении «область», а не «город», он употребляется единственный раз, когда говорится о владениях Абд ар-Рахмана III, якобы подчинившего себе «все области (*мдином*) востока» (Коковцов 1932. С. 27). В остальных случаях для описания владений хазар в письме используется другое слово со значением «страна» или «земля» – *эрец*. Употребление же термина *мдина* в значении «область» в конце описания сезонной перекочевки хазарского правителя в тексте пространной редакции – «в дни праздника Хануки приходим мы в этот город (*ха-мдина зе*). Таков размер нашей области (*мдина-тену*)» – представляет собой простую опisku из сохранившегося в краткой редакции верного чтения: наша страна – *арцену* (Коковцов 1932. С. 103, 111; Калинина 2015. С. 74).

Остается еще вопрос с гигантскими размерами городов, совпадающими в обеих редакциях письма. Подобные преувеличения нередки в еврейской древней и средневековой литературе. Например, в книге о путешествиях Вениамина из Туделы руины библейской Ниневии в окрестностях Мосула протянулись на 40 фарсахов (Itinerary 1907. Р. 34, 77), что, очевидно, навечно такими библейскими местами, как Иона 3: 3. Один из городов в опубликованном в 1519 г. константинопольском издании еврейского перевода письма Пресвитера Иоанна также имеет размер в

3 фарсаха, как и наименьший из трех хазарских городов у Иосифа (Ullendorf 1982. P. 60–61).

Наличие таких аналогий не снимает вопроса о том, содержал ли первоначальный текст источника сведения о грандиозных размерах трех городов или же эти данные были добавлены или заимствованы из других источников позднее? В отсутствие точно установленной даты рукописи Евр.ПА № 157 второго собрания Фирковича, содержащей пространную редакцию письма, мы не имеем возможности ответить положительно или отрицательно на этот вопрос.

Подводя итог, следует отметить, что большинство упоминаемых городов Восточной Европы в трудах раннесредневековых еврейских авторов представляет собой не топонимы, а этнополитонимы. Ни в одном из них, кроме «Киевского письма» (Голб, Прицак 2003. С. 25–25), не упоминается напрямую существование в городе иудейской общины (ивр. *кахал*).

Источники и литература

- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII вв. Социально-экономические отношения. М., 2001.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 2003.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье. М., 1962. Т. 1.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. М.; Смоленск, 1995.
- Раишковский Б.Е.* Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940-х–1990-х гг. // Славяноведение. 2009. № 2. С. 3–15.
- Шапира Д.* Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья // История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 2010. Т. 1: От древности до раннего нового времени. С. 13–43.
- Якубовский А.Ю.* К вопросу об исторической топографии Итилия и Болгар в IX и X веках // СА. 1948. Т. 10. С. 255–270.
- Alfasi David ben Abraham.* The Hebrew-Arabic dictionary of the Bible / Ed. S.L. Skoss New Haven, 1945. Vol. 2.
- Die Rundreise des Rabbi Petachja aus Regensburg.* Jerusalem, 1904.
- Otto E.* Ir // Theological Dictionary of the Old Testament. Cambridge; Grand Rapids, 2001. Vol. 11. P. 51–61.

- The Itinerary of Benjamin of Tudela / Critical text, translation and commentary by M.N. Adler. L., 1907.
- Ullendorff E. The Hebrew Letters of the Prester John. Oxford, 1982.
- Witczak K.T. Ludy i państwa słowiańskie w tzw. Księdze Josippon // Slavia antiqua. 1993. T. 34. S. 77–86.
- Flusser D. Книга Иосиппон (иврит). Jerusalem, 1978. Vol. 1.

М.В. Скржинская

НАИМЕНОВАНИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ КАК ИСТОЧНИК О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Древние греки, отправляясь жить на новом поселении, должны были получить благословление оракула Аполлона, которого эллины считали покровителем колонизационного движения. В древности было широко распространено верование в то, что отступление от этого правила грозит неминуемой неудачей (Hdt. V. 142). Античные авторы пишут, что будущие колонисты или их предводитель обращались к оракулу Аполлона в Дельфах; так поступили гераклеоты, основавшие Херсонес на Таврическом полуострове. Однако милетяне в VII–VI вв. до н.э. запрашивали местный оракул Аполлона в Дидимах (Русяева 2005. С. 208).

Жрецы этого бога собирали сведения, полученные мореходами во время разведочных плаваний, поэтому имели возможность оценить, насколько удачно будет расположена апойкия. В пророчестве, которое оформлялось в виде нескольких стихов в размере гексаметра, зачастую содержались слова, которые затем использовались в наименовании будущего полиса. Например, предсказание счастливой участи колонии отразилось в наименовании Ольвии (т.е. счастливая) на Гипанисе (совр. Южный Буг) и еще около десятка таких колоний в разных частях греческой ойкумены (Steph. Byz. s.v. Olbia).

В оракуле могли упоминаться топонимы той местности, куда отправлялись колонисты. Так, во второй половине VII в. до н.э. милетяне назвали Борисфеном свою апойкию вблизи устья Днеп-

ра (Борисфена) (Виноградов 1989. С. 28), а позже Тиру на Днестре (Тирасе) и Пантикапей у пролива Пантикапа. Эти наименования дают нам ценнейшие свидетельства о том, что во время разведочных плаваний греки общались с местным населением, узнавая, как называются крупнейшие водные артерии Северного Причерноморья. Когда же отсутствовали местные топонимы, появлялись наименования, происходившие от ставшего известным жрецам Аполлона описания местности, где колонисты собирались поселиться. Так появились названия одной из древнейших милетских апоекий Кремны (Кручи) на обрывистом берегу Азовского моря (Паромов 2018. С. 5), а позже Мирмекий (город у рифов), Херсонес (город на полуострове), Калос Лимен (Прекрасная Гавань) (Подосинов, Скржинская 2011. С. 108).

Особо следует остановиться на редчайшем случае существования двух различных наименованиях колонии на Гипанисе, которая в письменных источниках называется чаще всего Борисфеном, но также известна и как Ольвия (Скржинська 1994. С. 130–140). Сами жители этого полиса называли его исключительно Ольвией, а себя – ольвиополитами, о чем говорят местные надписи и монеты. Так же греков в колонии на Гипанисе называли в их метрополии, о чем свидетельствует найденная в Милете надпись IV в. до н.э. об исополитии милетян и ольвиополитов (Жебелев 1953. С. 38–39).

В то же время колонисты издавна знали, что их город известен грекам больше как Борисфен и, соответственно, его уроженцы назывались борисфенитами. Древнейшее свидетельство об этом имеется у Геродота (IV. 18), который, находясь в Ольвии, слышал самоназвание ее граждан и в то же время, рассчитывая на широкую аудиторию для своего сочинения, писал о борисфенитах. Такая двойственность в наименовании сохранялась на протяжении всего существования города. Дион Хрисостом посетил Ольвию в 95 г. и, конечно, знал ее официальное наименование, но обращаясь к своим соотечественникам, начал свою речь (XXXVI. 1) словами: «Летом мне довелось посетить город Борисфен».

Этим объясняется, почему уроженцы Ольвии, сделавшие карьеру в Элладе, например философы эллинистического времени Бион и Сфер, называли себя борисфенитами (Diog. Laert. IV. 7; Plut. Cleom. XXIII. 2).

Иногда в Ольвии издавались даже официальные документы с названием полиса Борисфен. Яркий пример этого дает так называемый закон о деньгах (IOSPE I². 24). В IV в. до н.э. надпись с его текстом была выставлена у храма Зевса Урия (Попутного) для ознакомления «въезжающих в Борисфен» с правилами торговли и обмена иностранных денег на местные. Около упомянутого храма, стоявшего на берегу пролива Боспора Фракийского, останавливались все корабли, следовавшие в Понт Евксинский; там моряки просили Зевса помочь им в плавании по бурному Черному морю. Поэтому этот пункт оказался весьма удобным местом, где многие полисы помещали надписи с копиями законов, знакомивших купцов с правилами торговли в греческих городах Причерноморья (Скржинская 2000. С. 82–84).

В научной литературе высказывались разные предположения о причинах известности Ольвии под именем Борисфен (Подосинов, Скржинская 2011. С. 256). Мне представляется, что это произошло по причинам, связанным с ранним периодом существования колонии на Гипанисе.

Борисфен, древнейшая греческая колония в Северном Причерноморье, более двух столетий имела важнейшее значение транзитного пункта, где останавливались суда, направлявшиеся к разным апойкиям на Таврическом и Таманском полуостровах и на Меотиде, поскольку в архаический и в начале классического периодов корабли, миновав Боспор Фракийский, плыли туда вдоль западного и северного побережья Понта (Паромов 2018. С. 5). Во время каботажного плавания по этому курсу суда останавливались в гаванях греческих колоний, где пополняли запасы воды и продовольствия, а также могли переждать непогоду. На северном побережье таким узловым пунктом был Борисфен. Поэтому он стал широко известен всем мореходам, посещавшим Северное Причерноморье, и был включен в древнейшие лоции.

В IV в. до н.э. эллины проложили краткие морские пути через Понт: от Истрии к южной оконечности Таврики и прямой курс от мыса Карамбис на южном берегу Понта к мысу Крию Метопон на Таврическом полуострове (Агбунов 1987. С. 54). Тогда Борисфен утратил свою прежнюю прибыльную транзитную роль, но оставался важной торговой гаванью для ольвиополитов. Здесь разгружали товары для нужд Борисфена, и могли

осуществляться торговые сделки с местными племенами. Это способствовало закреплению в устной и письменной традиции наименования Борисфен также для главного города полиса. Такое наименование сразу говорило о его расположении в Северном Причерноморье, тогда как названия «Ольвия» носили несколько городов в разных концах греческой ойкумены.

Литература

- Азбунов М.В.* Лоции Черного моря. М., 1987.
Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
Паромов Я.М. Боспор Киммерийский и формирование торговых связей азиатского Боспора // БИ. 2018. Вып. 36. С. 3–15.
Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. М., 2011.
Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
Скржинська М.В. Ольвія в давньогрецьких та латинських писемних джерелах // Археологія. 1994. С. 130–140.
Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии. СПб., 2000.

В.И. Ставиский

О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ ОБ УЧАСТИИ ФЕОДОРЫ РОМАНОВНЫ В УКРАШЕНИИ ХОЛМА

В Галицко-Волынской летописи (далее: ГВЛ) в описании строительства княжеской резиденции в г. Холме сообщается о том, что князь Даниил Романович

...оукраси же иконы еже принесе ис Кыева каменъемъ драгымъ и бисеромъ златымъ [Хлебниковский список – и златом] и Сїса прѣтое Бѣѣ [Хлеб. сп. – и образ спѣвъ и прѣта бѣа] *иже емоу сестра Федора и вда из монастыра Федора* [Хлеб. сп. – *иже вда емоу сестра Феѡдора*] иконы же [Хлеб. сп. – и иконоуж] принесе из Ооуруучего Оустрѣтенъѣ ѿ ѿѣа его [Хлеб. сп. – ѿѣа] дивоу подобны яже погорѣша (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 844).

А.П. Толочко подробно проанализировал этот фрагмент текста и по поводу интересующего нас сообщения о «сестре Фео-

доре» отметил, что: «мужской в домонгольское время, Феодоровский монастырь оказывается монастырем женским, коль скоро там была пострижена сестра Даниила. Существует и еще одна странность: Феодора было именем, полученным при крещении. При пострижении она должна была бы сменить имя на монашеское, но в сообщении ГВЛ упоминается под крестильным именем». Не обнаружив упоминания Федоровского монастыря в известии о «сестре Феодоре» в Хлебниковском списке, ученый сделал вывод, что «монастырь св. Федора появился в результате невнимательности и последующего домысливания» писца Ипатьевского списка: «Писец Ипатьевского списка легко мог “переписать” (т.е. написать лишнее), поскольку уже скопировал Киевскую летопись... и знал о выдающейся роли Федоровского монастыря в XII в.» (Толочко 2009. С. 224–226).

Справедливости ради следует отметить, что уже автор архетипа Ипатьевского и Хлебниковского списков Ипатьевской летописи имел в своем распоряжении текст Киевской летописи и поэтому вряд ли стоит предполагать нарастание информации из нее при копировании их архетипа. Не выходя за рамки филологической критики текста, необходимо отдавать предпочтение «более трудному чтению»: из него через упрощение и осмысление писцом могло получиться более легкое, но не наоборот (Перетц 1922. С. 71). К тому же указание на украшение самих икон, а не только церковей иконами, как и повторное использование формулы «ѿ ѿца его», заимствованной из рассказа под 1255 г. о коронации Даниила, свидетельствуют о серьезном редакторском вмешательстве в текст статьи. Сообщение о том, что переданные «сестрой Феодорой» иконы «погорѣша» и, следовательно, их наличие никак нельзя было подтвердить, не увеличивают нашего доверия к тексту.

Феодора Романовна никогда до или после этого известия в тексте ГВЛ не упоминалась: последний раз о ней говорилось только в Киевской летописи под 1188 г.: «Галичане же Романовноу Федероу (Хлебниковский список: Феодороу) ѿтнаша оу Володимѣра» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660). Но в тексте ГВЛ дважды упомянута жена князя Михаила Черниговского, имя которой не называется, но она дважды обозначена в качестве «сестры» Романовичей. Сообщается, что она в 1239 г. была захвачена князем

Ярославом Суздальским на пути в Венгрию. Этот факт подтверждается известием Суздальской летописи, в которой, однако, не указано родство черниговской княгини с волынскими князьями (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469). Описанию обстоятельств освобождения из плена князем Даниилом безымянной «княгини-сестры» посвящен основной объем расширительной редакторской вставки в статьи под 1239 г. Основанием для ее появления стало краткое сообщение об этом прецеденте в статье под 1241 г. (Ставиский 2017). В этой трогательной истории о братской любви не названо имя «княгини-сестры». И если в прямой речи «печатника» в статье 1241 г. это было совершенно не обязательно, то в тексте статьи 1239 г. это выглядит странно, в частности для современника событий, – при том, что описанию многолетнего конфликта Романовичей с ее мужем и сыном была посвящена значительная часть текста ГВЛ. Автор вставки в статью 1239 г. из находившихся в его распоряжении источников (статья 1241 г. и Киевская летопись) действительно не мог узнать имя черниговской княгини. О ней ничего не сказано в Киевской летописи, а из статьи 1241 г. мы даже не знаем, была ли она родной или сводной сестрой сыновьям князя Романа. Это не помешало редактору подробно осветить доверительные отношения с ней именно князя Даниила.

О Феодоре Романовне в плане ее родственных отношений из Киевской летописи достоверно ничего не известно, кроме того, что ее отцом был князь Роман Мстиславич, а матерью – Предслава Рюриковна, что не очевидно по поводу сыновей князя Романа. При этом в тексте ГВЛ эта тема не поднимается, как не говорится и о судьбе Феодоры, которая, аналогично жене князя Михаила Черниговского, только единожды обозначена как сестра князя Даниила. Поэтому мы подозреваем, что сведения о ней и версия о ее монашеском подвиге основаны исключительно на информации, почерпнутой из Киевской летописи, и имеют литературный характер. Он безошибочно угадывается в контексте упоминания Феодоры Романовны в связи с мужским монастырем. Летописная версия основана на житийной истории ее небесной покровительницы мученицы Феодоры Александрийской, помещенной в Прологе под 11 сентября (Славяно-русский Пролог. С. 56, 58), то же в Минее служебной под 11 сентября (Ягич

1886. С. 172–173). Основной особенностью подвига св. Феодоры Александрийской было проживание в мужском монастыре. Автор замечания о «подарке Феодоры» не знал о ней ничего, кроме крестильного имени, ставшего ему известным из текста Киевской летописи. Этого оказалось достаточно для того, чтобы создать замечательный образ подвижницы, якобы повторившей подвиг своей небесной покровительницы, находившейся среди людей близких князю Даниилу и участвовавшей в украшении его резиденции. Значит, история с «подарком Феодоры» в действительности представляет собой редакторскую интерполяцию.

Произведенная исследователями филологическая критика ГВЛ убедительно продемонстрировала лексические и синтаксические особенности частей текста до и после рассказа о событиях 1259/60 г. Давно установлено, что характерной чертой литературного стиля автора «волынской части» ГВЛ, охватывавшей события после 1260 г., было использование текста Киевской летописи, включая цитирование и заимствование лексики. Обнаружение в тексте ГВЛ до 1260 г. лексики или информации, источником которых могла быть Киевская летопись, свидетельствует о редактировании текста (Ставиский 2018). Автор редактируемого текста ориентировался на иные литературные образцы, знакомые ему по работе над Иудейским хронографом, что позволяет достаточно уверенно определять редакторские вставки в текст и объясняет появление в нем дополнительной информации, не всегда логически укладывающейся в контекст изложения.

К 80-м годам XIII в. относится формирование круга источников (Киевская летопись, Пролог), на основании которых могла быть сформулирована идея подвижничества близкой родственницы князя Даниила. Среди книг духовного содержания, которыми мог пользоваться редактор, следует прежде всего обратить внимание на те, которые были переписаны в скриптории князя Владимира Васильковича и указаны в его Панегирике, а среди них – «прологы списа . вѣ . мѣца . изложено житѣа стѣх оцѣ, и дѣанѣа стѣх мѣнкѣ како вѣчаша своею крѣвѣю за Хѣ, и мѣнеи . вѣ . списа, и триу^{ди} . и охтай и ермолой . списа же и слоужебни^к стѣмоу Гев^ргѣю, и млѣтвы ве^чрнѣи и оутрѣнѣи списа особѣ молитвеника,» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 926). Здесь указаны «прологи» на

12 месяцев и «служебник», несомненно, включавшие житие св. Феодоры Александрийской. Этим поясняется, почему Феодора Романовна была уверенно упомянута редактором текста ГВЛ в контексте подвига ее небесной покровительницы.

Скудость сведений о Феодоре Романовне в Киевской летописи обусловила использование единственно известного из Киевской летописи ее крестильного имени в качестве монашеского. Принимая во внимание имя, местом для подвига должен был быть мужской монастырь. Для этих целей редактором был выбран киевский Федоровский монастырь – не потому, что он не знал о том, что это был мужской монастырь, а именно потому, что он об этом хорошо знал из текста Киевской летописи. Несомненно, его выбор был обусловлен также тем, что это был «отчий» монастырь для потомков князя Романа, о чем можно было также легко узнать из текста Киевской летописи. Упомянув княжну-«подвижницу» в качестве ктитора холмских церквей, редактор представлял дополнительный аргумент, укреплявший авторитет наследников князя Даниила.

Литература

- Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.
- Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. М., 2010. Т. 1: Текст и комментарий / Изд. подготовлено под ред. В.Б. Крысько.
- Ставиский В.И.* О функции глаголов двойственного числа при формировании текста Галицко-Волынской летописи // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25, N 1.
- Ставиский В.И.* К истории одного паломничества // ВЕДС-XXX: Политические, экономические, культурные и конфессиональные связи Восточной Европы. Внешняя политика Древней Руси. М., 2018. С. 266–270.
- Толочко А.П.* О судьбе Федоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время // *RUTHENICA*. Київ, 2009. Т. 8. С. 223–226.
- Ягич И.В.* Служебные минеи в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886.

УРБАНИЗАЦИЯ В АРХАИЧЕСКОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

«Урбанизация стала несколько немодной темой среди археологов», – таким парадоксальным суждением начинает свою обобщающую концептуальную статью об урбанизации в античности один из ныне виднейших в мире специалистов по истории Древней Греции Р. Осборн (Osborne 2005. Р. 1). Далее он, правда, замечает, что представителей классической археологии эта тенденция коснулась в меньшей степени, их дискурс в связи с данным кругом вопросов продолжает оставаться во многом традиционным. И в то же время проблема, по мнению автора, налицо. «Немалую роль в кризисе изучения урбанизации играет сложность определения урбанизма» (Ibid. Р. 5).

Мы бы, со своей стороны, подчеркнули, что применительно к эллинской античности трудности общего характера усугубляются еще вот каким конкретным обстоятельством. Обычно в качестве одного из ключевых критериев выделения города среди прочих типов поселений принимают его преимущественно ремесленно-торговый характер. Именно в этом аспекте город противопоставляется деревне, где живут крестьяне, занимающиеся сельскохозяйственным трудом.

Подобная картина вполне справедлива, если говорить о европейском городе послеантичного времени, начиная со Средних веков. А вот в рамках древнегреческой цивилизации указанная дихотомия, похоже, не работает в полной мере. С одной стороны, никто не усомнится в городском характере античного общества. Греция была воистину «страной городов»; собственно, и термин «полис» в историографии (особенно западной) чаще всего переводят как «город-государство» или «государство-город».

С другой стороны, как нам доводилось указывать в другом месте (Суриков 2010. С. 21), в античной Греции «...противопоставления города и деревни не наблюдалось, они воспринимались не как антагонистические элементы, а как необходимые части единого целого. Применительно к греческим

реалиям следует вести речь об аграрных городах, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев. Основу населения древнегреческого города составляли не ремесленники и торговцы (хотя они, вне всякого сомнения, наличествовали почти в любом полисе), а крестьяне».

При этом город, естественно, физически не мог быть центром сельскохозяйственного производства; жившие в нем крестьяне работать уходили на участки, расположенные на хоре (Gat 2002. Р. 125). В связи с этим, кажется, еще М. Вебером впервые было сделано замечание, что главная функция античного города – быть вообще не центром производства, а центром потребления. Нужно, однако, добавить – и центром административного управления. Последнее неизбежно проистекает из того, что в норме древнегреческий полис – суверенное государство, а город является ядром, как бы столицей этого государства.

Из сказанного уже ясна несомненная специфика древнегреческой цивилизации. Проницательный Фукидид два с половиной тысячелетия назад «предостерег» современных археологов, нередко при определении древнего населенного пункта как города или не-города придающих чрезмерную роль внешне-формальным, «видимым» признакам. А именно: обратив внимание на то, что Микены, столь прославленные в эпосе, в реалиях V в. до н.э. являются небольшим городком, великий историк заметил:

Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне – владыки двух пятых частей Пелопоннеса и стоят во главе всего полуострова, да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афиняне постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое большим в сравнении с действительностью. Поэтому и в данном случае не следует относиться к преда-

нию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов, чем на их действительное значение (Thuc. I. 10.2–3; в связи с этим пассажем см.: Cook 1955. P. 266–267).

Довольно пространную цитату пришлось привести потому, что она чрезвычайно показательна: Фукидид будто предвидел, что ныне будут делать выводы именно в таком духе. Если провести мысленный эксперимент и представить, что вообще не сохранилось бы письменных источников по античной Греции, а только археологические памятники, – нет сомнения, что при сравнительном анализе, скажем, материалов Пирея и Спарты было бы выведено следующее заключение: первый, будучи мощным урбанистическим центром, наверняка представлял собой самостоятельный полис, а вторая, с ее убогим обликом, являлась зависимым поселением на хоре какого-нибудь полиса. А это означало бы полную противоположность реальным фактам. Постоянно оказывается в опасности таких вот «ловушек» основанное Э. Снодграссом течение «новой классической археологии», базовый постулат которого – археология должна перестать быть «служанкой истории» и начать изучать прошлое с опорой только на собственные данные.

Обратимся к вопросу о том, какие элементы сами греки считали важнейшими, конституирующими, обязательными для населенного пункта городского типа. Видимо, нужно согласиться с мнением (Ducrey 1995), что в числе таковых было, – по крайней мере, с определенного момента – наличие городских оборонительных стен (самая ранняя такая стена, в Старой Смирне, датируется серединой IX в. до н.э.: Coldstream 1979. P. 50). Иногда в качестве контраргумента указывают на «бесстенную Спарту», но тут перед нами как раз исключение, которое только подтверждает правило: спартиаты совершенно сознательно не воздвигали фортификационных сооружений, горделиво опираясь на свое военное превосходство в Греции. Впрочем, в период эллинизма, когда положение их полиса с точки зрения безопасности резко ухудшилось, и они вынуждены были последовать общему примеру.

Далее, среди принципиально важных архитектурных элементов города следует назвать храмы. И в особенной степени –

главный городской храм, посвященный божеству-покровителю данного полиса и располагавшийся в центральной части, чаще всего на акрополе. Он являлся как бы «сакральным сердцем» государства. В анализ данной проблематики особенно большой вклад внес Ф. де Полиньяк (Polignac 1984; 1995), который, кстати, сделал интересное наблюдение, согласно которому типовой полис, строго говоря, имел два «сакральных сердца» – главное святилище на акрополе и крупное святилище на хоре, причем чаще в ее отдаленной от города части, ближе к границам. Эта «биполярная» система устанавливала некие незримые нити, скреплявшие урбанистический центр и сельскую местность.

Отметим также наличие зданий общественного назначения, связанных с осуществлением тех или иных властных полномочий. Это также неизбежно в связи с отмеченной выше административной функцией древнегреческого города. Такие постройки, предназначенные для заседаний Совета, работы магистратов и т.п., размещались обычно близ агоры (Miller 1995. Р. 201–202), которая сама по себе тоже была неотъемлемой частью публичного пространства. Самая ранняя археологически зафиксированная агора в греческом мире открыта в г. Дрерос на Крите (Coldstream 1979. Р. 315). Она датируется последней четвертью VIII в. до н.э. У Гомера в «Одиссее» (поэме, отражающей преимущественно исторические реалии как раз этого времени) описываются народные собрания на Итаке, а они должны были проходить именно на агоре, от которой в раннюю эпоху требовалось только одно – быть открытой площадкой, достаточно обширной, чтобы вместить пришедших на собрание граждан.

Когда началась Великая греческая колонизация, одним из впечатляющих ее результатов стало распространение греческой урбанизационной модели на огромные просторы Средиземноморья и Причерноморья. Апойкии, сразу создававшиеся как суверенные полисы, воспроизводили, прежде всего, важнейшие элементы городов-метрополий, перечисленные выше (оборонительные структуры, храмы, общественные постройки), а о комфорте частных жилищных условий эллины-переселенцы думали лишь во вторую очередь. В колониях Северного Понта они могли на первых порах ютиться в землянках (Суриков 2015). Кстати, применительно к поселениям именно этого региона нередко

ставится вопрос: являлось ли то или иное из них городом или не являлось? И тут во многих случаях помогает фактор наличия или отсутствия обнаруженных фортификационных сооружений (ср. применительно к поселению Стрелка 2: Журавлев, Шлотцауер, Фирсов 2016). Но этот сюжет мог бы стать предметом отдельной работы.

Литература

- Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Фирсов К.Б. Поселение Стрелка 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой / Науч. ред. Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. М., 2016. С. 80–84.
- Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Отв. ред. В.В. Дементьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 8–54.
- Суриков И.Е. Еще раз о «земляночном периоде» в ранней истории греческих колоний северопричерноморского региона // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / Отв. ред. Д.В. Журавлев. М., 2015. С. 75–82.
- Coldstream J.N. Geometric Greece. L., 1979.
- Cook R.M. Thucydides as Archaeologist // Annual of the British School at Athens. 1955. Vol. 50. P. 266–270.
- Ducrey P. La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // Sources for the Ancient Greek City-State / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1995. P. 245–256.
- Gat A. Why City-States Existed? Riddles and Clues of Urbanisation and Fortifications // Comparative Study of Six City-State Cultures / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 2002. P. 125–139.
- Miller S.G. Architecture as Evidence for the Identity of the Early Polis // Sources for the Ancient Greek City-State / Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1995. P. 201–244.
- Osborne R. Urban Sprawl: What is Urbanization and Why does it Matter? // Proceedings of the British Academy. 2005. Vol. 126. P. 1–16.
- Polignac F. de. La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984.
- Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

FRÜHMITTELALTERLICHE URBANE ZENTREN IN GROßBRITANNIEN: EIN VERGLEICHENDES TYPOLOGI- SCHES MODELL AUS DIACHRONISCHER SICHT*

Historiker und Archäologen haben in den letzten Jahrzehnten das moderne Verständnis der Stadtentwicklung im frühmittelalterlichen Großbritannien erheblich verbessert (z. B. Blair 2018; Higham, Ryan 2013. P. 193–203, 245–251, 277–283, 374–380). Bisher scheint es jedoch an einer metaanalytischen Synthese der gesammelten Informationen zu mangeln, d. h. Geschichtswissenschaftler haben bisher keinen prägnanten Rahmen für die Zusammenstellung dieser Informationen vorgelegt. Zum Beispiel wurde der Beitrag der dänischen Siedlung zur englischen Stadtlandschaft oftmals hervorgehoben (z. B. Hall 2001), aber dieser ist nach wie vor schwierig zu bewerten, da es keinen Vergleich sowohl mit der ursprünglichen skandinavischen Stadtentwicklung als auch mit der parallelen späten angelsächsischen Urbanisierung gibt.

Das Ziel dieses vorgelegten Vortrags ist eine der möglichen Typologien der nachrömischen, angelsächsischen und skandinavischen urbanen Zentren und Gemeinden bis zum Beginn des Hochmittelalters vorzustellen. Zum Zweck dieses Vortrags wird der Zeitrahmen um das Jahr der normannischen Eroberung (1066) festgelegt. Es wird davon ausgegangen, dass der mögliche Rahmen von drei Schlüsselpunkten abhängen sollte, nämlich *Herkunft*, *Funktionen* und *Regionalismus*. Von besonderem Interesse ist die Integration der bereits bestehenden städtischen Siedlungen im Danelag in das westsächsische Verwaltungssystem, insbesondere im Vergleich zu dem parallelen Prozess im englischen Mercia im Westen. Es wird im Folgenden versucht, diesen Rahmen jedoch näher zu erläutern und mit konkreten Inhalten zu füllen, wenn auch nur kurz.

In Bezug auf das erste der vorgeschlagenen Kriterien können frühmittelalterliche britische Städte südlich der Hadriansmauer (mit Ausnahme von Wales) die folgenden **Hauptursprünge** erkennen.

Bestimmte Großstädte gehen auf die römische Zeit zurück und haben die Krise von der 5. und 6. Jahrhundert in die späte Epoche überlebt. Dazu gehören die vier römischen *coloniae* (Colchester,

Lincoln, Gloucester und später York), eine *municipia* (St. Albans) und zwölf *civitates* (normalerweise ehemalige keltische Stammeszentren: Hobbs, Jackson 2010. P. 102–103). Trotz ihres Überlebens schrumpften sie alle nach dem Abzug der römischen Verwaltung und der folgenden germanischen Migration vom Kontinent. Einige dieser Städte erlangten nach der Konversionsperiode ziemlich schnell wieder an Prestige, nicht zuletzt aufgrund des administrativen Nutzens, den sie der Kirche bieten konnten, während andere nur später, wenn überhaupt, Bedeutung erlangten. Bereits im 7. Jahrhundert tauchten einige neue städtische Stätten auf, die *wīcas* auf Altenglisch oder *emporia* auf Lateinisch bezeichnet wurden. Manchmal waren sie völlig neu (wie *Hamwīc* in Hampshire), während andere die nachrömischen Strukturen wiederverwerteten (z. B. Ipswich in Suffolk, wo die Römer in Castle Hill im Nordwesten der modernen Stadt eine Villa gebaut hatten). Es konnte auch beides zutreffen (wie in London, das damals ein binäres System des nachrömischen *Lundenburh* und der angelsächsische *Lundenwīc* war [Tyler 2014]). Diese Städte bildeten sich (wieder) als Elemente im neuen Handelsnetz in Nordwesteuropa, das rund um den Ärmelkanal, der Nord- sowie Ostsee funktionierte (Loveluck 2013. P. 180–182), und umfasste Marktplätze in Dorestad (Niederlande), Quentovic (Frankreich), Ribe (Dänemark) und anderen Orten. Es ist nicht klar, ob die Entwicklung von *wīcas/emporia* in England den königlichen Initiativen geschuldet ist, aber die Könige haben davon sicherlich profitiert. Die letzte Welle der Stadtgründung vor der normannischen Eroberung betraf schließlich die Invasion und Besiedlung der Wikinger aus der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Zum einen erlebten die von Skandinavien kontrollierten Gebiete nach der zeitweiligen politischen und militärischen Stabilisierung mit dem Vertrag zwischen Alfred und Guthrum in den 880er Jahren eine unabhängige Stadterweiterung. Als Ergebnis erschien die Region der “fünf Burgen” (Derby, Leicester, Lincoln, Nottingham und Stamford) im südlichen Danelag und im Norden florierte das wikingische York. Auf der anderen Seite führte das westsächsische Verteidigungssystem zur Schaffung / Wiederbesetzung von befestigten städtischen Orten, die als *burhs* bezeichnet werden (33 von ihnen in Wessex und Westmercia sind im sogenannten *Burghal Hidage* benannt, der unter Edward dem Älteren errichtet wurde). Nach der Westsächsischen Übernahme des Danelags wurden

einige der größten skandinavischen Festungen zu neuen Landeshauptstädte erhoben, und dies gilt auch für bestimmte sächsische *burhs* (siehe unten).

In Bezug auf die erfüllte **Funktion** erscheint es sinnvoll, die englischen Städte in drei Hauptgruppen einzuteilen: *königliche und/oder kirchliche Zentren*, *territoriale Hauptstädte* und *kommerzielle Drehkreuze* (NB: Diese Gruppen gehören eher zu den weberianischen “ideal-typischen” Modellen, da sich diese Funktionen oftmals überlappen). Zu der ersten Gruppe gehörten viele westsächsische Städte wie Chester, Wilton, Dorchester (die Diözese von Canterbury, obwohl sie sich in Kent befindet, gehört auch dieser Kategorie) und vor allem Winchester. Letzteres ist das aussagekräftigste Exemplar in der Gruppe: Obwohl es hier schon seit vorchristlicher Zeit eine Siedlung gab, wurde Winchester seit dem 7. Jahrhundert zu eine Diözesehauptstadt, und nachdem sie im Rahmen Königs Alfreds Verteidigungsstrategie erheblich umgebaut worden war, wurde ihr Burg *de facto* im 10. Jahrhundert das politische Zentrum des Königreichs. Trotz ihrer kulturellen Bedeutung wurde die wirtschaftliche Entwicklung Winchesters durch die Lage im Landesinneren behindert, so dass es nie zu einem kommerziellen Zentrum wurde. Southampton (Hampshire), das an der Küste im Süden liegt und mit Flandern und Frankreich verbunden war, übernahm *Hamwīc* und diente als der wichtigste westsächsische Handelshafen. Es mangelte jedoch an einer prestigeträchtige Aura und war dem Rest des Landes fern. Das beste Beispiel für ein erfolgreiches Handelszentrum wäre natürlich London, das 886 vom König Alfred von den Dänen erobert wurde. Vor diesem Datum war die Stadt “königlich, kirchlich, zereemoniell” (Beard 2014. P. 42). Dank seiner vorteilhaften geographischen Lage, die bereits im Jahre 43 von den Römern entdeckt wurde, hatte London Zugang zu den Handelswegen im In- und Ausland, was unter anderem das stetige Wachstum des 11. Jahrhunderts und darüber hinaus erklärt. Obwohl Winchester der gewählte Sitz der königlichen Schatzkammer blieb (1043 nahm hier König Edward seiner Mutter, die wahrscheinlich auch die Schatzkammer des Königs erhielt, ihr Eigentum weg), überschattete Londons wirtschaftliche Bedeutung bald das symbolische Gewicht von Winchester. So sehr, dass die Könige Sven Gabelbart und Knut es 1013 bzw. 1016 belagerten, und gerade in London wurde William I. am Weihnachtstag

1066 zum König von England gekrönt. Schließlich, obwohl die Debatten über die Bildung des Grafschaftensystems noch nicht abgeschlossen sind (Senecal 1999. P. 52–65), ist es schon klar, dass in den frühen 1000er Jahren das Verwaltungsnetz entstanden war und die politischen und administrativen Hauptstädte darin die unterschiedlichen Ursprünge der Grafschaften widerspielten. Einige, wie Winchester, waren früher hauptsächlich königliche Stätten. Andere, wie Warwick, hatten zuvor die Verteidigungsfunktionen innerhalb des Burgensystems. Großstädte im Danelagen, wie die bereits erwähnten „fünf Burgen“, spielten bereits vor der Vereinigung unter dem westsächsischen Zepter die natürliche Rolle der territorialen Zentren und die königliche Macht musste sie erst später „sanktionieren“ und dadurch sie in die Verwaltungsmaschine integrieren.

Unter Berücksichtigung der obigen Beschreibung wird schließlich deutlich, dass sich die angloskandinavische Urbanisierung im ganzen Land ziemlich unterschiedlich entwickelte, obwohl spielte die Stadtentstehung um die normannische Eroberung zunehmend im Mittelalter im Großen und Ganzen eine kleinere Rolle. Man kann drei große **Regionen** unterscheiden (Bild 1):

1) Süd-England erlebte die geringste Unterbrechung seit der Römerzeit und war zum Zeitpunkt der Domesday-Vermessung (1086/7) der am stärksten urbanisierte Teil des Königreichs. Die meisten Städte sind aus königlichen und kirchlichen Zentren oder befestigten Burgen entstanden.

2) Westmercia ähnelte Wessex in den meisten Aspekten mit einer Ausnahme: Seine Hauptstädte waren nur dann „königlich“, wenn der Verwaltungsprozess von den Königsbeamten durchgeführt wurde. Wie Henry Loyn bemerkte, „tendierten die Herrscher des vereinigten Englands im 10.–11. Jahrhundert dazu, physisch sehr stark im Süden zu liegen“, und er erklärt es mit dem größeren Grad der Urbanisierung in Größere Wessex (Loyn 1984. P. 96).

3) Das Danelag wurde zuletzt im westsächsischen Königreich integriert und stand in vielerlei Hinsicht im Vergleich zum Rest des Landes. Die Kontinuität mit dem römischen Urbanismus beschränkt sich größtenteils auf nur die größten Städte – vor allem London und York, obwohl fast alle anderen städtischen Stätten (wie die „fünf Burgen“) in gewissem Maße von den Römern auch genutzt worden waren. Ein weiterer Unterschied war das Fehlen der *burhs* und weniger Diö-

zesanstädte (sechs im Danelag und Northumbria gegenüber neun in Wessex und Westmercia um 1066; Higham, Ryan 2013. P. 1).

Was diese Regionen jedoch vereint, ist die Rolle, die die Städte und Gemeinden um das Ende der angelsächsischen Epoche in ihnen gespielt haben: Obwohl sie sich nach Herkunft, Größe und Hauptfunktionen unterschieden, war “die Burg in neun Fällen aus zehn eine königliche Schöpfung” (Loyn 1984. P. 149), und daher ein “Urbanismus, der aus der Notwendigkeit entstand, die königliche Macht zu stärken, Abwehrkräfte bereitzustellen und den Wikingern Widerstand zu leisten” (Higham, Ryan 2013. P. 283): Städte waren die Prägeorte, Militärgarnisonen, Sitze der Gerichte und Sheriffsresidenzen, und in den Städten spürte man die Anwesenheit des englischen Monarchen am meisten.

Wir hoffen, dass das angebotene Analyseschema die aggregierten empirischen Daten nicht nur zusammenfasst und ordnet, sondern auch bei unseren Kollegen weitere Anwendung finden kann: Ähnliche Rahmenbedingungen scheinen für Regionen mit ähnlicher frühmittelalterlicher Entwicklung (Nord- und Osteuropa; vgl. Макаров 2012. С. 80–83) machbar zu sein und es könnte sich auch lohnen, sie im Zuge der multidisziplinären Forschung zu einer größeren Struktur zusammenzufassen.

Anmerkung

* Ich möchte meinem Kollegen Mirko Harmel (Göteborgs Universität) von ganzem Herzen für das freundliche Korrekturlesen dieses Textes danken.

Bibliographie

Макаров Н.А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Под ред. Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2012. С. 65–89.

Beard D. London: Archaeological Evidence for the Events of 886 and Its Aftermath // Towns and Topography: Essays in Memory of David H. Hill / Ed. G.R. Owen-Crocker und S.D. Thompson. Oxford; Philadelphia, 2014. P. 41–45.

Blair J. Building Anglo-Saxon England. Princeton; Oxford, 2018.

Hall R. Anglo-Scandinavian Urban Development in the East Midlands // Vikings and the Danelaw: Select Papers from the Proceedings of the Thirteenth Viking Congress, Nottingham and York, 21–30 August 1997 / Ed. J. Graham-Campbell, R. Hall, J. Jesch und D.N. Parsons. Exeter, 2001. P. 143–155.

Higham N.J., Ryan M.J. The Anglo-Saxon World. New Haven; L., 2013.

Hobbs R., Jackson R. Roman Britain: Life at the Edge of Empire. L., 2010.

Senecal Chr.K. The Regional Aristocracies of Late Anglo-Saxon England.
Doktorarbeit. Boston College, 1999.

**ИЕРУСАЛИМСКИЙ МНИХ АФАНАСИЙ (XII в.)
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОМОНГОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ
С ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО**

Прямые славянские переводы с древнееврейского отражают реальное звучание семитских имен и терминов, без примеси греческого или латинского, и делятся на две группы:

1) домонгольские переводы, содержащиеся в Толковой палее и хронографических произведениях (обзор см.: Алексеев 2018. С. 5–11);

2) так называемая «литература жидовствующих» (обзор см.: Алексеев 2018. С. 12–13; Грищенко 2018. С. 136–139), связываемая с деятельностью ученого еврея Захарии бен Аарона га-Кохена (Схарии древнерусских текстов), жившего (по еврейским источникам) в Киеве ок. 1454–1482 гг.; позже многие переводы этой группы стали известны в Великом Новгороде (куда Схария приезжал в свите слущкого князя Михаила Олельковича в 1471 г.) и Москве.

Переводы второй группы выполнены на руську мову в Великом княжестве Литовском и подверглись вторичной церковно-славянизации в Московской Руси. Первая же группа текстов переведена на церковнославянский и имеет вероятное древнерусское происхождение, но ее не удастся связать с конкретными лицами или книжными центрами (см.: Алексеев 2018. С. 13–17). Ситуация осложнена тем, что степень распространения владения древнееврейским языком в древнерусских иудейских общинах домонгольского времени остается неясной.

Ситуация изменилась с публикацией единственного списка (Вильнюс. Библиотека им. Врублевских АН Литвы. F19–256. Первая четв. XVI в. Л. 84 об.–88 об.) исходной (пространной) редакции Послания Афанасия, мниха Иерусалимского, Панку о крестном древе (Панайотов 2002. С. 140–148), сокращенная версия которого известна по многим рукописям и давно опубликована (Памятники 1862. С. 84–85). Это текст известен лишь в восточнославянских списках и обычно считается раннеболгар-

ским из-за эксплицитного упоминания в нем пресвитера Иеремии (Болгария, середина – третья четверть X в.) и его произведения «О древе крестном».

Однако недавно доказано древнерусское происхождение Послания Афанасия (Вершинин 2019) с опорой, в частности, на его содержательную общность с Посланием киевского митрополита Климента Смолятича смоленскому пресвитеру Фоме, истолкованным мнихом Афанасием, и анонимными Толковыми праздничными канонами, атрибутированными тому же мниху Афанасию и датированными второй половиной XII в. (Темчин 2017). Аргументы К.В. Вершинина в пользу взаимосвязи всех трех произведений можно усилить: в Послании Панку (как и в Послании Климента и, разумеется, Толковых канонах) используются богослужебные песнопения, ср. приводимую в пространной редакции Послания Афанасия стихире Октоиха (здесь и далее цитирую по рукописи):

г̃ле^м бо поюще г̃и при моѡсеи древле пр^орцѣ токмо шбразъ кр^ста твоего ѡблаа са побѣж^лаше врагы твоа. ннѣ же самы^и кр^стъ твои дрѣжаще, побѣжаемъ врагы (л. 88).

Важно, что Послание Панку обнаруживает смысловые (хотя и не дословные) совпадения с Толковой палеей, причем именно с теми ее разделами, которые содержат переводы с древнееврейского вперемежку с христианскими текстами:

ѡакоже бо ѡно древо мер^гры горкыа воды ѡслади. такоже и кр^стное древо ѡзыкъ горкое море ѡслади. еже е^с невѣрїе въ вѣрѣ претвори (л. 86 об.); Якоже бо древо Меры горкыа воды ѡслади, тако и крестъ Христовъ горкыа ѡзыкѣская невѣрства ѡслади (БЛРД. Т. 3. С. 146) – Житие Моисея в Толковой палее (о нем см.: Алексеев 2008. С. 44–47).

Этот фрагмент восходит к вопросоответам Феодорита Кирского на кн. Исход (см.: Вершинин 2019).

Исследователи иногда ставят в кавычки читающееся в рукописях определение автора Послания Панку как *мниха иерусалимскаго*, видимо, сомневаясь в достоверности такой локализации. Оно действительно может пониматься не в прямом, а в

«духовном» смысле – подобно тому, как это делал, согласно «Лавсаику» Палладия Еленопольского († 430 г.), св. Антоний Великий:

А когда он [Антоний – С.Т.] приходил в монастырь, был у него вот какой обычай: он звал Макария и спрашивал его: «Брат Макарий, что, пришли какие-нибудь братья?» Тот отвечал «Да». «А что, это египтяне или иерусалимляне?» – потому что он заранее условился с ним так: «Если ты увидишь, что странники пришли празднoлюбивые, скажи, что это египтяне; а если это люди благочестивые и с пониманием, скажи, что иерусалимляне». И вот он спросил по обыкновению: «Египтяне ли братья или иерусалимляне?» Макарий сказал в ответ: «Есть и такие, и такие». А когда он отвечал ему: «Это египтяне», – святой Антоний говорил ему: «Приготовь чечевицы и накорми их» – и творил для них одну молитву и с тем отпускал. Когда же тот говорил: «Это иерусалимляне», – он сидел с ними всю ночь и наставлял о спасении» (Памятники 1968. С. 123–124).

Поскольку Лавсаик был переведен на славянский в X в. и известен на Руси в XI в., «духовный» смысл (в подражание св. Антонию) определения «иерусалимский» при имени мниха Афанасия в принципе не исключен.

Однако обращение к первоначальной редакции Послания Панку ясно показывает, что все же речь идет о Палестине.

Во-первых, здесь отражено знакомство с реалиями южного быта:

кипарисом^ѣ бо и пѣв^ѣго^м и кедро^м сами вѣдаемъ ѿко нѣ^ѣтоже кланает^ѣ са, но во шг^ѣнь и^ѣ влагають. и сѣгарають ѿкоже и прочаа дрѣва, и дѣлають в немъ потребныа сѣсѣды (л. 87 об.).

Упоминание бытового использования кипариса и кедра для отопления помещений и выделки сосудов выдает, по крайней мере, опытного паломника.

Во-вторых, филистимляне названы в тексте еврейским именем *плиштитим* (евр. *pālīštīm*), довольно точно отражающим фонетику и морфологию семитской формы мн.ч. (с дополнительным славянским окончанием *-и*, как это делается и современными переводчиками с древнееврейского на русский), но с началь-

ным *φ*- вместо ожидаемого **n*-, видимо, под церковнославянским (*филистими*), греческим (*Φυλιστιείμ*), латинским (*Philistaei*, *Philistini*) или арабским (*filasṭīnīy*) влиянием: «патриархъ ѡнъ [Исаак – С.Т.] ископа кладазь. флиш^тими же прише^дше сваривша сѧ ѡ нъ» (л. 85). Краткая редакция содержит уже полуисправленное написание *филицими* (Памятники 1862. С. 84; Панайотов 2002. С. 151).

В Послании Афанасия контекст этого еврейского названия заимствован, как известно (Соколов 1888. С. 210–211), из слова псевдо-Иоанна Златоуста «О Адаме и о древе разумном добра и зла» («Бог премудростию своею все добро сотвори...»), входящем в Златоструй XII в.: «исакъ ископа кладазь. и фунистѣне прише^дше. котораша сѧ о кладазь» (Георгиева 2003. С. 297–298); в позднейших списках эта форма исправнее: *филистѣне* (Панайотов 2002. С. 58); *филисти(мле)не* (Соколов 1888. С. 211). Следовательно, церковнославянское название филистимлян было заменено еврейской формой именно Афанасием: в его источниках и во вторичной (сокращенной) версии его Послания таковая отсутствует.

Итак, определение Афанасия как «мниха иерусалимского» в сочетании со знанием им южных реалий и наличием в его Послании этнонима, выдающего владение древнееврейским языком, не оставляет сомнений в том, что этот древнерусский книжник второй половины XII в. какое-то время жил в Иерусалиме, где и мог познакомиться с древнееврейским языком. Это первое известное нам не анонимное, а именное домонгольское произведение, содержащее прямой гебраизм.

Присутствие в Палестине древнерусских книжников логично отнести ко времени Первого Иерусалимского королевства (1099–1187). После известного хождения игумена Даниила, в начале XII в. около двух лет жившего на Святой земле и пользовавшегося расположением иерусалимского короля Балдуина I, там, видимо, начала формироваться более или менее постоянная древнерусская колония, которая могла просуществовать до 1187 г. В ней, как видно, было некоторое количество восточнославянских книжников, которые, подобно иерусалимскому мниху Афанасию, интересовались древнееврейским языком. С их

деятельностью и следует связать появление домонгольских переводов с древнееврейского, которые могли выполняться как в Палестине, так и после возвращения на Русь (где работа могла проводиться по привозным еврейским оригиналам). Первый вариант предпочтительнее как наиболее простой.

Поскольку на формирование древнерусской колонии Иерусалима и изучение ее представителями древнееврейского языка требовалось некоторое время, то домонгольские переводы с древнееврейского выполнялись, скорее всего, во второй половине XII в., на которую и приходится книжная деятельность иерусалимского мниха Афанасия: он толковал Послание Климента Смолятича ок. 1170 г. (Понырко 1992. С. 122), а атрибутированные ему Праздничные толковые каноны датированы мною примерно 1170–1180-ми годами (Темчин 2017. С. 228).

Литература

- Алексеев А.А.* Апокрифы Толковой палеи, переведенные с еврейских оригиналов // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 41–57.
- Алексеев А.А.* Еврейские источники в литературной традиции древней Руси // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Междунар. съезд славистов. Доклады российской делегации / Под ред. А.М. Молдована. М., 2018. С. 5–17.
- Вершинин К.В.* Послание Афанасия, мниха Иерусалимского – русский эпистолярный памятник XII в. 2019 (в печати).
- Георгиева Т.* Златоструй от XII в. Силистра, 2003.
- Грищенко А.И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV в.: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018.
- Памятники византийской литературы IV–IX вв. / Под ред. Л.А. Фрейберг. М., 1968.
- Памятники старинной русской литературы / Под ред. Г. Кушелева-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3.
- Панайотов В.* Книжовникът Атанасий Йерусалимски. Шумен, 2002.
- Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII века: исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
- Соколов М.И.* Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1.
- Темчин С.Ю.* Толковые праздничные каноны – неучтенное древнерусское произведение домонгольского периода // ВЕДС–XXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 223–228.

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ГОРОДОВ АР-РАНА В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В настоящем докладе хотелось бы обратить внимание научной общественности на слабоизученную в современной историографии проблему, а именно – особенности описания в арабо-персидских источниках городов ключевого региона Южного Кавказа, а именно ар-Рана¹, в годы монгольского нашествия. Прежде всего, соответствующая проблематика важна в контексте политической истории региона в первой половине XIII в., поскольку именно эти земли станут ареной борьбы между Грузинским царством и государством атабеков Азербайджана, а затем – объектом монгольской и хорезмийской экспансии. Безусловно, такое количество военных вторжений в регион в указанный исторический период не могло не быть отмечено в исторических источниках – не только грузинских и армяноязычных, но и в арабо-персидских нарративных памятниках. Описывая все перипетии военных столкновений, средневековые историки уделяли некоторое внимание и особенностям городов и городского населения ар-Рана в первой половине XIII в.

При этом специфика того, как города ар-Рана описывались в эпоху монгольского нашествия в арабо-персидских источниках, до сих пор не становилась предметом специального исследования, несмотря на то, что эти тексты предоставляют существенный объем информации, наряду с упомянутыми грузинскими и армяноязычными памятниками. Подобная проблематика, в большей или меньшей степени, поднималась лишь в работах по истории монгольского завоевания Южного Кавказа (Аветисян 1939; Али-Заде 1952; 1949; Галстян 1977; Григорян 1990), либо в трудах по истории других государственных образований (Ашурбейли 1983; Бабаян 1969; Буниятов 1978; 1986). Надеюсь, что настоящий доклад в какой-то степени сумеет восполнить этот пробел и пробудить интерес к истории ар-Рана первой половины XIII в.

Тематически информацию из арабо-персидских источников можно классифицировать, разделив ее на две группы: сведения по политической истории региона и данные о городах и населенных пунктах в историко-географических сочинениях. Первый случай прекрасно иллюстрирует труд «Ал-Камил фи-т-тарих» или «Полный свод истории» (Ибн ал-Асир 2006; Ibn Al-Asir 1849–1850; 2008; The Annals 2002; Arab Historians 1969; Extrait 1872. Т. 1. Р. 189–744; Т. 2. Р. 3–180) Изз ад-Дина Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммада аль-Джазири, более известного как Ибн ал-Асир (1160–1234), который был прекрасно осведомлен не только о монгольском и хорезмийском вторжении, но и о конфликтах внутри Южного Кавказа.

В сведениях предшествующих лет мы уже говорили, что натворили грузины в землях ислама – Хилате и его округах, Азербайджане, Арране, Арзане Рума, Дербенде Ширвана и в тех областях, которые прилегают к их стране, говорили о том, сколько они пролили крови мусульман, сколько разграбили их имущества и сколько захватили городов. Ежедневно в этих землях мусульмане подвергались унижению и бесчестью. Грузины совершали на них набеги, нападали на них и забирали все, что хотели из их имущества (Ибн ал-Асир 2006. С. 375).

Второй случай, гораздо более интересный для нас, можно проиллюстрировать сочинением «Муджам ал-Булдан» (Barbier de Meynard 1970) Йакута ал-Хамави (1178/1180–1229), современника Ибн ал-Асира. В частности, можно привести подробное описание города Барды, одного из центров ар-Рана, сделанное этим историком и географом. Хамза считает, что его название является формой арабского производного персидского слова (برده بار бордэ бар), что означает место, где были заключенные, потому что именно сюда, говорит он, высаживали преступников, которых древний правитель Персии отправлял в экспедицию за пределы Армении. Ибн ал-Кутайба, кажется, путает этот город с Арраном, расположенным также на границе с Азербайджаном. Город был основан, говорит он, при правителе Кубаде на просторной равнине; дома были созданы из кирпича и камня (штукатурки). «Можно прочесть в книге под названием Молхамах (Молха-

ма – Д.Т.), что долгота Барды 79 градусов 30 минут, широта 45; 6 климат...» (Barbier de Meynard 1970. Р. 91).

Третьим арабо-персидским источником, использованным в настоящем докладе, является труд Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны», «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» (ан-Насави 1973), написанный также в первой половине XIII в., а точнее в 639/1241–647/1249 гг. Этот памятник содержит редкие и ценные сведения о городах ар-Рана в годы завоевания Южного Кавказа хорезмшахом Джалал ад-Дином Манкбурны, чьим личным секретарем был сам ан-Насави. Кроме того, автор текста, персидский историк, не только был свидетелем указанных завоеваний, но и активно участвовал в дипломатических миссиях последнего хорезмшаха и посещал, в том числе, земли ар-Рана. Особенно подробно он описывает город Гянджу и прилегающие к ней земли, поскольку, как можно понять из его сочинения, он долгое время проживал в ее пределах по долгу службы. В его произведении можно обнаружить подробнейший рассказ о деятельности исмаилитов Аламута в этом городе и убийстве тамошнего наместника хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, а также некоторые описания других городов ар-Рана (ан-Насави 1973. С. 179. При работе над докладом был использован не только известный по этому изданию перевод на русский язык, сделанный З.М. Бунятовым, но и турецкое издание [un-Nesevi 1934], а также арабское [Nasavi 1953] и персидские публикации [an-Nasavi 1945; Nasavi 1986]).

На примере трех этих исторических памятников нам хотелось бы продемонстрировать не только то, насколько подробно арабо-персидские авторы описывали ар-Ран и его города, но и что конкретно интересовало их, чему они уделяли наибольшее внимание. Безусловно, в будущем хотелось бы привлечь большее количество текстов для подобного исследования, но данный доклад представляется первым шагом в этом направлении.

Примечание

¹ Арран (Агванк, ал-Ран) – в рамках арабо-персидской историографии этот термин долгое время использовался для обозначения территории Кавказской Албании, исторического региона, включавшего в себя часть терри-

торий современного Азербайджана, Грузии и Дагестана. Однако к XIII веку под Арраном, Агванком или ал-Раном подразумевалась область правобережья Куры с центрами в Барде, Гяндже, Хачене.

Источники и литература

- Аветисян В.* Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) // Труды Московского института востоковедения. М., 1939. № 1. С. 125–143.
- Али-Заде А.А.* Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. // ВИ. 1952. № 8. С. 59–65.
- Али-Заде А.К.* Из истории государства Ширваншахов в XIII–XIV вв. // Известия Акад. наук Азербайджанской ССР. 1949. № 8. С. 78–110.
- Ибн ал-Асир.* «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент, 2006.
- Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1973.
- Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.
- Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969.
- Бунятов З.М.* Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку, 1978.
- Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986.
- Галстян А.Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166–186.
- Григорян Г.М.* Очерки истории Сюника. IX–XV вв. / Отв. ред. Х.А. Торосян, Б.А. Улубабян. Ереван, 1990.
- The Annals of the Saljuk Turks. Selection from al-Kamil fi-t Tarikh of Izz ad-Din Ibn al-Asir / Transl. and annot. by D.S. Richards. L., 2002.*
- Arab Historians of the Crusades. Selected and translated from the Arabic sources from Francesco Gabrieli / Transl. by E.J. Costello. L., 1969.*
- Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. P., 1849–1850. T. 13–15.*
- Ibn al-Asir, Izz ad-Din. The chronicle of Ibn al-Asir for the Crusading period from al-Kamil fi-t Tarikh. L., 2008. Part 3: The Years 589–629/1193–1231: The Ayyubids after Saladin and the Mongol Menace / Transl. and annot. by D.S. Richards.*
- Barbier de Meynard C.* Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes. Extrait en traduction française avec quelques texts originaux, du *Mo'djem el-Bouldan*, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179–1229 a.d. et complété a l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inédits avec préface analytique et des notes critiques. Amsterdam, 1970.

Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh* par Ibn-Alatyr // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux. P., 1872. Т. 1–2.
An-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali / Transl. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945.

В.В. Тишин

**ФЕНОМЕН ТЮРЬМЫ И ИНСТИТУТ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ У КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (К ВОПРОСУ О КОРРЕ-
ЛЯЦИИ СТЕПЕНИ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ И СТЕПЕНИ
СЛОЖНОСТИ ОБЩЕСТВА)***

Наличие или отсутствие какого-либо социального института отражает не только степень сложности общества, но и его специфику, что в особенности актуально при изучении кочевнических обществ. Последние, как известно, характеризуются рядом общих черт, выступающих в качестве признаков культурно-цивилизационного характера, при этом каждое из них, находясь в специфическом историко-культурном контексте, демонстрирует свои особенности. Наиболее ярко они выступают в ракурсе рассмотрения степени седентаризации, характерной для той или иной общности.

Одним из частных индикаторов здесь может служить бытование такого феномена как тюрьма, если понимать под этим именно некое институционализированное учреждение исправительного характера, оставляя по возможности в стороне феномен плена, имеющий свою специфику.

Исследователи в целом соглашались с тем, что такая форма наказания, как ограничение свободы, не получила у кочевников распространения ввиду специфики их быта (Рязановский 1931. С. 55; Материалы 1968. С. 40, 288, комм. 135; Материалы 1973. С. 11; Гедеева 1985. С. 44; Насилов 1993. С. 36–37; Дугарова 2016. С. 141; и др.). Ограничение свободы имело у кочевников предварительный характер – до вынесения какого-либо решения (Крадин 2001. С. 214–215). Сравнительный материал показыва-

ет, что наказание в форме заключения под стражу было нововведением, связанным на разных временных этапах и в разных регионах с влиянием традиций оседло-земледельческих культур. Например, в монгольской среде оно появилось в период маньчжурского владычества (Дугарова 2016. С. 296).

Источники о кочевниках степной Евразии предыдущих периодов очень скудны.

Согласно китайской летописи «Ши цзи» 史記 (цз. 110) у сюн-ну 匈奴, «самый продолжительный срок заключения в тюрьме – не более десяти дней, и во всем государстве число заключенных не превышает несколько человек» (Материалы 1968. С. 40). В оригинале здесь иероглиф 獄 ‘тюрьма; место заключения’ (Большой китайско-русский словарь 1984. С. 647, № 8524). Уже Е.И. Кычанов отмечал, «что и в Китае тюремное заключение не было видом наказания, тюрьмы были только следственными, т.е. обвиняемый содержался в тюрьме только во время следствия, суда или в ожидании исполнения приговора» (Кычанов 2010. С. 32).

В 627 г. тюркский Се-ли 頡利 каган, разозлившись на своего племянника Ту-ли 突利 кагана за поражение вверенной ему армии и большие потери, применил к нему следующее наказание: по «Цзю Тан шу» 舊唐書, *циу эр та* 囚而撻, букв. ‘арестовал (= схватил, поместил под стражу) и выпорол’; по «Синь Тан шу» 新唐書, *циу чуй чжи цзю най шэ* 囚捶之久乃赦, букв. ‘арестовал (= схватил, поместил под стражу), высек (палками), через долгое время потом помиловал (= пощадил, «амнистировал»)» (Parker 1901. Р. 265, 270; Liu Mau-tsai 1958. S. 145–146, 201).

Другой пример, на который ссылаются исследователи (Максуд Арсал 2002. С. 155; Почекаев 2009. С. 138; Дугарова 2016. С. 137–138), это – упоминание у Рашīд ад-Дīна изречения (*билик*) Чингисхана, где говорится о возможности временного ограничения свободы члена его рода после трехкратного нарушения *йасы* и возвращения из последующей ссылки, если

он «не исправится» (Рашид-ад-дин 1952. С. 263–264). В оригинальном тексте здесь персидское слово *zindān* (Rashīd al-Dīn 1373. С. 776).

Отдельного внимания заслуживает лексика с семантикой лишения свободы.

В тюркской среде наиболее интересным является зафиксированное у Махмұда ал-Қашғарұ слово *oru* (*oro?*) ‘a hole (*al-ḥufra*) which is dug for the storage of wheat, root vegetables (*a1-salcam*) and the like’ (Clauson 1972. Р. 197), ‘яма, вырытая для хранения пшеницы, репы и тому подобного’ (Махмұд ал-Қашғарұ 2010. С. 118). Это первичное отглагольное образование от основы *or-* ‘рыть’, ‘копать’ (Севортян 1974. С. 467–468). Во всех современных языках слово употребляется именно в значении, близком к тому, что дано у Махмұда ал-Қашғарұ (Радлов 1893. Стб. 1047–1048, 1052, 1056; Doerfer 1965. S. 144). Однако в «Кутадгу билиг» вычленяется также значение ‘яма, темница’, в контексте *es[s]iz barċa bayta oruda keräk* ‘всех скверных надо [держат] в оковах и в темнице’ (Древнетюркский словарь 1968. С. 171–172; Радлов 1893. Стб. 1056–1057).

Интересно, что в тюркской эпической традиции местá заключения героя ассоциируются преимущественно с подземельем или подвалом (иногда просто упоминаются, но не описываются) (Köktürk 2016. S. 392).

Случай заточения пленника в яму для хранения зерна известен уже в истории *сюн-ну* 匈奴. Затем пленник был отправлен в дальнюю ссылку пасти баранов (Материалы 1973. С. 103).

По крайней мере, для IX в. есть сведения о практике содержания пленников в ямах (*ди-лао* 地牢) тибетцами (*бот*) (Srerling 1979. Р. 33). Сажали пленников в ямы кидане в доимперский период (Материалы 1984. С. 158, 372, комм. 7). Позже они организовали тюрьмы на основе ям (Кычанов 2010. С. 177). Ямы-тюрьмы известны в чжурчжэньской империи Цзинь 金 (Васильев 1857. С. 207; Кычанов 2010. С. 193). Однако практика использования ям в качестве тюрем была еще в древнем Китае (Zhou 1991. Р. 15), в том числе в ханьское время (Крюков и др. 1983. С. 168).

Ямы в качестве тюрем использовались в тангутском государстве Си Ся 西夏 (Кычанов 1968. С. 76). Это были ямы для хранения зерна, соорудившиеся в степных и полупустынных районах, т.е. там, где было недостаточно леса для строительства зданий (Кычанов 2008. С. 323).

Этот факт может косвенно указывать на значение среди прочих географического фактора в практике использования ям для содержания узников степными кочевниками, испытывавшими недостаток леса. Иными словами, это дополнительный параметр, который ограничивал их возможности в сооружении специализированных мест заключения, в совокупности со сложностями, обусловленными подвижным образом жизни при привычном укладе в условиях экстенсивного, экзависимого хозяйства, и с нецелесообразностью создания соответствующей инфраструктуры, предполагающей выделение из хозяйственного коллектива рабочих рук для охраны и дополнительную нагрузку на него – поскольку узников и охранников было необходимо обеспечивать питанием.

Кроме ям, могли быть и другие способы временного ограничения свободы, о чем можно судить по сравнительным данным. Так, у туарегов, кочевников пустынной Сахары, в XIX в. провинившиеся, будучи закованы в колодки, находились в своих шатрах или содержались в шатре *аменукала* (военного предводителя крупного племенного объединения. – Першиц 1968. С. 350).

В древнеуйгурских и караханидских текстах известна и другая лексика, связанная с местами лишения свободы (*tünäk, qisïy, qijïnlïq ~ qïñlïq ~ qïñlïq, tutyun*) (Clauson 1972. P. 458, 519–520, 639, 666; Древнетюркский словарь 1968. С. 441, 444, 447, 648). Соответствующие значения, вычленяемые здесь контекстуально, являются, видимо, вторичными и обусловлены уже оседло-земледельческим образом жизни носителей языка.

Примечание

* Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № AAAA-A17-117021310264-4.

Литература

- Большой китайско-русский словарь. Т. 3. М., 1984.
- Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века. СПб., 1857.
- Гедеева Д.Б.* Лексика, обозначающая систему наказаний в уголовном праве калмыков /по материалам письменных памятников XVI в. // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985. С. 43–51.
- Древнетюркский словарь. Л., 1968.
- Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М., 2001.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
- Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб., 2008.
- Кычанов Е.И.* Очерк истории Тангутского государства. М., 1968.
- Максуди Арсал С.* Тюркская история и право. Казань, 2002.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
- Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников). М., 1968. Вып. 1; М., 1973. Вып. 2.
- Махмуд ал-Кайшгарй.* Дивāн Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов). М., 2010. Т. 1.
- Насилов А.Д.* Процессуальное право монголов в XVII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993. С. 35–40.
- Периц А.И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 320–355.
- Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1–2.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2.
- Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd. 2.
- Köktürk Ş.* Türk Destanlarında Hapsedilme Motifi // Türklük Bilimi Araştırmaları. 2016. Sayı XIX. S. 383–400.

- Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958. I–II. Buch.
- Rashīd al-Dīn Fazl-āllah Hamedānī*. Jāmī al-Tawārīkh. Tehrān, 1373. T. 1.
- Parker E.H.* The Early Turks – Part V (From the Old T'ang Shu, and the New T'ang Shu) // *The China Review*. 1901. Vol. 25, N 6. P. 265–271.
- Sperling E.* A Captivity in Ninth Century Tibet // *The Tibet Journal*. 1979. Vol. 4, N 4. P. 17–67.
- Zhou J.* The Chinese Correctional System and its Development // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 1991. Vol. 15, issue 1–2. P. 15–32.

В.С. Флёров

В ПОИСКАХ ХАЗАР НА ПОСЕЛЕНИЯХ И В КРЕПОСТЯХ

В ограниченных объемах публикации я могу дать только самое общее представление о вынесенной в заголовок проблеме, не делая в ряде случаев ссылки на литературу, не называя большинство археологических памятников, которые следовало бы называть. Внимательный читатель может задать вопрос: почему в заголовок не включены города? Ответ на него дает моя книга (Флёров 2011), в которой среди хазарских поселений городской статус предполагается лишь для Итиля (см. ниже о городище Самосделка – возможно, руинах Итиля).

Предлагаемый текст – лишь некоторые мои размышления, он не содержит строго завершённую разработку и адресован не только археологам, но и историкам, для которых методы археологии далеко не всегда понятны, как и используемая в ней аргументация.

Населявшие Хазарский каганат этносы принято определять не по особенностям культуры поселений и крепостей, а по погребальным сооружениям и обрядам. Для праболгар это грунтовые ямные могильники, для алан – катакомбные; этнос носителей обряда кремации пока дискуссионен, как и этнос погребённых по мусульманскому обряду. Список перечисленных давно известных в каганате типов погребальных сооружений и обрядов был дополнен в 60–70-е годы XX в. *погребениями в курганах с ровиками* (реже без них). Сразу возникло мнение, что и в них-то и погребены давно разыскиваемые хазары. Однако обратим

внимание на следующее. Хазары были «найжены» по методу исключения (sic!): *если не* праболгары, *не* аланы, *не* носители кремационных и мусульманских обрядов, *то* хазары.

В настоящее время большинство археологов полагают, что, поскольку курганы с ровиками концентрировались преимущественно в междуречье Нижнего Дона и его левого притока р. Сал и на близлежащих территориях, то это и есть территория расселения этнических хазар. Фактически это почти географический центр Хазарского каганата, маркируемый крепостями Правобережная Цимлянская, Семикаракорская и Саркел. Но эта же территория до прихода хазар на Дон и в Приазовье и позднее была обитаема праболгарами. Из-за совмещения территорий обоих этносов задача археологов состоит в выделении тех признаков каждого могильника, которые помогут более уверенно определять этнос погребенных в них. Параллельно такая же работа должна проводиться в отношении поселений и крепостей. Последняя неизмеримо сложнее.

Аргументом в пользу принадлежности погребений в курганах хазарам часто выставляется наличие в них импортных предметов и византийских солидов, которые рассматриваются как дары византийских императоров представителям знати господствующего этноса. Объяснение прямолинейное, подразумевающее, что праболгары под властью хазар были сведены до положения угнетенного, начисто лишенного политического веса и собственных интересов населения. Кстати, именно такими бесправными, лишенными вооружения поставщиками сельскохозяйственной продукции видит болгарское население Северского Донца К.И. Красильников.

С другой стороны, Империя не могла не быть заинтересованной в некоторой нестабильности внутри каганата. Почему же ее дары не могли присылаться и болгарской знати? Византия в равной степени не желала ни чрезмерного усиления каганата, ни ослабления – как потенциального союзника на Востоке. Наконец, нельзя исключать, что знать праболгар, как и хазарская, практиковала сооружение курганов, а рядовые хазары не погребались в ямных могильниках. Давно известны курганы с ровиками на Средней Волге.

С.А. Плетнёва отнеслась к «открытию хазар» довольно неопределенно. Весьма странным выглядит у нее наименование кухонного горшка «хазарским» (Плетнёва 1999. С. 198). Я, в отличие от большинства современных археологов-хазароведов, с осторожностью отношусь ко всему «хазарскому» в Хазарском каганате. Так, остается неизвестным, имели ли ниже-донские хазары поселения или оставались исключительно кочевниками? Другой вопрос: населяли ли хазары указанные выше крепости, если хотя бы часть из них стала оседлой? На заселение хазарами мог бы претендовать Саркел, основанный в 940/41 гг., когда подкуранный обряд исчезает, но могильник Саркела, который дал бы представление о его погребальных сооружениях и обрядах, не был обнаружен.

Нет доказательств пребывания хазар в более ранних, нежели Саркел, Правобережной Цимлянской и Семикаракорской крепостях. Такие доказательства могут появиться, но «могут» – не аргумент.

Непосредственно у северо-западного угла Семикаракорской крепости есть группа курганов, из которых самый большой (около 4 м) остался недоисследованным. В насыпи другого кургана погребения срубной культуры; прочие не раскапывались.

При найденных непосредственно в крепости останках убитых во время захвата крепости (кем?) в начале IX в. никаких вещей не оказалось. Наскоро присыпанные развалами сырцовых кирпичей, захороненные лежали вытянуто, но их ориентация была различна. Среди них преобладали женщины и дети. В культурном слое крепости, включая ее цитадель, не обнаружены материалы (керамика и др.), которые отличались бы от находимых на поселениях Нижнего Дона. Но следует помнить, что вскрытая в Семикаракорской крепости площадь очень невелика, а перспективы раскопок огромны.

Значительно сложнее ситуация с Правобережной Цимлянской крепостью. Имелся ли при ней грунтовый могильник, установить не удалось ни И.И. Ляпушкину, ни С.А. Плетнёвой, ни мне. В двух километрах к западу от крепости есть два кургана, по поверхности которых рассеяны обломки кирпичей саркелского типа. Без раскопок происхождение курганов и назначение

кирпичей останутся неизвестными. Но будет уместным напомнить, что на окраине г. Цимлянска, в десятке километров к югу, найден грунтовый могильник Красноярский I (Парусимов, Прокофьев 2005. С. 50–77). Разумеется, он не принадлежал населению Правобережной крепости, но показывает, что в ее округе встречаются грунтовые могильники.

Одна особенность Правобережной Цимлянской крепости не может не привлечь внимание – господство однообразных по конструкции юртообразных жилищ ее насельников. Этим она отличается от прочих крепостей и поселений хазарского времени в бассейне Дона-Северского Донца, в которых жильем служили полуземлянки. Преобладание юртообразных жилищ зафиксировано значительно южнее – на Кубани, на поселениях Каладжинское и Первомайское (Флёров, Каминский 1997. С. 87–98), единичные встречаются на других поселениях и в крепости Хумара, широко известной по раскопкам А.В. Гадлю и Х.Х. Биджиева, продолжаемых У.Ю. Кочкаровым.

Могут ли юртообразные жилища Правобережной Цимлянской каким-то образом свидетельствовать о том, что ее гарнизон состоял из хазар? Ответа нет. Не помогает и обращение к Саркелу, в котором единственным юртообразным сооружением была кузница.

Какое-то время после появления книги М.Г. Магомедова (Магомедов 1983) казалось, что памятники этнических хазар наконец-то найдены в Приморском Дагестане – регионе, судя по письменным источникам, самого раннего их расселения в Восточной Европе. Оказалось, это не так. На наиболее изученной территории салтово-маяцкой культуры (материальная культура каганата, существовавшая с конца VII по конец X в.) не найдено ничего, что хазары могли бы принести с собою из Дагестана и наоборот. В Дагестане нет никаких составляющих салтово-маяцкой культуры, а сама культура Приморского Дагестана не является вариантом салтово-маяцкой ни по одному признаку. *В Дагестане нет курганов с ровиками*, которые на Нижнем Дону приписываются исключительно хазарам.

Не менее примечательно, что в комплексе дагестанской керамики хазарского времени нет ни одной салтово-маяцкой фор-

мы, включая характерные для нее котлы с внутренними ушками. Неудивительно, что археологическая культура Дагестана называется культурой серой керамики, но никак не салтово-маяцкой.

Один из самых известных дагестанских раннесредневековых памятников городище – Чир-Юрт – М.Г. Магомедов идентифицировал с хазарским Беленджером, однако городище почти не исследовано. В грунтовом могильнике городища преобладали катакомбы, но встречались и простые ямы, и ямы с подбоями. Н.Д. Путинцева убедительно датировала могильник V – первой половиной VII в. В культуре оставившего его населения она видела местные корни, с чем нельзя не согласиться (Путинцева 1961. С. 263).

На мой взгляд, наступило время полного пересмотра культуры и хронологии многих городищ предгорного и плоскостного Дагестана, представленных в книге М.Г. Магомедова.

Вопрос о хазарах на Нижнем Дону не может рассматриваться без обращения к ниже-волжскому городищу Самосделка. Существует весомый аргумент в пользу того, что нижний слой Самосделского городища содержит остатки Итиля. Суть аргумента состоит в том, что большинство из многочисленных обожженных кирпичей Самосделки имеют одинаковые размеры с большинством кирпичей Семикаракорской крепости и Саркела, в среднем 25х25х5 см. Существенное различие состоит в том, что донские кирпичи имеют разнообразные знаки. Последних совершенно нет на самосделских кирпичах, что требует объяснения, предложить которое я не могу. Возникает и более сложный вопрос: не принесено ли производство кирпичей указанного размера с Дона на Нижнюю Волгу, а не в обратном направлении. В перспективе же возникает проблема доверия к сообщению Петроны Каматира о том, что именно он первым начал производство кирпичей на Дону.

С Правобережной Цимлянской крепостью, в меньшей степени с поселениями Прикубанья и Хумарой, городище Самосделка связано по признаку «юртообразных жилищ». Но следует учитывать, что такие же постройки наверняка сооружали и праболгары. Они встречаются на территории Первого Болгарского царства на Нижнем Дунае, где имеют некоторые особенности.

Литература

- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Парусимов И.Н., Прокофьев Р.В.* Салтовский грунтовый могильник у г. Цимлянска // Труды Научно-исследовательского бюро. Ростов-нД, 2005. Т. 3.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Путинцева Н.Д.* Верхнечирюртовский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. 2.
- Флёров В.С., Каминский В.Н.* Прикубанский регион раннесредневековых юртообразных жилищ // РА. 1997. № 1.
- Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.

Р.П. Храпачевский

МЕСТО И РОЛЬ АЛТАЙСКОГО ГОРОДА ЧИНКАЙ В ДЕРЖАВЕ ЧИНГИСХАНА

Феномен возникновения городов в кочевом государстве Чингисхана всегда привлекал внимание исследователей. Часто данная проблематика связывается с общим вопросом возникновения городов в различных «кочевых империях» Центральной Азии и их роли в кочевых государствах (Кызласов 2006). Обычно рассмотрение историй возникновения таких городов связано с необходимостью интерпретировать материалы археологических раскопок. Намного реже исследователи обращаются к изучению письменных источников по истории конкретных городов державы Чингисхана, что связано с недостаточным доступом к соответствующим документам, написанным на китайском языке.

В данной работе использованы тексты юаньского литератора, историка, члена академии Ханьлинь и крупного администратора Сюй Ю-жэня (1287–1346), в которых есть дополнительные сведения по истории возникновения города Чинкай, созданного по приказу Чингисхана. В качестве дополнения к ним использованы сообщения из династийной истории «Юань ши» (1370 г.) и из сочинения «Си ю цзи» (1228 г.).

Город Чинкай упоминается в монгольских и юаньских источниках даже раньше, чем столица Каракорум. Так, в преамбуле декрета юаньского императора Тогон-Тэмур от 1342 г. сообщается, что «на 15-м году правления “Священно-воинственного императора” Тай-цзу [т.е. Чингисхана – Р. Х.], в год, приходящийся на [циклические знаки] гэн-чэнь [1220 г.], была установлена столица в Каракоруме» (Сюй Ю-жэнь Декрет. С. 320). А приказ Чингисхана о постройке города Чинкай датируется 1212 г. Это самое раннее упоминание о постройке монголами города при Чингисхане.

Сами монголы называли этот город «Чинкай балгасун» (в вышеуказанных китайских текстах он называется по-китайски «Чжэньхай чэн» или «Чэнхай чэн»; «чэн» – это «город» по-китайски), поскольку он был назван по имени монгольского сановника кэрэита Чинкая (1164–21.09.1247), бывшего у Чингисхана сначала на должности *чэрби* (стольника), а позже – *битикчи* (соответствует дьяку в русском государстве), *яргучи* (судья) и старшего канцлера (уже при Угэдэе). Это нам известно из сочинения «Си ю цзи», где рассказывается о путешествии даосского наставника Чанчуня, в 1221 г. проехавшего южнее города Чинкай: «на севере этих снежных гор стоит *балгасун* Тянь [Тянь это китайская фамилия Чинкай – Р.Х.] Чжэньхай; *балгасун* по нашему значит “город”; в нем есть хлебные магазины» (Си ю цзи. С. 140; касательно присвоенной Чинкаю китайской фамилии Тянь см.: Ван Го-вэй. С. 3а; Сюй Ю-жэнь Кэрэит. С. 482). Сведения источников о назначении данного города относительно подробны и часто используются в литературе (Мункуев 1965. С. 107, 125). Однако полные их переводы обычно не приводятся, поэтому необходимо привести соответствующие места из текстов. Согласно жизнеописанию Чинкай в «Юань ши» в цз. 120, «в год жэнь-шэнь [1212 г.]... [так как Чинкай] участвовал в нападениях на страны татар, кипчаков, тангутов, [людей из войск] дую, киданей, чжурчжэней и Хэси, 10 000 тех рабов, кого пленил [при этих нападениях], всех их он преподнес государю. [А тот] пожаловал ими [Чинкай] для использования на государственных работах по [производству] одежды, различных орудий, серебра и прочих вещей, приказав сделать военное поселение (*тунь-*

тянь) в Алухуань и поставить город Чинкай, чтобы гарнизон охранял его [т.е. это военное поселение]» (Юань ши. С. 2964). Тут следует пояснить, что военными поселениями у монголов и при Юань были не только чисто «военные» поселения (основным назначением которых было содержать именно войска с помощью собственных сельскохозяйственных работ), но и поселения, жители которых трудились на государственных работах по производству чего-либо (военного снаряжения, конской упряжи, одежды, украшений и утвари для двора хана и т.п.), при этом часть их населения работала как крестьяне, чтобы обеспечивать остальных работников пропитанием – они также назвались «военными поселениями», но имели подчинение не военному ведомству (*бинбу*), а прочим учреждениям (дворцовому ведомству, ведомству учета населения и доходов и др.). Чанчунь также отметил, что среди жителей «Чинкай балгасун» было много китайцев, трудившихся в нем на различных работах (Си ю цзи. С. 140–141). Таким образом, назначение и цели постройки этого города вполне исчерпывающе объясняются из приведенных цитат.

Значительно сложнее обстоит дело с определением точного места города Чинкая. Местонахождение города до сих пор точно не известно, а название местности, в котором его основали, имеется в двух основных вариантах – в тексте эпитафии Чинкая (написана Сюй Ю-жэнем в 1330-х годах, см.: Сюй Ю-жэнь Кэрэит) и в его жизнеописании в цз. 120 «Юань ши». В этой эпитафии сказано: «получил от императора повеление – в Пиулиянхуань сделать военное поселение (*туньтянь*) и еще город при нем. Поэтому назвали эту местность “Чжэньхай” по имени господина [т.е. Чинкая]. Также произносят и как “Чэнхай”» (Сюй Ю-жэнь Кэрэит. С. 482). Иными словами, в тексте эпитафии город Чинкая указан в местности, название которой затранскрибировано как 闐兀里羊歡 Пи-у-ли-ян-хуань, что, вероятно, передает монгольские слова «Бий-Ула Ангон» (монг. «существующая подошва горы Ангон»). Как выше сказано в цитате из жизнеописании Чинкая в «Юань ши», эта же местность назвалась 阿魯歡 А-лу-хуань, т.е. Аргон / Аргун. Это название коррелирует со вторым формантом вышеприведенного топонима из эпи-

тафии, написанной Сюй Ю-жэнем – Ангон / Алгон (в XIII–XIV вв. в китайских транскрипциях монгольских слов их срединные звуки «н» и «л» часто не различались и поэтому для их транскрибирования использовались или иероглифы с финалями, заканчивающимися на ng/n, или иероглифы, начинающиеся на l-). Привлечение сведений даоса Чанчуня, который побывал у Чинкая в его городе в 1221/22 г., дает еще один ориентир – гора Абухань, около которой и было военное поселение Чинкая (Си ю цзи. С. 141). Авторы свода китайских источников XIII–XVIII вв. о географии монгольских кочевий «Мэнгу юму цзи» («Записки о монгольских кочевьях»), которое было в основном закончено в 1849 г., прокомментировано и дополнено в 1850-х годах, утверждают, что Абухань – «это нынешняя гора Ацзиргань» (Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 439), которая находится в области Кобдо (совр. аймак Ховд в Монголии). К сожалению, отсутствует отождествление горы Ацзиргань из цинских карт XIX в. с данными современной топонимики. Поэтому в китайской литературе высказываются различные предположения о ее локализации. Наиболее удачную версию о местонахождении «Чинкай балгасун» высказал Ван Го-вэй. Он помещает «гору Алухуань», монгольское название которой он тоже считает звучавшим как «Аргун», в районе Улясутая (Мункуев 1965. С. 140). Но упоминание им Улясутая – это скорее всего недоразумение, связанное с тем, что согласно разделу «Военные поселения» в трактате «Войска» в цз. 100 «Юань ши», военное поселение при городе Чинкай относилось к ведению передвижного имперского секретариата Линбэй (он контролировал коренные монгольские земли – от Алтая, включая Монгольский Алтай, на западе, до Маньчжурии на востоке). Дело в том, что в приведенной в этом разделе «Юань ши» хронологии подкреплений в «военное поселение Чинкай» говорится, что данные подкрепления брались в основном из других военных поселений, что были в районе Улясутая (он находится восточнее Кобдо и был в глубине владений Юань в коренной Монголии). Также там приводятся сообщения об административных преобразованиях в «Чинкай балгасун» – было проведено нескольких расформирований и обратных восстановлений военного поселения в городе Чинкай, которые в

целом совпадают с периодами обострений и, наоборот, замиренных с ханом Хайду, атаковавшим западные и северо-западные границы Юань в конце XIII – начале XIV в. (Юань ши. С. 2526–2527). Отсюда комментаторы «Мэнгу юму цзи» делают вывод, что «Чинкай балгасун» находился прямо на границе с владениями Хайду и был объектом его пограничных рейдов (Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 440). В целом можно заключить, что наиболее вероятное нахождение «Чинкай балгасун» было в той части Монгольского Алтая, что находится в аймаке Ховд современной Монголии, и рядом с горой, древнее название которой было «Аргун».

Литература

- Ван Го-вэй – 王國維 黑鞬事略箋證// 海寧王靜安先生遺書 第37冊, 長沙 1940 (*Ван Го-вэй. Исследование и комментарий к „Кратким сведениям о черных татарах“ // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина. Чанша, 1940. Т. 37*).
- Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии». М., 2006.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах». М., 1965.
- Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
- Си ю цзи – *Палладий (Кафаров) арх.* Си ю цзи или Описание путешествия на Запад // Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине. Пекин, 1910. Т. 4.
- Сюй Ю-жэнь Декрет – 許有壬, 勅賜興元閣碑, 全元文 第38冊, 南京: 鳳凰出版社, 2004 (*Сюй Ю-жэнь. Декрет о пожаловании стелы храму Синъюаньгэ // Цюань Юань вэнь. Полное собрание литературных текстов Юань. Нанкин, 2004. Т. 38*).
- Сюй Ю-жэнь Кэрэит – 許有壬, 元故右丞相怯烈公神道碑銘, 全元文 第38冊, 南京: 鳳凰出版社, 2004 (*Сюй Ю-жэнь. Эпитафия для стелы на пути духа господина кэрэита, бывшего старшего канцлера Юань // Цюань Юань вэнь. Полное собрание литературных текстов Юань. Нанкин, 2004. Т. 38*).
- Юань ши – 元史 (Юань ши. Пекин, 1997).

ИСТОРИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ВОЛИН В СВЕТЕ СООБЩЕНИЙ САКСОНА ГРАММАТИКА

Волин, известный в источниках под разными названиями (Юмне, Юмнета, Винета, Юлин, Йомсборг. – Saga о йомсвикингах. 2018. С. 282–286; Udolph 2014; Petrulevich 2009) – крупный раннесредневековый торгово-ремесленный центр, расположенный в землях южнобалтийских славян на одноименном острове в устье р. Одер на берегу пролива Дзивна, отделяющего остров от материковой части. Одним из важнейших нарративных источников по истории Волина является произведение датского историка Саксона Грамматика «Деяния данов» (начало XIII в.). Особый интерес представляют сообщения о Волине (Юлин в словоупотреблении датского автора) в X книге «Деяний Данов» (соответствует периоду с середины X по конец XI в.), которые теснейшим образом связаны с известным по более поздней древнеисландской литературе преданием о воинском братстве йомсвикингов и крепости Йомсборг.

Основание воинского братства в Юлине Саксон связывает с деятельностью датского короля Харальда Синезубого: «Харальд, взяв Склавию оружием, в Юлине, славнейшей крепости той провинции, созвал гарнизон воинов» и поставил в его главе бежавшего из Швеции отпрыска шведского королевского рода Стюрбьёрна (Сахо Х.2.1). Следующий сюжет, связанный с Юлином, описывает известную по саговой традиции битву при Хьёрунгаваге (ок. 986 г. ?). Харальд Синезубый для подавления мятежа норвежского правителя Хаквина (хладирский ярл Хакон), отказавшегося платить датчанам дань, направил против «норвежского юношества» «юлинское пиратство» во главе с Бо и Сивальдом. Но Хаквин с помощью сверхъестественных сил одержал победу над пиратами из Юлина (Сахо Х.4.1–4.6). Впоследствии Юлин сыграл важную роль в борьбе короля Харальда со своим сыном Свеном Виллобродым. Побежденный последним в Дании, Харальд бежит в «вернейшее лоно своего войска – Юлин, наполненный датскими ратниками». Затем, собрав «смешанные силы данов и склавов», он

вступает в битву со своим сыном у побережья Хельгенес (близ современного Орхуса на Ютландии). Вечером, уже после того, как сражение завершилось, так и не выявив победителя, Харальд был смертельно ранен стрелой и затем доставлен обратно в Юлин, где вскоре скончался (Сахо X.8.1–X.8.4). После смерти отца Свен Виллоробродый был трижды пленен «жителями города Юлин», совершавшими пиратский набег на Данию. «Но любовь к родине среди перебежчиков была так сильна, что, поскольку они понимали, что королевский род данов сведен к единственному сыну Харальда, они посчитали необходимым беречь его жизнь, чтобы всё не перешло к чужакам. По этой причине, жаждая его богатства, а не кончины, они предпочли, чтобы их нужда утешилась имуществом, а не кровью» (Сахо X.9.1–X.9.6). На этом сюжеты, связанные с известной по другим источникам легендой о братстве йомсвикингов, в произведении Саксона Грамматика заканчиваются.

Мы видим, что специального термина для обозначения йомсвикингов у Саксона нет, он называет их «гарнизонем воинов», «жителями города Юлин», «данами», «варварами», «пиратами», «пиратством», «юлинским пиратством», «перебежчиками». Во всех этих обозначениях есть некая амбивалентность, затрудняющая четкое определение этнокультурной составляющей «юлинского пиратства» у Саксона – кто они, датчане или славяне? С одной стороны, жители Юлина – это доблестные датчане-пираты (некоторые из них известны под скандинавскими именами), состоящие на службе у Харальда Синезубого и после его смерти ставшие «перебежчиками». С другой стороны, те же юлинцы иногда называются «варварами», то есть славянами, а сам город – «известнейшим городом Склавии». Впоследствии подобная датско-славянская двойственность в описании йомсвикингов будет характерна и для саговой литературы, которая будет смешивать датскую и славянскую (вендскую) составляющую йомсвикингов. Тем самым, скандинавские авторы, в том числе и Саксон Грамматик, представляли себе Йомсборг (Юлин) межкультурным центром, расположенным на пересечении славянского и скандинавского миров, что позволяло им называть обитателей этого города и скандинавами, и вендами (склавами).

Судя по сообщениям Саксона, Харальд является основателем не крепости или города, а именно воинской организации, базировавшейся в Юлине. Таким образом, рассказ Саксона Грамматика об основании Харальдом Синезубым в Юлине воинского братства и о его деяниях, по всей видимости, отражает реальную ситуацию, сложившуюся в торгово-ремесленном центре Волин в последней четверти X в. – середине XI в., когда в городе существовал и культурно доминировал скандинавский (датский?) анклав (Morawiec 2009; 2010; 2014; Duczko 2014).

О разрушении Магнусом Добрым Волина в середине XI в. Саксон Грамматик не упоминает. После рассказа о пленении Свена Вилобородого следующее сообщение о городе встречается лишь в XII книге (конец XI – начало XII в.). Здесь Юлин по-прежнему выступает в качестве «надежнейшего убежища для беглых данов» (Saxo XII.4.1–XII.4.2). В следующий раз Саксон упоминает Юлин в XIII книге, но этот город уже не имеет двойственной датско-славянской природы, а находится в подчинении «короля Склавии» Вартисклава и населен «склавами». В XIV–XVI книгах Юлин упоминается часто, но как исключительно славянский город и одна из целей походов датских королей Вальдемара I и Кнуда VI (вторая половина XII в.).

Литература

- Сага о йомсвикингах. М.; СПб., 2018.
- Duczko W. Viking-Age Wolin (Wollin) in the Norse Context of the Southern Coast of the Baltic Sea // Scripta Islandica: Isländska Sällskapets Årsbok. 2014. № 65. P. 143–152.
- Morawiec J. Vikings among the Slavs: Jomsborg and the Jomsvikings in Old Norse Tradition. Wien, 2009.
- Morawiec J. Wolin w średniowiecznej tradycji skandynawskiej. Kraków, 2010.
- Morawiec J. Danish Kings and the Foundation of Jómsborg // Scripta Islandica: Isländska Sällskapets Årsbok. 2014. № 65. P. 125–142.
- Petrulevich A. On the etymology of at Jóni, Jumne and Jómsborg // Namn och bygd. 2009. Vol. 97. P. 65–97.
- Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen; transl. P. Fisher. Oxford, 2015.
- Udolph J. On the Etymology of Jómsborg // Scripta Islandica: Isländska Sällskapets Årsbok. 2014. № 65. P. 183–210.

**DEVELOPMENT OF MEDIEVAL CITIES
IN THE BALKAN PENINSULA UNTIL THE END
OF THE 13TH CENTURY**

In pre-Roman time the Balkan Peninsula was settled by a number of tribes with different levels of social development. These prehistoric tribes didn't know the urban way of life. Greek colonization mainly influenced the cultural development of communities that occupied the Adriatic coast. The Romans founded cities along the major roads and divided the Balkans into provinces (Cvijanović 2004. P. 2–22, 108–110). The process of romanization was very slow. After a period of blooming from the middle of the 2nd to the beginning of the 3rd century A.D., Roman forms of city autonomy started to gradually disappear. In the 4th and 5th centuries A.D. owners of large estates withdrew from overpopulated towns to their *villa rustica* and fortified palaces in their latifundias. During the Migration Age suburbs grew as they received refugees from the countryside. Contrary to urbanization process, there appeared a new tendency for ruralization. After the adoption of Christianity, new city quarters became centers of Christian cult. The Barbarian invasion led to a break in the development of urban life of Roman type. In Justinian's period (527–565) many towns were restored but they had another character.

At the time of Emperor Heraklios (610–641) the Byzantine Empire was practically in ruins, and could not defend its territory. The Balkans were temporarily abandoned, and by the second decade of the 7th century they had been overrun by the Slavs and the Avars. Several Slavic tribes reached Peloponnesus and inhabited the Balkan Peninsula permanently (Живковић 2002. P. 43–117). The Arabs appeared as a major new power in the Mediterranean. Following the trade routes Arabic geographers and historians reached the Balkan Peninsula, and left valuable records about towns and areas (Цвијановић 2009. P. 229–238). Ibn Rusta preserved a particularly beautiful description of Constantinople, as well as of a route to Thessaloniki and the Adriatic coast written by Harun ibn Jahja (Цвијановић 2007. P. 31–43; Ibn Rusta 1968. P. 119–132). Many

cities on the Balkans were ruined, while the main centers with more than 50 000 inhabitants, Constantinople and Thessaloniki, barely survived major sieges (Ćurčić 2010. P. 49–262). The prevalent form of building activity in the Balkans during the 7th and 8th centuries would seem to have been confined to rebuilding and adaptive work. Various aspects of urban survival have recently attracted the attention of historians and archaeologists. While a new understanding of cities during the 7th and 8th centuries is being formulated, the influence of countryside and ruralization of society are now recognized as factors that changed urban landscape.

After that period of great migrations and ethnic changes new urban centers were founded, and church organization developed (Живковић 2004. P. 85–194). During the 9th and the 10th centuries new states appeared on the Balkan Peninsula: in Bulgaria, Croatia, and Serbian lands (Raška or Serbia, Pagania, Doclea, Travounia, Zachloulmilia, Conavla). Those states cooperated with the Byzantine Empire. Some urban centers were renewed in this period, and many new cities started to emerge. Natural-geographic and political-strategic conditions influenced the process of urbanization, and so did the factor of discontinuity or continuity of antique cities and cult places. During the period from the 11th to the middle of the 13th century major changes in the political and cultural life of the Balkans occurred. The region was under control of the Byzantium again. Mining contributed to the development of new towns. The growth of population also affected the process. Belgrade and Braničevo were the main fortresses on the Danube frontier of the Byzantine Empire, and they were rebuilt on the locations of older, abandoned antique settlements. Episcopal seats of those two cities were renewed at the places of former antique temples.

During the Crusades, famous Arabic geographer Al-Idrisi wrote his book at the court of King Rogere II of Sicily and listed all the main routes and cities of the Balkans (Al-Idrisi 1989. P. 769, 792–795, 887). One route of the crusaders went along the eastern coast of the Adriatic Sea, and another through the mouth of Sava into Danube near Belgrade, where the army crossed the river; then the troops landed in Braničevo to continue their journey to the Holy Land.

References

- Живковић Т.* Јужни Словени под византисјком влашћу (600–1025). Београд, 2002.
- Живковић Т.* Црквена организација у српским земљама (рани средњи век). Београд, 2004.
- Џвијановић И.* Путопис Харун ибн Јахје // Историјски часопис. Београд, 2007. Т. 55.
- Џвијановић И.* Арапски писани извори о трговачким путевима и градовима у словенским земљама од IX до XII века // Архаика. 2/2008. Филозофски факултет. Београд, 2009.
- Al-Idrīsī.* Kitāb nuzhat al-mushtāq fī ikhtirāq al-āfāq. Dar Al-Kotob Al-ilmiyah. Beirut, 1989.
- Ćurčić S.* Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (c. 300 – ca. 1550). New Haven; L., 2010.
- Џвијановић И.* Urbanizacija u rimskim provincijama na tlu Srbije i Crne Gore (neobjavljen magistarski rad). Београд, 2004.
- Ibn Rusta.* Kitāb al-a‘lāq al-naḥṣa // BGA VII / Ed. M.J. De Goeje. Brill; Leiden, 1968.

В.Н. Чхаидзе

ТОРЧЕСК – ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР ДРЕВНЕРУССКОГО ПОРОСЬЯ

Территория Поросья, ограниченная с севера р. Стугной, а с юга р. Росью, была заселена еще восточными славянами, но с усилением натиска печенегов во второй половине X в. эта область опустела. Жизнь здесь возобновилась лишь к середине XI в., когда в целях защиты от кочевников стала возводиться линия оборонительных укреплений, одним из которых стал Торческ (Торць, Торцьскъ). Он располагался в южной части Перепетова поля, где кочевали «свои поганые» – торческие племена, к середине XII в. вошедшие в союз черных клобуков – конфедератов Киевского княжества.

Торческ впервые упомянут в «Поучении Владимира Мономаха», в рассказе о событиях 1086–1087 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249). Под 1096 г. упоминается в связи с приходом под его стены половцев (Там же. Стб. 218). В 1161 г. в городе был учре-

жден княжеский стол, который киевские князья давали в кормление. В 1232 г. со всем Поросьем Торческ вошел в состав Галицкого княжества. Во время монгольского нашествия союз черных клобуков был уничтожен, Торческ разрушен и больше не восстанавливался (Кучера 1976. С. 191–193; Михайлова 2010. С. 139–144).

Торческ локализован на месте городища Шарки, в 38 км к юго-востоку от г. Белая Церковь (летописный Юрьев), на высоком правом берегу р. Гороховатка (приток р. Рось). Городище занимает более 93 га и состоит из двух полукруглых в плане укреплений, расположенных на отдалении друг от друга, соединенных с напольной стороны валом длиной 1400 м. Северо-восточное укрепление (280×180 м) окружено валами, внутри находится детинец с четырьмя выступами башенного типа у въезда. Юго-западное укрепление также защищено рвами и валами. Между укреплениями расположен широкий пандус въезда. Памятник однослойный, укрепленный эскарпами, с двурядно-концентрической структурой планировки, что считается характерным признаком замков-убежищ черных клобуков (Моргунов 2009. С. 176–178). Вероятно, город возник на месте скифского городища.

Раскопки памятника производились в 1901, 1966 и 1990–1994 гг. Открытый культурный слой относится ко второй половине XI – первой трети XIII в. (Хвойко 1905. С. 99–101; Рыбаков 1967. С. 243–245; Иванченко 1993. С. 57; Душин 1995. С. 82–83).

Внутри кольцевого вала детинца открыты остатки 4 жилищ (4,5–3×3 м, ориентированы по линии ЮЗ–СВ) с квадратными печами и округлыми очагами. Возле въезда на городище, между двух укреплений, раскопаны 12 разрушенных землянок, обмазанных глиной, – в каждой находилась печь или очаг. Подобные землянки открыты в южной части городища, за валом. Рядом выявлены ямы для хранения зерна. Там же обнаружены остатки мастерских и кузниц, а при разрезах валов на детинце – глинобитная печь.

Находки представлены тарной, столовой и кухонной керамикой, византийской поливной посудой, замками и ключами, крестьями, пряжками, стеклянными браслетами, кресалами, но-

жами, гвоздями, стрелами и пр. Отмечено большое количество костей животных.

В центре детинца обнаружено кладбище XI–XIII вв. Открыто 17 могил, в т.ч. перекрывавшие друг друга. Одно детское погребение совершено в колоде. Погребенные уложены на спине, головой на запад. Инвентарь: бусы, височные кольца, пуговицы, ножи. Исследовавший кладбище Б.А. Рыбаков посчитал погребенных полянами, а на основании обнаружения майоликовых плиток и части бронзового хороса предположил, что поблизости располагалась деревянная (?) церковь.

В северной, прибрежной части городища открыт еще один могильник, в котором погребения располагались в 2–3 ряда в 2 яруса. Захоронения представлены ингумациями (погребенные уложены головой на запад) и кремациями (кости лежат посреди кострищ, погребенные уложены головой на запад). Инвентарь: украшения, бусы, ножи, остатки парчовых поясов.

За валом, вдоль его юго-западной части, в XIX в. раскопаны погребения под небольшой насыпью (кочевнические).

Материалы раскопок дают основание относить Торческ к числу крупных городских центров Поросья, наряду с Каневым и Юрьевым – предполагаемой столицей славянского Поросья (дискуссию о главенстве городов см.: Михайлова 2010. С. 148–149). Функции административного центра Торческ выполнял, видимо, после 1161 г. – здесь находилась резиденция князей. На памятнике обнаружены древнерусские печати (Булгакова 2003. С. 155–156). У Торческа существовала своя округа – близ города находились сельские поселения с большим количеством жителей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429; Т. 2. Стб. 605).

Важнейшее значение Торческа определяло его нахождение в системе Поросской 200-километровой оборонительной линии XI–XIII вв., в которую входили еще 27 городищ-укреплений (Кучера, Иванченко 1987. С. 68–78; Иванченко 2005. С. 193–197; Квитницкий 2007. С. 21–34; Моргунов 2016. С. 204). Эти городища (Пилява, Тростянец, Чеплиевка и др.), гораздо меньшие по размерам, схожи с Торческом наличием двух укрепленных площадок, многорядностью оборонительных линий, многоярусно-

стью эскапирования склонов (Кучера, Иванченко 1998. С. 100–103; Моргунов 2009. С. 181–184).

Немаловажную функцию Торческ выполнял в качестве центра объединения черных клобуков Поросья (торков и берендеев), основная масса которых по-прежнему кочевала, а в случае опасности скрывала в крепостях свои семьи и имущество. Так, обширная внутренняя часть Торческа, обнесенная валом, при нападении наверняка использовалась как загон для скота (Рыбаков 1967. С. 243). Помимо Поросья, торки проживали на восточной границе Переяславщины (турпеи и каепичи на левобережье Трубежа) и в южных приделах Черниговщины (ковуи в верховьях Суллы: Коваленко, Ситий 2004. С. 123–135; Колибенко, Колибенко 2006. С. 111–115; Моргунов 2016. С. 308–318).

По мнению Б.А. Рыбакова, детинец Торческа являлся «русским кварталом этого берендейского города» (Рыбаков 1967. С. 244). Однако это весьма распространенное представление о делении городов на этнические кварталы в случае Торческа археологически не подтверждается. Основное автохтонное население Поросья представляли выходцы из различных славянских земель, захоронения которых совершены по христианскому обряду (Моця 1994. С. 37–39). Могильники этнически пестрых кочевников, хоронивших умерших на спине, головой на запад, свидетельствуют о постепенном оседании на землю и поглощении их местной этнической средой (Плетнёва 1973. С. 20–28; Моця, Покас 1998. С. 62–71; Квитницкий и др. 2004. С. 151). Кочевники Торческа хоронили покойников-язычников около городища, но принявшие христианство могли быть погребены вместе со славянским населением (Моця 1987. С. 122–123).

Население Торческа, как и всего Поросья, в XII–XIII вв. было полиэтничным, что подтверждают и антропологические материалы (Моця 1979. С. 27–36; Орлов и др. 1985. С. 56–60). Несмотря на постоянное воздействие Степи, совместное с оседлым населением проживание на одной территории, фактор внешней опасности в лице половцев, распространение христианства (в Юрьеве находилась резиденция епископа: Толочко 1999. С. 95–96) способствовали оседанию кочевников и восприятию ими

культури Древнерусского государства. Их окончательной ассимиляции помешало монголо-татарское нашествие.

Таким образом, Торческ, возникнув для выполнения функций пограничной крепости в созданной Киевом системе аналогичных укреплений и выступая в роли оборонительного пункта, постепенно перерос в полиэтнический городской центр, ставший крупнейшим в Поросском регионе.

Литература

- Булгакова В.И. Древнерусские печати XI–XIII вв. из Торческа // Одиннадцатая Всерос. нумизматическая конф. СПб., 2003. С. 155–156.
- Душин А.В. Нові дослідження літописного Торчеська // Древние культуры и цивилизации Восточной Европы. Одесса, 1995. С. 81–83.
- Іванченко Л.І. Торческ у світлі нових досліджень // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоковсова. Чернівці, 1993. С. 56–57.
- Іванченко Л.І. Пороська оборонна лінія Південної Русі // Нариси з воєнної історії Давньої України. Київ, 2005. С. 193–198.
- Квітницький М.В. Пороська захисна лінія: етапи формування та розвитку (у світі писемних та археологічних джерел) // Місце і значення Поросся в історії України (IX–XVII ст.). Корсунь-Шевченківський, 2007. С. 17–50.
- Квітницький М.В., Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Погребения кочевой знати в могильнике Малополовецкое 3 // Археологічні відкриття в Україні. 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 145–152.
- Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Свої погани» Чернігівських князів // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 121–138.
- Колибенко О., Колибенко О. «Свої погани» Переяславщини (до проблеми локалізації місць поселень переяславських торків) // Слов'янські обрії. Київ, 2006. Вип. 1. С. 111–117.
- Кучера М.П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слав'яноруської археології. Київ, 1976. С. 176–197.
- Кучера М.П., Іванченко Л.І. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. Київ, 1987. № 59. С. 67–79.
- Кучера М.П., Іванченко Л.І. Особливості городищ Чорних Клобуків Поросся // Археологія. Київ, 1998. № 2. С. 100–104.
- Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб., 2010.
- Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009.

- Моргунов Ю.Ю.* Торческоє расселение Переяславской земли // Степи Восточной Европы в средние века. Сб. памяти С.А. Плетнёвой. М., 2016. С. 304–326.
- Моця О.П.* Населення Поросся давньоруського часу за даними некрополів // Археологія. Київ, 1979. № 30. С. 27–36.
- Моця О.П.* Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987.
- Моця О.П.* Етнічний склад населення Поросся в XI–XIII ст. // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Біла Церква, 1994. С. 37–39.
- Моця О.П., Покас П.М.* Яблуновські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення // Археологія. Київ, 1998. № 2. С. 62–72.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.* Исследования летописного Юрьева и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985. С. 30–62.
- Плетнёва С.А.* Древности черных клобуков. М., 1973. (Свод археологических источников; Вып. Е1-19).
- Рыбаков Б.А.* Торческ – город черных клобуков // Археологические отчеты 1966 года. М., 1967. С. 243–245.
- Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Хвойко В.В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1. С. 93–105.

Е.А. Шинаков

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО БРЯНСКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ*

Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин развернуто обосновали особое значение процесса появления раннефеодальных центров в становлении государственности в Северной Европе и Руси. Предгородские центры от полноценных городов этапа ранней государственности отличаются монофункциональностью. А.В. Куза вывел формулу древнерусского города как социально-экономического, политического и культурного феномена, выделив его археологические признаки и принципиальные отличия от иных типов укрепленных поселений Руси. Большую роль в

конкретно-археологическом изучении феномена древнерусского города сыграла созданная им в 1979 г. Новгород-Северская экспедиция. Проведенные ее Брянским отрядом раскопки под руководством Е.А. Шинакова стали началом многолетних системных исследований укрепленных поселений разных типов в Брянской области. В 2010-х годах работы по изучению укрепленных поселений Брянского Подесенья активизировались, что дает возможность в очередной раз подвести некоторые итоги. В данной работе будут рассмотрены итоги изучения *Брянской городской агломерации* древнерусского времени.

Древнерусский Брянск и его волость занимали центральную и южную часть Брянского ополья: за Десной к востоку лежала граница с землей вятичей, к северу — с волостью Облов. На межплеменных пограничьях могли располагаться открытые торгово-ремесленные поселения и погосты — пункты окняжения присоединенных к Руси земель. От Брянска открывались два пути на северо-восток в Залесскую землю через землю вятичей: по Болве и Снежети. Геополитически Брянск находился на стыке южной и северной частей Руси. Через него пролегал и единственно возможный путь из Смоленска в юго-восточную Русь и в Степь. Ополье было плодородно и к XII в. плотно заселено, что предопределило возникновение торгово-ремесленного и административного центра (Ахромеев 1988; Шинаков 2012). В этнокультурном плане Брянское ополье — контактная зона северянских, радимичских и вятичских культурных влияний, здесь есть и захоронения по общерусскому обряду. Странно выглядят пятнадцатикилометровые незаселенные участки вдоль Десны к югу от Брянской агломерации (от Супонева до Лопуши) и к западу от Хотылева до Овстуга, тяготеющего к Вщижу. Их можно объяснить спецификой землепользования и тем, что на расстоянии дня пути от города поселения перенесены от Десны на притоки — Гасому на западе, Рудку и Волосовку на юге. Не исключено, что это — пограничья с волостями Вщижа и Трубеча. Итак, по хозяйственным и политическим причинам середина Брянского ополья была «обречена» породить городской организм.

Сопоставление теории с конкретными археологическими данными дало несколько гипотез возникновения Брянска. Вопрос соотношения летописного Дебрянска с неким археологическим памятником изначально не стоял, ибо его средневековые деревянные стены были снесены лишь при Екатерине II.

Иной взгляд породило желание краеведов удревнить историю Брянска, связав его появление со строительством городов Владимиром на южной границе Руси. Раскопки, проведенные на Покровской горе Т.В. Равдиной, отвергли эти предположения (Равдина 1973), что и заставило брянского археолога Ф.М. Заверняева обратиться к Чашину Кургану. Его раскопки на Верхнем селище у городища в 1976–1979 гг. послужили основанием для заключения за подписью академика Б.А. Рыбакова: «Есть все основания полагать, что древний Брянск был основан в 80-е годы X в. После 1147 г. центр города с поселения «Чашин курган» переместился на Покровскую гору...» (Справка 1986). Однако раскопок на городище и исследований укреплений не было, а ведь укрепления – важнейший внешний признак средневекового города. Полукольцевые городища, к которым относится Чашин Курган, на Руси датируются не ранее конца XI в. Лакуну частично ликвидировали раскопки 1986–1987 гг. на городище, сопровождавшиеся разрезом вала. Результаты изложены в краткой заметке Г.П. Полякова, где говорится об отсутствии на городище слоев ранее начала XII в. и наличии синхронной керамики под подошвой вала. Постулировалось наличие распаханного вала окольного града шириной 25 и высотой до 1,5 м (Поляков 1988), что сильно увеличивало площадь укрепленной части, превращая поселение в город. К сожалению, материалы раскопок 1986–1987 гг. не введены в оборот, чертежи и фото разреза вала утрачены, а геосканирование 2016 г. в предполагаемом месте вала окольного града ничего не выявило. Факты, свидетельствующие, что до начала XII в. поселение Чашин Курган не имело укреплений, а позднее его укрепленная площадь явно не дотягивала до параметров города, заставили из-

менить концепцию. Модифицированная версия лежит в рамках теории переноса городов, когда «готовый» город со всеми функциями и связями, сельской округой и путями целиком, с населением, переносится на новое место, а старое пустеет или деградирует. Но и этот вариант гипотезы неубедителен. Князья в XII–XIII вв. строили новые города, но перенести старый город, разорвав его социально-экономические связи и насильно переселив жителей, — не в традициях Руси.

Параллельно с теорией «переноса» возникла теория «пар городов», иначе объяснявшая наличие на Руси и в Северной Европе двух и более соседствующих предгородских центров: разделение городских функций между ними (сочетание племенного града с погостом или «дружинным лагерем» центральной власти, иногда — с открытым торгово-ремесленным поселением типа балтийского международного торгового центра — вика). В 1970–1980-х гг. сложилось так, что сторонники первой теории относились к ленинградской археологической школе (исключение составлял Л.В. Алексеев из Института археологии АН СССР), а второй — к московской (Д.А. Авдусин, ряд его учеников и Е.А. Мельникова). Автор, как ученик Д.А. Авдусина, попробовал применить теорию «пар городов» к брянским реалиям, используя опыт украинского коллеги А.П. Моци по применению концепции антрополога К. Леви-Строса о бинарных оппозициях как стимулах развития к становлению Новгорода-Северского (Моця 1995; Шинаков 1997).

Диахронная атрибуция функций поселения Чашин Курган возникает с конца X в.: это открытое торгово-ремесленное поселение на межплеменном пограничье и пути из Киева и Чернигова в Залесскую землю, затем, с конца IX в., крепость Черниговского или Новгород-Северского княжества против устья Болвы (путь был из Смоленской волости до середины XII в. в Облов в Чернигово-Северскую землю). В качестве бинарной оппозиции Чашину Кургану в Брянской агломерации выступает в конце X — первой половине XII в. комплекс Антоновка на южной ее окраине, где встречено единственное «псевдокамер-

ное» захоронение представителя русской социально-потестарной элиты XI в. (Шинаков 1995). После середины XII в. административный пункт-погост трансформировался во владельческое село с укрепленной усадьбой. Городище Антоновка имело бóльшую реконструируемую площадь (100х90 м) (Поляков 1995. С. 106), чем Чашин Курган (110х68 м с учетом двух площадок). Но по сложности и мощности укреплений Антоновка не идет с ним в сравнение: они под крепость не подходят, а под укрепленный двор феодала — вполне. Г.П. Поляков выявил там сооружения конца X — XI в., синхронные исследованному им рядом «псевдокамерному» захоронению. Открытие в 1998 г. селища Бежичи 2 на западной окраине современного Брянска, входящего в древнерусский комплекс (городище раннего железного века вторичного использования и два селища на месте поселения Роменской культуры), усложнило структуру взаимоотношений разных типов поселений. Бежичи могли быть владельческим селом: находки XI–XIV вв. включают перстни-печатки, серебряную аксельбантовидную привеску, стеклянные браслеты (Шинаков 2010. С. 177).

По материалам Ф.М. Заверняева и своих раскопок Г.П. Поляков (1988) выделил на Чашинском Кургане пять признаков города по А.В. Кузе. Отсутствовали административное управление и монументальное зодчество, но еще два важнейших признака — укрепленная площадь 2,5 га и трехчленная структура — в итоге не подтвердились. В итоге, можно констатировать, что городище Чашин курган было сторожевой пограничной крепостью, расположенной на относительно мирном пограничье. Это мог быть северный рубеж Новгород-Северского княжества.

К середине XIII в. политическая ситуация в Черниговской земле изменилась: за право называться ее великим князем стали бороться брянский и корачевский князья (ранее их резиденции были в Глухове и Новосиле), в связи с чем военно-административный центр был перенесен на Покровскую и

Петровскую горы против устья Снежети, на которой стоял Корачев, тем более что торгово-ремесленная структура здесь уже начала складываться.

Примечание

* Работа частично выполнена на средства гранта РФФИ 18-45-320001.

Литература

- Ахромеев Л.М.* Роль ландшафтов ополей в возникновении древнерусского государства // Тезисы докладов I Брянской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988.
- Моця О.П.* Становлення Новгород-Сіверського в контексті теорії бінарних опозицій // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995.
- Поляков Г.П.* Городище у д. Антоновка под Брянском // Деснинские древности. Брянск, 1995.
- Поляков Г.П.* Древний Дебрянск // Тезисы докладов I Брянской историко-краеведческой конференции. Брянск, 1988.
- Равдина Т.В.* О времени возникновения Брянска // КСИА. 1973. Вып. 135.
- Справка Института археологии АН СССР о времени возникновения города Брянска // Брянску – 1000 лет. Тула, 1986.
- Шинаков Е.А.* Возникновение Брянска в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов» // Страницы истории города Брянска. Брянск, 1997.
- Шинаков Е.А.* Город и округа: к проблеме возникновения Брянска // Вестн. Брянского гос. ун-та. Юбилейный сборник к 80-летию Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. Брянск, 2010.
- Шинаков Е.А.* Камерные захоронения Среднего Подесенья) // Деснинские древности. Брянск, 1995.
- Шинаков Е.А.* Сельская округа средневекового города (на примере Брянского ополья) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2012 год. М.; Брянск, 2012. Т. 2: Типология и особенности регионального аграрного развития Восточной Европы в X–XXI вв.

ЗАЧЕМ ВАРВАРАМ ГОРОД? УРБАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРИФЕРИЙНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА

Можно ли считать, что естественное существование города в варварском обществе возможно и не противоречит его – варварской – сущности? Является ли возникновение или включение города в варварское общество признаком его перехода к государству по так наз. синтезному пути?

Город – это *поселение, противопоставляемое соседним деревням и хуторам из-за его многолюдности, благоустроенности и центрального положения*, – в отличие от поселка типа пуэблос Нью-Мексико или ирокезского городка («агротауна»: Массон 1989. С. 39), от торговой фактории и ремесленного поселка (открытого торгово-ремесленного поселения: Лебедев 1985. С. 105) и от дворца (например, в Кноссе), замка (например, Вартбург), военного лагеря, городища-убежища (Тимошук 1990. С. 39; 1995. С. 29, 105–106) или городища-святилища (например, Капитолий). Если исходить из определения, что варварское общество – это общество относительно развитое, но доцивилизационное в том смысле, что оно организовано без опирающегося на записи администрирования, – то пример галльских оппидов будет означать, что города могут быть свойственны и развитым варварам. Если же исходить из недогматического марксизма, то следует признавать, что город знаменует собой наступление новой эпохи (Массон 1989. С. 11) – эпохи перехода к государственности и классовому обществу. В любом случае, очевидно, что город, если и являлся институтом варварского общества, то только на высшей поздней стадии развития варварства. Тогда захват варварами города соседней цивилизации, если не был определен простым желанием захватить добычу, означал стремление данной группы варваров поскорее цивилизоваться?

Готы, бургунды, отчасти франки, тюринги, аламанны и гепиды в V в. были нацелены на обладание римскими городами не только потому, что города были комфортабельными центрами обширных земельных территорий и сети экономических связей,

но и представляли собой готовый административный аппарат (100 декурионов, 10 принципалов, 2 квестора, 2 эдила, 2 дуовира, куратор города, препозиты пагов, епископ с клиром, архив, скрипторий, школа и т.д.) для зарождающейся варварской государственности. И дело тут не просто в наличии грамотных людей и перспективы использовать письмо (ср. гипотезу о возникновении рун вследствие подражания римлянам в дипломатическом дискурсе: Fischer 2005), сколько именно в существовании административного аппарата, опирающегося на письменную документацию. Именно поэтому римские города мало пострадали от нашествия германцев в V в.

Аттила придерживался иной схемы использования политогенизирующего ресурса римского города: население захваченных городов целиком угонялось в рабство, использовалось затем в т.ч. гуннской элитой и имело шансы рассчитывать на высокое положение (о гуннском государственном аппарате см.: Шувалов 2001. С. 134).

Собственно славянский политогенез на бывшей территории империи начался, в отличие от германцев, не с момента их массового переселения через Дунай в 610–614 гг., а через как минимум полвека (пятая осада Фессалоники), а то и спустя более двух веков, когда роль города как ускорителя политогенеза заняла церковь (крещение карантанцев в середине VIII в., мораван в 831 г., кирилломефодиевская миссия в 863 г., крещение болгар в 865 г., сербов между 830 и 874 гг., хорватов к 890 г., чехов в начале 80-х гг. IX в.). Население же балканских городов в массе своей, начиная с конца VI в., в панике бежало от пришельцев или под прикрытие стен крупных городов (Фессалоника, Константинополь), или на скалистое побережье и острова (Монемвасия, Трогир, Рагуза / Дубровник). Типичная ситуация для римского поселения на Балканах по археологическому материалу выглядит примерно так: непрерывная античная поселенческая культура существует до 583–613 гг., после чего следует запустение (Истрия, Новы, Садовско кале, Афины, Коринф), прерываемое не менее чем через век появлением славянских полужемлянков (Ятрус / Кривина, Диногечия, Олимпия).

На этом фоне странной представляется история с антами, практически не отделяемыми нашими источниками от славян, которые около 546 г. (в изложении Прокопия Кесарийского) согласились на предложение императора «поселиться всем вместе в древнем (обезлюдившем римском) городе по названию Туррис» и владеть им и землей вокруг при условии, что он не только «поможет им в заселении... и выплатит им много денег», заключив союз, но также и, «поставив Хильвудия ромейским полководцем, даст его им в качестве сооснователя» (Prok. bell. VII 14, 32–33; Свод I 1991. С. 185). Совершенно очевидно, что антами тут двигала вовсе не надежда на разграбление давно заброшенного города, и даже не обещанные им деньги, а желание получить в «своем» римском городе «своего» римского начальника с соответствующей (организационной) помощью от императора. В таком случае хочется задаться вопросом, что было в основе желания славян захватить Фессалонику (Prok. VII 40,3; Mir. Dem.): летом 550 г. вместе с окрестными городами (жажда добычи?), в 580-хх гг. во время первой и второй осад (добыча?), между 615 и 622 гг. во время третьей осады под руководством Хацона, четвертой совместно с аvarами (добыча?) и во время пятой осады, начавшейся после ареста и казни Первуда, князя стримонцев и ринхинов, жившего в самой Фессалонике (добыча или же желание там поселиться?). Возможно, славянская военно-политическая верхушка в это время по-прежнему (ср. германские заимствования в славянском) испытывала сильное воздействие «готской» модели политогенеза. В результате этого, славянские вожди могли усвоить (как через прямое общение с готами, так и опосредованное через гепидов и лангобардов) представление о престижности обладания римским городом само по себе, без конкретного утилитарного его обоснования.

Литература

- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
- Массон В.М.* Первые цивилизации / Отв. ред. И.Н. Хлопин. Л., 1989.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1: I–VI вв. / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Отв. ред. Л.А. Гиндин (филология), Г.Г. Литаврин (история).

- Тимощук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1995.
- Тимощук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М., 1990.
- Шувалов П.В.* У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г.Е. Лебедева. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.
- Fischer S.* Roman Imperialism and Runic Literacy. The Westernization of Northern Europe (150–800 A.D.): PhD / Department of Archaeology and Ancient History in Uppsala University. Uppsala, 2005.

Adrian Jusupović

MOMET ZDOBYCIA DROHICZYNA PRZEZ DANIELA ROMANOWICZA WEDŁUG ŹRÓDEŁ RUSKICH A ŁACIŃSKICH

W Kronice halicko-wołyńskiej wraz z opisaniem wyprawy Romanowiczów na Halicz z 1236 r. następuje załamanie ciągłości chronologicznej. Czytamy w źródle:

Веснѣ ж[е] бывши, пойдоста на атвасѣ и прїйдоста к Берестю Рѣкам[ъ] наводнив[ъ]шим[ъ]са, не возмогоста ити на атвасѣ. Данилови рек[ъ]шю: «Не лѣпо ес[тъ] держати нашее шт[ъ]чины крижев[ъ]ником[ъ] Те[м]пличем[ъ], рекомым[ъ] Соломоничем[ъ]». И пойдоста на нѣ въ силѣ тажцѣ, и прїаста град[ъ] м[ѣ]с[ѣ]ца марта, старѣшиноу их[ъ] Броуна аша и вои изоимаша, и възвратиса в[ъ] Волвдимерь (Chronica 2017. S. 199–200).

Specjaliści zajmujący się tym przekazem zgodnie wskazują, że mamy do czynienia z późniejszym wtrętem. Jako datę omawianych wydarzeń przyjmuje się rok 1238, rzadziej 1237. Dariusz Dąbrowski argumentuje, że z jednej strony wzmianka wpisuje się w ciąg przyczynowo-skutkowy, z równoczesnym zastrzeżeniem, że chronologicznie poprawnie byłoby uznać, iż przekaz dotyczący templariuszy powinien zostać zapisany po frazach:

Данилови ж[е] в том[ъ] ж[е] лѣтѣ пошед[ъ]шю на Михаила на Галич[ъ]. Онѣм[ъ] же мира просащим[ъ], даша емоу Перемышль. По

тѡм[ѣ] ж[е] лѣтъ Данил[ѣ] же възведе на Кондрата литвоу Мин[ѣ]дога, Изаслава новѣгорѡд[ѣ]ского (Chronica 2017. S. 201).

Pierwsze zdanie miałoby dotyczyć roku 1237, następne zaś lata tego roku (słowo „lato” bydgoski badacz odnosi, według mnie niesłusznie, do pory roku), po którym w marcu 1238 r. miało miejsce zdobycie Drohiczyzna. Powyższa hipoteza ma jednak poważne luki. Jeśli przyjmiemy, że mamy do czynienia z wtrętem omyłkowo zapisanym w tym miejscu, wówczas punktem wyjścia wnioskowania powinna być poprzedzająca wstawkę, wspomniana już sentencja chronologiczna:

Лѣтоу ж[е] наставшю, събрашас[а], идоста на Галич[ѣ] [podkr. – A.J.] на Михаила и на Ростислава, затворила бо са баста въ градѣ, и Оугорѣ мнѡж[ѣ]ство баше оу него, и възвратившиса, воеваста около Звинигорода, города ж[е] хоташа, не васта, бѣ бѡ с[ва]таа Б[огороди]ца в нем[ѣ] чюд[ѣ]наа икона. **Тое ж[е] всени оумиристаса** (Chronica 2017. S. 198–199).

Przekaz ten jest początkiem wtrętu redaktora pracującego w czasach Włodzimierza Wasylkowicza, zaś informacja o zdobyciu Drohiczyzna jego kontynuacją. Jest on również rozwinięciem sentencji powstałej za życia starszego syna Romana Mścisławowicza i wchodzącej w skład *Zwodu Daniela*. Porównajmy zatem przekazy (po lewej stronie wstawka, po prawej zaś chronologiczny *Zwód Daniela*):

[A.J. – 1236] **Лѣтоу ж[е] наставшю, събрашас[а], идоста на Галич[ѣ]** на Михаила и на Ростислава, затворила бо са баста въ градѣ, и Оугорѣ мнѡж[ѣ]ство баше оу него, и възвратившиса, воеваста около Звинигорода, города ж[е] хоташа, не васта, бѣ бѡ с[ва]таа Б[огороди]ца в нем[ѣ] чюд[ѣ]наа икона. **Тое ж[е] всени оумиристаса**

[A.J. – po 1236, zapewne w okresie 1236 do 1247 r.] Веснѣ ж[е] бывши, поидоста на атвасѣ и

[A.J. – 1236] Данилови ж[е] в том[ѣ] ж[е] лѣтъ пошед[ѣ]шю на Михаила на Галич[ѣ]. Онѣм[ѣ] же мира просащим[ѣ], даша емоу **Перемышль**.

[A.J. – 1237] По тѡм[ѣ] ж[е] лѣтъ Данил[ѣ] же възведе на Кондрата литвоу Мин[ѣ]дога, Изаслава новѣгорѡд[ѣ]ского

прїидоста к Берестью Рѣкам[ъ]
 наводнив[ъ]шим[ъ]са, не возмо-
 госта ити на лѣвѣ. Данилови
 рек[ъ]шю: «Не лѣпо ес[тъ] дер-
 жати нашеє ѡт[ъ]чины кри-
 жев[ъ]ником[ъ] Те[м]пличем[ъ].
 рекомым[ъ] Соломоничем[ъ]». И
 поидоста на нѣ въ силѣ тажцѣ, и
 прїаста град[ъ] м[ѣ]с[ц]а марта,
 старѣишиноу их[ъ] Броуна аша и
 вои изоимаша, и възвратиса в[ъ]
 Волхдимерь

Widzimy w tym miejscu „klasyczną” strategię narracyjną i chronologiczną autora *Kroniki halicko-wołyńskiej*, zastosowaną do opisu wydarzeń z lat 1228–1244 (wcześniej dla paralelnych opowiadań). Wstawka w całości nie ma w sobie nic wyjątkowego. Redaktor pracujący po śmierci Daniela dołączył tekst podkreślający rolę Wasylka w walce o pozycję Romanowiczów w ziemi wołyńskiej i halickiej. W tym celu zastosował liczbę podwójną, wskazującą na obu Romanowiczów. Zarazem w znaczący sposób rozwinął przekaz. Wstawka w całości stanowi krótką historię, charakterystyczną dla technik latopisarskich poczynając od *Powieści dorocznej*. Składa się z opisu wydarzenia z 1236 r. oraz bliżej nieokreślonej w czasie relacji z opanowania Drohiczyzna przez Daniela, którą możemy lokalizować po roku 1236. Zaraz po wstawce obejmującej dłuższy okres (powyżej jednego roku), kronikarz powraca do przerwanej narracji powtarzając za *Zwodem Daniela* wydarzenia opisane na początku wstawki, czyli w tym wypadku: „Данилови ж[е] в том[ъ] ж[е] лѣтѣ пошед[ъ]шю на Михаила на Галич[ъ]. Онѣм[ъ] же мира просащим[ъ], даша емоу Перемышль” (por. pogrubiony tekst w tabelce). Ten zabieg pozwala przywrócić chronologiczny szkielet wydarzeń. Z tej perspektywy tzw. *Zwód Daniela* zastąpił w tej części *Kroniki halicko-wołyńskiej* tzw. *Latopis Rościsławowiczów*. Kronikarz powraca ponownie do walk o Halicz z 1236 r., po których opisuje utrzymaną w porządku czasowym wzmiankę o przymierzu starszego syna Romana Mściśławowicza z Mendogiem („По тѣм[ъ] ж[е] лѣтѣ Данил[ъ] же възведе на Кондрата литвоу Мин[ъ]дога,

Изаслава новъгорѡд[ъ]ского”). To rozumowanie potwierdza również fakt, że po opisie najazdu Mendoga na Lachów kronikarz zgodnie z porządkiem rocznym stworzonym przez autora *Zwodu Daniela* przechodzi do relacji z 1238 r. mówiącej, że: „В то ж[е] время пошель баше Фридрих[ъ] ц[ъ]са[р]ь на герцика” (*Chronica* 2017. S. 202). Mamy zatem do czynienia z sytuacją, kiedy wstawka nawiązuje w pierwszej części do dobrze datowalnych wydarzeń z 1236 r. oraz do znacznie trudniej uchwytnych, dotyczących opanowania Drohiczyzna. Wskazuje ona równocześnie, że redaktor pracował długo po opisywanych wydarzeniach (za Włodzimierza Wasylkowicza) i nie wiedział kiedy dokładnie pochwycono templariuszy. Zdobycie grodu kojarzył jednak z walkami koalicji węgiersko-polsko-ruskiej.

W tym miejscu należy podkreślić, że w tzw. *Zwodzie Daniela* zachowała się krótka historia włączenia Drohiczyzna do domeny Romanowiczów:

[A.J. – w okresie 1241-1247] **Данилови рек[ъ]шю: ”Не лѣпо ес[тъ] держати нашее ѡт[ъ]чины крижев[ъ]ником[ъ] Те[м]пличем[ъ], рекомым[ъ] Соломоничем[ъ]”. И поидоста на нѣ въ силѣ тажцѣ, и пріаста град[ъ] м[ѣ]с[а]ца марта, старѣшиноу их[ъ] Броуна апа и вои изоимаша, и възвратиса в[ъ] Волвдимерѣ.**

[A.J. – 1241]

и възвратиса въ землю свою. И прииде къ градуу Дорогычиноу, и въсхоти внити въ град[ъ], и въс[тъ]но быс[тъ] емоу, ѡко ”не внидеси въ град[ъ]”. Ономоу рек[ъ]шю, ѡко ”сѣи был[ъ] град[ъ] нашъ и ѡт[ъ]цѣ наших[ъ], в неже не изволисте внити во н[ъ]”, ѡтиде, мысла си, иже Б[ог]ъ послѣди ж[е] ѡт[ъ]местіе сътвори дръжателю града того

[A.J. – w okresie 1241-1247]

и вдасть и в рѣци Данилоу.

[A.J. – po zdobyciu Drohiczyzna]

И обновивы и, създа ц[ъ]рк[ъ]въ прекраснѣ въ има С[в]ѣтѣ Б[огороди]ца и реч[е]: ”Се град[ъ] мои, преже бѣ пріѡх[ъ] ег[о] копием[ъ]” (*Chronica*, s. 238–239).

Jak widzimy, po lewej stronie znajduje się druga część omawianego wcześniej wtrętu późniejszego redaktora, który – prawdopodobnie z powodu znacznej różnicy czasu pomiędzy wydarzeniami a pracami nad Kroniką – w złym miejscu umieścił to wydarzenie. Powody powstania tej pomyłki mogą być różne. Może zawiódła pamięć informatora, może autor źródła wpisał informację w wolnym miejscu z zamiarem późniejszych zmian, albo nie skojarzył, że wiadomość już znajduje się w *Zwodzie Daniela*. Należy podkreślić, że przekaz po prawej stronie, konsekwentnie odrzucany przez zwolenników tezy o opanowaniu Drohiczyna w 1238 r., stanowi opowieść obejmującą kilkanaście, jeżeli nie więcej, lat. Najpierw *kníznik* opisuje, powrót księcia Daniela i jego rodziny do Włodzimierza po wycofaniu się Mongołów w 1241 r. W tym czasie nieznany z imienia dowódca Drohiczyna nie wpuszcza go do grodu. Następnie dowiadujemy się, że później ów śmiałek wpadł w ręce Daniela, możemy się domyślać, że w wyniku rozwiązania siłowego. Kolejna informacja dotyczy już rozbudowy Drohiczyna, który był rozłożony w czasie. Zdanie: „Се град[ъ] мои, преже бѣхъ прѣих[ъ] ер[о] копием[ъ]” umieszczone po wybudowaniu w nim cerkwi św. Bogurodzicy wskazuje, że była ona formą dziękczynienia za pomoc w rozbudowie jego władztwa.

Kiedy zatem nastąpiło zajęcie Drohiczyna? Andrzej Poppe ustalił datę *post quem* na rok 1241 r. zaś *ante quem* na 1247. Adrian Jusupović ograniczył ten okres do lat 1241–1244 r., ponieważ w tym ostatnim roku Daniel i Wasylko oblegali Lublin walcząc po stronie Konrada Mazowieckiego, którego wspierali potem aż do jego śmierci. Zatem w źródle mamy trzy możliwe daty opanowania Drohiczyna: marzec 1241 r., marzec 1242 oraz marzec 1243. Rok 1242 wydaje się wątpliwy, gdyż księstwo halicko-włodzimierskie zostało wówczas najechane przez Tatarów. Ponadto po najeździe mongolskim Daniel przez dłuższy czas umacniał swoją pozycję w ziemi halickiej, walcząc z Grzegorzem Wasilewiczem, Dobrosławem Sudiczem, a także z najazdem Roścysława Michałowicza i książąt bołochowskich. Należy pamiętać, że po najeździe mongolskim odrodził się wcześniejszy sojusz Michała Wsiewołodowicza i jego syna Roścysława z Konradem Mazowieckim. Być może Daniel w okresie tych wyteżonych działań w marcu 1243 r. zdecydował się na zdobycie Drohiczyna. Wykorzystał tym samym osłabienie Konrada, który poniósł w maju tego roku klęskę

pod Suchodółem. Potrzebował po niej pomocy. Uzyskał ją od książąt halicko-włodzimierskich, którzy wspierali go w staraniach o tron krakowski. Okoliczności te w pełni tłumaczą, dlaczego władca Mazowsza nie starał się w późniejszym okresie odzyskać Drohiczyzna. Zapewne zrzeczenie się z praw do tego grodu było warunkiem udzielenia mu pomocy przez Romanowiczów.

Powróćmy do drugiej części opisywanej wstawki dotyczącej zdobycia Drohiczyzna. Błędy chronologiczne *Kroniki halicko-wołyńskiej* potwierdzają również źródła łacińskie. Przywilejem z 8 marca 1237 r. Konrad Mazowiecki „dux Masouie et Cuiaue cum communi consensu et unanimi uoluntate filiorum meorum . uidelicet B. ducis Mazovie . K. ducis Quyaue . nec non aliorum duorum . S. et Z. iuniorum, pro nostrarum remedio animarum conferimus et donamus magistro B. et fratribus suis, ordinis militum christi. domus quondam Dobrinensis, castrum Drohicin et totum territorium . quod ex eadem parte castris continetur a medietate fluminum Bug et Nur . usque ad metas Ruthenorum” (*Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich* , nr 366, s. 421, w. 14–22)”. Zdobycie Drohiczyzna znajduje się między wydarzeniami z 1236 r., tymczasem nadanie księcia Mazowieckiego dotyczy roku 1237. Nie może być wątpliwości, że w tym czasie gród przynależał do Mazowsza ponieważ w dokumencie czytamy: „usque ad metas Ruthenorum”. Ponadto nadanie drohiczyńskie dla templariuszy zostało uzupełnione o kolejne. W roku 1239 książę Bolesław doposażył ich wsiami Skuszew, Dęszew i Orzechowo (*Zbiór ogólny przywilejów* 1919. № 392). Przywilej ten potwierdza, że w 1239 r. nie mogło dojść do zajęcia Drohiczyzna przez Daniela Romanowicza. Z kolei 26 sierpnia 1247 r. czytamy w bulli papieża Innocentego IV: „Vestris itaque supplicationibus inclinati, ut nullus Cruceferorum, vel aliorum Religiosorum in vestris terris acquisitis, et acquirendis, de aliquo se intromittere, vel possessionem aliquam acquirere absque beneplacito vestro valeat, auctoritate vobis predicta indulgemus” (Documenta 1951. № 21. S. 36). O ten dokument Daniel wystarał się u papieża w czasie rozmów o koronie królewskiej, by wzmocnić swoją władzę na nowo włączonych terenach a zarazem uciszyć protesty templariuszy, którzy jeszcze w 1249 lub 1250 r. starali się w stolicy apostolskiej o przywilej potwierdzający ich „...super castris apud fluvium Buch” (Urkunden 1987. № 37. S. 38). Dokument

nie zachował się w całości i znamy go tylko z regestu, jednak można sądzić, że chodzi tu o Drohiczyn, w którym była komandoria oraz dobra, którymi templariusze administrowali: Skuszew, Dręszew i Orzechowo. Wnosząc zatem na podstawie jedynie źródeł łacińskich zdobycie Drohiczyzna należy ustalić na okres 1239–1247. Okres ów pokrywa się z analizami przeprowadzonymi na podstawie *Kroniki halicko-wołyńskiej*. Właśnie połączenie tych dwóch typów źródeł – łacińskich i cyrylickich – daje pełny obraz wypadków jakie rozegrały się na pograniczu polsko-ruskim oraz potwierdza obserwacje dotyczące strategii narracyjnej i chronologicznej autora kroniki.

Źródła

- Chronica Galiciano-Voliniana. Chronica Romanoviciana, ediderunt, praefatione notisque instruxerunt / D. Dąbrowski, A. Jusupović. Kraków; Warszawa, 2017. (MPH SN; T. 16).
- Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). T. I: 1075–1700 / Wyd. A.G. Welykyj. Romae, 1951. (Analecta OSBM. Ser. II, Sekcja III).
- Urkunden und Regesten zur Geschichte des Templerordens // Bereich des Bistums Cammin und der Kirchenprovinz Gnesen / Nach Vorlage von H. Lüpke neue bearbeitet von W. Irgang. Köln; Wien, 1987.
- Zbiór ogólny przywilejów i spominków mazowieckich / Wyd. J.K. Kochanowski. Warszawa, 1919.

С.В. Ярцев, Е.В. Шушунова

АНТИЧНЫЙ ГОРОД И ЕГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ)

Городище Белинское начиная со II в. н.э. прикрывало северный фланг западных рубежей Боспорского царства. Выбор места для постройки этой самой мощной пограничной крепости Европейского Боспора не случаен. Она была удачно возведена на скальном плато в Аджиэльском урочище, которое само по себе уже являлось одним из естественных защитных рубежей Керченского полуострова. За свою историю крепость не раз подвер-

гальсась нападениям и жестоким разгромам (Ярцев 2014; Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015). Это обстоятельство способствовало стремлению населения всесторонне обеспечить безопасность своего города. Именно поэтому задача сакральной защиты крепости находилась едва ли не на первом месте в ритуалах и обрядовых действиях горожан.

Так, на первом этапе существования городища, во II – первой половине III в. н.э., судя по ритуальному погребению недоношенных младенцев с внешней стороны фортификационных сооружений (Ярцев, Зубарев, Бутовский 2015. С. 361–364), культовым захоронениям собак (Зубарев 2015. С. 163–165; Ярцев, Шушунова 2018. С. 41–44) и функционированию в это время большого зольного святилища на юго-восточном выходе из города (Зубарев 2015. С. 162), сакральную защиту крепости явно обеспечивали представления, связанные с культом верховного женского божества.

В этих обрядовых действиях, скорее всего, была задействована и ближайшая округа городища. В первую очередь, речь идет о противоположном каменистом склоне Аджиэльской балки, вид на который открывается с городища в сторону северо-запада. В 2018 г. здесь были выявлены остатки круглого фундамента, предположительно являющегося оборонительной башней времени царя Асандра. Однако ниже по склону был обнаружен довольно мощный зольник, который мог функционировать в одно время с городищем. Во всяком случае, его расположение и обрядовая специфика действительно сильно напоминает загорные сельские теменосы (Зубарев 2015. С. 163).

Тем не менее, несмотря на доминирование среди жителей городища представлений, связанных с почитанием женского божества плодородия, вскоре мы начинаем наблюдать серьезные трансформации религиозных верований местного населения. Так, после сокрушительного разгрома крепости во второй половине III в. н.э., к концу столетия она была полностью восстановлена и укреплена дополнительным фортификационным сооружением – противотаранным поясом с внешней стороны оборонительных стен и башен. При этом в кладку противотаранного пояса западной башни жители специально положили перенос-

ной алтарь и антропоморфное надгробие эллинистического времени (Молева 2012. С. 144). Известно, что подобная практика помещения в строительные кладки сооружений античной фортификации антропоморфных надгробий была связана как с древней традицией человеческих жертвоприношений, так и с целью сакральной защиты крепостей божественными силами потустороннего мира (Молева 2012. С. 69). Очевидно, что посредником при общении с последним, как раз и выступали предки, фактически после смерти сами превращавшиеся в богов (Штаерман 1961. С. 144, 188). При этом статус такого предка, человеческий контур которого в схематичной форме как раз и повторяет надгробие, по-видимому, был тем выше, чем больше времени он провел в потустороннем мире. Отсюда тенденция к использованию, как правило, наиболее древних надгробий. О том, что эти ритуальные действия были не случайны, свидетельствуют находки подобных антропоморфов III в. до н.э. на раскопе «Северный» в слоях разрушений оборонительной стены конца первой четверти IV в. н.э. (Молева 2012. С. 145–146). Конечно, отделить культ хтонических божеств, к которым, безусловно, относилась и местная Великая богиня, от почитания героизированных умерших предков вряд ли представляется возможным (Диатроптов 2001. С. 65). Тем не менее здесь явно просматриваются серьезные изменения религиозных представлений жителей городища – в сторону усиления хтонических верований и культа предков.

Учитывая, что почитание предков находило свое отражение в первую очередь в семейной обрядовой практике, огромный интерес вызывают домашние сакральные объекты, обнаруженные на городище и относящиеся ко второму строительному периоду. Так, одно из святилищ помещения № 7, примыкающего к оборонительной стене, было представлено нишей в углу, в которой находился перевернутый открытый лепной светильник и закрытый «птицеголовый» однорожковый светильник на ножке. Ниже находилось ритуальное захоронение собаки более раннего времени, и здесь же в яме был обнаружен небольшой лепной горшочек (Зубарев 2003. С. 139; 2015. С. 165).

Заметим, что редкий тип светильника из домашнего святилища более всего напоминает голову ворона – птицы, образ которой в мифологических представлениях древних германцев и сармато-алан непосредственно связывается с потусторонним миром (Шушунова 2017. С. 30–34). С одной стороны, подобные светильники в основном встречаются только на заключительном этапе существования городища, когда здесь действительно фиксируется пришлый варварский элемент. Однако с другой – данное помещение к этому периоду было уже разрушено, поэтому появление подобных светильников на городище следует отнести к более раннему времени (Зубарев 2015. С. 168–169). В любом случае, птица воспринималась как проводник умерших предков в потусторонний мир, в том числе и в представлениях античного населения, на что определенно указывают птицы, сидящие на оградах открытых героонов на изображениях некоторых боспорских склепов IV–III вв. до н.э. (Диатроптов 2001. С. 67).

Материал из указанного святилища хорошо согласуется с артефактами из другого домашнего святилища, в соседнем помещении № 11. Он представлен алтарем из поставленных вертикально плоских плит, опять же перевернутым лепным светильником, лепным горшочком и антропоморфным надгробием со следами огня, явно использованным в качестве жертвенника. Все предметы были зафиксированы *in situ* (Зубарев 2003. С. 140). Использовалось древнее антропоморфное надгробие в это время и в еще одном домашнем святилище, соседнего помещения № 9. Здесь оно было положено в основание вымостки, прилегающей к алтарю, подобным образом сооруженному из вертикально поставленных плит. При этом здесь снова обнаружен перевернутый лепной светильник (Зубарев 2003. С. 140). Таким образом, артефакты всех выявленных домашних святилищ вполне определенно свидетельствуют не только о почитании жителями хтонических божеств, но и о культе героизированных предков.

Любопытно, но именно с этого времени (со второй половины III в. н.э.) на некрополе городища начинают возводиться склепы нового типа с одной или несколькими лежанками по сторонам (Зубарев, Ланцов, Минаев 2007. С. 145–146). Считается, что это

– имитация триклиния античного дома, и распространение таких погребальных сооружений, являющихся по существу героонами – храмами в честь героев, – связано с серьезными изменениями в области идеологии. Речь, в первую очередь, идет о демократизации апофеоза среди населения, когда фактически все погребенные родственники превращались в героев. Последним же требовалось общее место для семейной трапезы и возлияний, чтобы достичь лучшей участи в потустороннем мире (Русяева, Зубарь 2004. С. 382).

Однако если в конце III – начале IV в. н.э. в религиозных представлениях жителей городища стала происходить серьезная трансформация в сторону усиления верований хтонической направленности и культа предков, то тогда изменения должны были коснуться и ближайшей округи города, на дальних подступах к которому также обеспечивалась его защита. Скорее всего, именно некрополь, расположенный на противоположном склоне Аджиэльской балки и отлично видимый почти со всей территории городища, и превратился в это время в главный сакральный объект округи, откуда героизованные предки обеспечивали божественное покровительство своим потомкам. Косвенно на этот факт указывает размещение в данное время крупного религиозного центра на городище именно на его обрывистой северо-восточной окраине, с которой некрополь виден как на ладони (Зубарев 2015. С. 181).

Таким образом, уже во второй период существования городища началось усиление хтонической составляющей религиозных представлений местного населения, рассчитывавшего на помощь своих героизованных предков.

Литература

- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Зубарев В.Г.* Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. 2003. № 6. С. 138–151.

- Зубарев В.Г.* Культурные объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // *Древности Боспора*. 2015. № 19. С. 161–183.
- Зубарев В.Г., Ланцов С.Б., Минаев О.В.* Склепы некрополя городища «Белинское» // *БФ*. 2007. Т. I. С. 144–150.
- Молева Н.В.* Боспорские антропоморфные изваяния: кросс-культурные и межнациональные коммуникации во времени и в пространстве. Нижний Новгород, 2012.
- Русяева А.С., Зубарь В.М.* Религиозное мировоззрение // *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры*. Харьков, 2004. С. 333–430.
- Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- Шушунова Е.В.* Сакральное значение редкого типа боспорских лепных светильников // *Белгородский диалог – 2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории*. Белгород, 2017. С. 30–34.
- Ярцев С.В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014.
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015.
- Ярцев С.В., Шушунова Е.В.* Жертвоприношение собак в контексте почитания предков на Боспоре (на примере материала городища «Белинское» в Восточном Крыму) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Гуманит. науки. 2018. № 9. С. 41–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айбабин Александр Ильич* – д-р ист. наук, проф. Научно-исслед. центра истории и археологии Крыма Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского (Симферополь)
- Алексеев Николай Александрович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та археологии Крыма РАН, Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne)
- Анисимова Анна Александровна* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Артамонов Юрий Александрович* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Арутюнова-Фиданян Вианда Артуровна* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Ауров Олег Валентинович* – канд. ист. наук, доц., вед. науч. сотр. Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитар. исслед. Ин-та общественных наук РАНХиГС
- Бубенок Олег Борисович* – д-р ист. наук, проф., зав. отделом Евразийской степи Ин-та востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины
- Булычева Елена Владимировна* – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории РГГУ
- Вдовченков Евгений Викторович* – канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Ин-та истории и международных отношений Южного федер. ун-та (Ростов-на-Дону)
- Вершинин Константин Владимирович* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та российской истории РАН
- Вин Юрий Яковлевич* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Виноградов Андрей Юрьевич* – канд. ист. наук, доц. НИУ ВШЭ
- Габелко Олег Леонидович* – канд. ист. наук, проф. РГГУ, проф. НИУ ВШЭ
- Ганина Наталия Александровна* – д-р филол. наук, доц., проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

- Грацианская Любовь Игоревна* – канд. ист. наук, доц. кафедры истории древнего мира Ин-та восточных культур и античности РГГУ
- Денисов Сергей Александрович* – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. Ин-та археологии РАН
- Джаксон Татьяна Николаевна* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Домбровски, Дариуш* – д-р ист. наук (PhD), проф. Ин-та истории и международных отношений Ун-та Казимира Великого (Быдгощ, Польша)
- Ермолова Ирина Евгеньевна* – канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории Историко-архивного ин-та РГГУ
- Зарапин Роман Валерьевич* – канд. ист. наук, доц. каф. всеобщей истории РГГУ
- Зедгенидзе Ангелина Андреевна* – канд. ист. наук, приглашенный преподаватель Департ. иностр. языков НИУ ВШЭ
- Иваненко Александр Владимирович* – науч. сотр. Отдела истории украинского языка и ономастики Ин-та украинского языка НАН Украины
- Илюшечкина Екатерина Викторовна* – канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотр. Лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитар. исслед. Ин-та обществ. наук РАНХиГС
- Калинина Татьяна Михайловна* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Кашианов Сергей Михайлович* – чл.-корр. РАН, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Козлов Сергей Александрович* – канд. ист. наук, зав. Лабораторией исторической географии и регионалистики Тюменского гос. ун-та
- Конявская Елена Леонидовна* – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН
- Короленков Антон Викторович* – сотр. редакции журнала «Новая и новейшая история»
- Котышев Дмитрий Михайлович* – канд. ист. наук, доц., педагог доп. образования МБОУ «Лицей № 13» (Троицк, Челябинская обл.)

- Крадин Николай Николаевич* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, и.о. директора Ин-та истории, археологии и этнографии Дальневосточного отд. РАН
- Кузнецов Андрей Александрович* – д-р ист. наук, доц., проф. кафедры культуры и психологии предпринимательства Ин-та экономики и предпринимательства Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского
- Кузьмин Андрей Валентинович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. науч.-исслед. лаборатории древнерусской культуры Школы актуальных гуманитар. исслед. Ин-та обществ. наук РАНХиГС, доц. Гос. акад. ун-та гуманитар. наук, член Моск. отд. Археографической комиссии РАН
- Кулаков Владимир Иванович* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та археологии РАН
- Кызласов Игорь Леонидович* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та археологии РАН
- Литовских Елена Владимировна* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Лукин Павел Владимирович* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН
- Майко Вадим Владиславович* – д-р ист. наук, директор Ин-та археологии Крыма РАН
- Матузова Вера Иванова* – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Мельникова Елена Александровна* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Михеев Савва Михайлович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН
- Мишин Дмитрий Евгеньевич* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН
- Могаричев Юрий Миронович* – д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой социального и гуманитарного образования Крымского респ. ин-та постдипломного пед. образования (Симферополь)
- Науменко Валерий Евгеньевич* – канд. ист. наук, доц. кафедры истории древнего мира и средних веков Исторического ф-та Таврической академии Крымского федер. ун-та им. В.И. Вернадского (Симферополь)

- Никольский Иван Михайлович* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, доц. кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитар. исслед. Ин-та обществ. наук РАНХиГС
- Панкратова Марина Владимировна* – учитель истории и географии Французского лицея им. А. Дюма при Посольстве Франции в РФ
- Петрухин Владимир Яковлевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН, проф. НИУ ВШЭ
- Платонова Надежда Игоревна* – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
- Подосинов Александр Васильевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, зав. кафедрой древних языков Исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова
- Раиковский Борис Евгеньевич* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Скржинская Марина Владимировна* – д-р ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та истории Украины НАН Украины
- Ставиский Вадим Изяславович* – канд. ист. наук, независимый исследователь (Киев, Украина)
- Столярова Любовь Викторовна* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Суриков Игорь Евгеньевич* – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Сухино-Хоменко Денис Владимирович* – докторант Гётеборгского ун-та (Гётеборг, Швеция)
- Темчин Сергей Юрьевич* – габилитированный д-р гуманитар. наук, проф., гл. науч. сотр., заведующий Отделом изучения письменного наследия Ин-та литовского языка Акад. наук Литвы (Вильнюс)
- Тимохин Дмитрий Михайлович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН
- Тишин Владимир Владимирович* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
- Флёров Валерий Сергеевич* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Отдела средневековой археологии Ин-та археологии РАН

- Хайрединова Эльзара Айдеровна* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Отдела средневековой археологии Ин-та археологии Крыма РАН (Симферополь)
- Храпачевский Роман Петрович* – директор Центра по изучению военной и общей истории (Москва)
- Хусаинов Вадим Маратович* – зав. редакцией страноведения ЦНЦ «Православная энциклопедия»
- Цвиянович, Ирена* – д-р ист. наук (PhD), науч. сотр. Ин-та истории (Белград, Сербия)
- Чхаидзе Виктор Николаевич* – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та археологии РАН
- Шинаков Евгений Александрович* – д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Брянского госуд. ун-та им. И.Г. Петровского, директор Научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований
- Шувалов Петр Валерьевич* – канд. ист. наук, доц. кафедры общего языкознания Санкт-Петербург. гос. ун-та
- Шушунова Елена Валерьевна* – аспирант кафедры истории и археологии Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого
- Юсупович, Адриан* – д-р ист. наук (PhD), адъюнкт департамента источниковедения и издания источников Ин-та истории Польской академии наук (Варшава)
- Ярцев Сергей Владимирович* – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и археологии Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург.
- АЕ – Археографический ежегодник. М.
- БИ – Боспорские исследования. Керчь; Симферополь
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Рус. СПб., 2004.
- БФ – Боспорский феномен. Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб.
- ВВ – Византийский временник. СПб.; М.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВЕДС – Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ГВЛ – Галицко-Волынская летопись
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
- ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. – Древнейшие государства на территории СССР). М.
- ДРВМ – Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИГАИМК – Известия Гос. академии истории материальной культуры. М.; Л., 1921–1935.
- ИКС – *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги. 2-е изд. испр. и доп. М., 2012.
- КЛ – Киевская летопись
- КСИА – Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР (РАН). М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. М.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МГ – Мстиславовова грамота (ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12)
- МГУ – Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова
- НА ІА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины
- НАН Украины – Национальная Академия наук Украины
- НИС – Новгородский исторический сборник.
- НИУ ВШЭ – Научно-исслед. ун-т «Высшая школа экономики»
- Н1 – Новгородская I летопись
- Н1мл. – Новгородская I летопись младшего извода

- ОПИ НГМ – Отдел письменных источников Новгородского государственного музея
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПВЛ – 1) «Повесть временных лет»
 2) Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996 (1-е изд.: 1950).
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей:
- Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд.: Л., 1926–1928. Вып. 1–3).
- Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд.: СПб., 1908).
- Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).
- Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000 (репринт изд.: Пг., 1915. Вып. 1; Л., 1925. Вып. 2; Л., 1929. Вып. 3).
- Т. 4, ч. 2, вып. 1: Новгородская V летопись. Пг., 1917.
- Т. 5: Псковские летописи, вып. 1–2 (репринт изд.: Псковские летописи / Подгот. А.Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2).
- Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
- Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856.
- Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.
- Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.
- Т. 21: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908.
- Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- Т. 24: Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921.
- Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
- Т. 31: Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.
- Т. 33: Холмогорская летопись. Двинская летопись. Л., 1977.
- Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- ПЭ – Православная энциклопедия. М.
- РА – Российская археология.
- РАН – Российская Академия наук

- РАНХиГС – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- СА – Советская археология. М.
- Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества. СПб.
- СВ – Средние века. М.
- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 11 т. / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1988–. Т. 1–.
- СР – Средневековая Русь. М.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинский дом). М.; Л.; СПб.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–.
- BGA I – *Via regnorum... Descriptio ditionis moslemici auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / De Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.*
- BGA II-2 – *Opus geographicum auctore Ibn Haukal / J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Т. 1–2.*
- DAI – *Constantinus Porphyrogenitus. De Administrando Imperio // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Washington, 1967/85. Vol. 1 / Ed. Gy. Moravcsik.*
- IG – *Inscriptiones Graecae.*
- IOSPE – *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.*
- MGH SS RG – *Monumenta Germaniae historica. Series scriptores rerum Germanicorum in usum scholarum separatim editi.*
- MPH NS – *Monumenta Poloniae Historica. Nova Series.*
- REA – *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung / G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, K. Ziegler. Stuttgart, 1893–1980.*
- SRP – *Scriptores rerum prussicarum. Leipzig, 1861–1874. Bd. 1–5 / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke; 1968. Bd. 6 / Hrsg. von W. Hubatsch.*
- TP – *Tabula Peutingeriana (Певтингерова карта)*
- UBBL – *Urkundenbuch des Bistums Lübeck / Hrsg. von W. Leverkus. Oldenburg, 1856 (Nachdruck: Neumünster, 1998). Teilbd. 1.*
- UBStL – *Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Hrsg. von J.F. Böhmer und F. Teschen. Lübeck, 1858 (Neudruck: Osnabrück, 1976). Bd. 2. (Veröffentlichungen des Schleswig-Holsteinischen Landesarchivs; 35).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.</i> Город Готии на плато Эски-Кермен в X в.	5
<i>Алексеевко Н.А.</i> Византийский Херсон и его ближняя округа (по данным ранневизантийских моливдовулов)	8
<i>Анисимова А.А.</i> Основание городов на монастырских землях в рамках внутренней колонизации в Англии XI–XIII вв.	12
<i>Артамонов Ю.А.</i> К вопросу о земельной собственности церкви в Древней Руси	15
<i>Арутюнова-Фиданян В.А.</i> Новые округа и новые города восточных провинций Византии (по «Кавказскому до-сье» Константина VII Багрянородного). Терминология	19
<i>Ауров О.В.</i> Средневековый город и его округа в центральной Испании (до конца XIII в.)	23
<i>Бубенок О.Б.</i> Шарукань, Сугров, Балин – поселения городского типа на половецко-русском пограничье	28
<i>Булычева Е.В.</i> Участие городских демонов в аренде священных земель в Аттике в V–IV вв. до н.э. (по данным эпиграфики)	32
<i>Вдовченков Е.В.</i> Предпосылки и особенности урбанизации раннеаланской культуры Центрального Предкавказья во II–III вв. н.э.	37
<i>Вершинин К.В.</i> Обличение рожаничной трапезы в древнерусской книжности: новые данные	42
<i>Вин Ю.Я.</i> Город или деревня? Укрепленные села в средневековой Византии	47
<i>Виноградов А.Ю.</i> Город как фактор? Модели генезиса епископских центров на северной периферии Византийского мира	51
<i>Габелко О.Л.</i> Кельтский Тилис/Тиле во Фракии: Топоним, географический объект и историографический фантом	54
<i>Ганина Н.А.</i> Топонимы в языке любекского права	60
<i>Грацианская Л.И.</i> Урбанистическая семантика слова πόλις у Страбона и его предшественников	65
<i>Денисов С.А.</i> Городское землевладение в Тевтонском государстве во второй половине XIII в.	70

Джаксон Т.Н. Древняя и современная столицы Дании в описании «Саги о Кнютлингах»	73
Dąbrowski, Dariusz. Polskie grody na kartach <i>Kroniki halicko-wołyńskiej</i> . W sprawie strategii narracyjnych i horyzontów wiedzy autorów ruskiego źródła	78
Ермолова И.Е. Города в понтийском экскурсе Аммиана Марцеллина	84
Зарапин Р.В. Этнический состав населения греческих колоний VIII – середины IV в. до н.э. (по данным топонимики)	88
Зедгенидзе А.А. «Древний Херсонес» Страбона как фрурион Херсонесского полиса	93
Иваненко А.В. <i>Киммерийская тьма</i> и <i>Temarunda</i> Плиния	97
Илюшечкина Е.В. Предание об основании Рима в «Собрании достопамятных вещей» Гая Юлия Солина	103
Калинина Т.М. Термины для обозначения городов хазар в сочинениях арабо-персидских авторов IX–X вв.	106
Кашианов С.М., Столярова Л.В. Скриптории и протоканцелярии в структуре домонгольского города: к вопросу о взаимодействии	111
Козлов С.А. Как сделан пассаж DAI о городах «внешней России»	117
Коняевская Е.Л. О начале тверского Отроча монастыря: легенда и интерпретации	124
Короленков А.В. Осада городов в <i>Bellum Iugurthinum</i> Саллюстия	128
Котышев Д.М. Киев в X веке: формирование политического центра в Среднем Поднепровье	133
Крадин Н.Н. Является ли город критерием государственности?	138
Кузнецов А.А. О достоверности летописного известия об основании Городца	145
Кузьмин А.В. О возможном источнике «Списка городов русских дальних и ближних»	150
Кулаков В.И. Прусские городища по данным письменных и фольклорных источников	156
Кызласов И.Л. Градообразующая роль храмов (Южная Сибирь, середина VIII – начало XII в.)	157

<i>Литовских Е.В.</i> Берген в исландской «Хронике жителей Одди»	158
<i>Лукин П.В.</i> Республиканские городские легенды: случай Новгорода и Венеции	165
<i>Майко В.В.</i> Урбанистические тенденции в развитии византийских городов Восточного Крыма во второй половине X в.	169
<i>Матузова В.И.</i> Урбанизация Пруссии: XIII век	173
<i>Мельникова Е.А.</i> Руническое письмо в средневековой городской культуре Скандинавии	178
<i>Михеев С.М.</i> Много ли в Новгороде Домок? (о писцах группы новгородских рукописей рубежа XI–XII вв.)	181
<i>Мишин Д.Е.</i> Город Хйра как политический центр и центр торговли	186
<i>Могаричев Ю.М.</i> Города и крепости Хазарии: версия А.С. Уварова	189
<i>Наumenко В.Е.</i> Мангуп-Дорос средневизантийского времени. История, топография, функции укрепленного поселения	193
<i>Никольский И.М.</i> Микены – «Фивам соседние стены»: страдал ли Драконций топографическим кретинизмом? (в продолжение дискуссии)	198
<i>Панкратова М.В.</i> Динамика городской жизни Бергена второй половины XIII в. в рамках городского пространства	201
<i>Петрухин В.Я.</i> Начало городской сети на Руси и начальное летописание	203
<i>Платонова Н.И.</i> Древнерусская Ладога в свете археологических и исторических источников	207
<i>Подосинов А.В.</i> Перечень городов южного побережья Черного моря на Певтингеровой карте – сухопутная дорога или перипл?	208
<i>Рашковский Б.Е.</i> «Города», «страны» и «народы» Восточной Европы в средневековых еврейских источниках: проблемы терминологии	215
<i>Скржинская М.В.</i> Наименования античных городов как источник о начальном этапе колонизации Северного Причерноморья	221

Ставиский В.И. О достоверности информации об участии Феодоры Романовны в украшении Холма	224
Суриков И.Е. Урбанизация в архаическом греческом мире: археологические данные и письменные источники	229
Sukhino-Khomenko D.V. Frühmittelalterliche urbane Zentren in Großbritannien: Ein vergleichendes typologisches Modell aus diachronischer Sicht	234
Темчин С.Ю. Иерусалимский мних Афанасий (XII в.) и происхождение домонгольских переводов с древнееврейского	240
Тимохин Д.М. Особенности описания городов ар-Рана в эпоху монгольского нашествия в арабо-персидских источниках	245
Тишин В.В. Феномен тюрьмы и институт лишения свободы у кочевников евразийских степей домонгольского времени (к вопросу о корреляции степени седентаризации и степени сложности общества)	249
Флёров В.С. В поисках хазар на поселениях и в крепостях	254
Храпачевский Р.П. Место и роль алтайского города Чинкай в державе Чингисхана	259
Хусаинов В.М. История раннесредневекового города Волин в свете сообщений Саксона Грамматика	264
Čvijanović, Irena. Development of the Medieval Cities in the Balkan Peninsula until the End of the 13 th Century	267
Чхаидзе В.Н. Торческ – городской центр древнерусского Поросья	269
Шинаков Е.А. Особенности процесса становления средневекового Брянска: историографические концепции и археологические данные	274
Шувалов П.В. Зачем варварам город? Урбанистический аспект периферийного политогенеза	280
Jusupović, Adrian. Moment zdobycia Drohiczyzna przez Daniela Romanowicza według źródeł ruskich a łacińskich	283
Ярцев С.В., Шушунова Е.В. Античный город и его округа в контексте обеспечения сакральной защиты (на примере городища «Белинское» в Восточном Крыму)	289
Сведения об авторах	295
Список принятых сокращений	300

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

РАННИЕ ЭТАПЫ УРБАНИЗАЦИИ

XXXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто

Москва, 17–19 апреля 2019 г.

Материалы конференции

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 13.03.2019 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 19,2 п.л. Тираж 300 экз.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, 119334, Ленинский пр-т 32а